

Абхазский Научно-Исследовательский Институт Краеведения

R 443270
2

А. ФАДЕЕВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИСТОРИИ
АБХАЗИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(С ДРЕВНЕИШИХ ВРЕМЕН
ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ
РЕФОРМЫ 1870 года)

ИЗДАНИЕ АБГИЗА

СУХУМ

1934

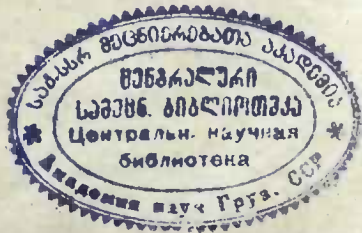
АБХАЗСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕД. ИН-Т КРАЕВЕДЕНИЯ

А. ФАДЕЕВ

КРАТКИЙ ОЧЕРК
ИСТОРИИ
АБХАЗИИ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО КРЕСТЬЯНСКОЙ
РЕФОРМЫ 1870 года)

ПЕЧАТНИК В. К. ЗАК
Академии Наук
В. Н. УШАКОВ

ИЗДАНИЕ АБГИЗА

Вместо предисловия

В предисловии к своему обширному труду „История войны и владычества русских на Кавказе“ генерал Н. Дубровин, этот „почти официальный историк царского правительства“, как называет его М. Н. Покровский, говорит, что:

— „только ознакомившись с бытом туземного населения можно указать здесь на причины, вызвавшие какое либо распоряжение, то или другое историческое событие... Необходимо изучение народного быта, потому что отсутствие таких сведений между административными деятелями вело ко многим ошибкам, имевшим неблагоприятные и серьезные последствия“...

Эта фраза генерала Дубровина достаточно ясно раскрывает целевую установку официальных и полуофициальных дореволюционных историков Кавказа и Абхазии—апологетов русского царизма, которые занимались историей кавказских народов только постольку, поскольку это было необходимо для практических потребностей царской администрации.

Отсюда все изложение истории Кавказа, в том числе и Абхазии, у историков типа Дубровина и др. имело целью: во-первых, оправдание захватнической политики русского царизма, во вторых, прославление „доблестей“ и „подвигов“ царской армии, в третьих—описание „мудрой“ и „культурной“ реформаторской деятельности „цивилизаторов“ в генеральских ботфортах по „устроению доселе диких местностей Кавказа“.

Для разрешения первой задачи необходимо было прежде всего представить кавказцев вообще, абхазов в частности, „дикарями“ и „варварами“, которые всегда находились под „облагораживающим“ влиянием какой-либо „могущественной культурной нации“.

Неоднократно в сочинениях Дубровина и ему подобных откровенно и цинично выражается великодержавно-шовинистическое отношение царских захватчиков к „завоеванным“ кавказцам. Первая глава очерка о черкесах Дубровиным именуется „Одежда черкеса, его жизнь и хищничество“.

Об абхазах он говорит, что среди них „укоренилось множество суеверий и предрасудков, неразрывных с понятиями людей невежественных, грубых и диких“ (Дубровин, том I, стр. 25).

Характеризуя абхазов, он далее заявляет:

„Абхазец вообще груб и невежественен; в нем нет стойкости и твердости характера, он непостоянен, не смел и даже робок, вероломен, осторожен и всегда покорен перед сильнейшим“... (Дубровин, т. I, стр. 39.).

Отсюда понятно, что вся многовековая история Абхазии рисуется Дубровиным по следующей схеме:

„В конце VI в. Абхазия находится под покровительством греков“ (стр. 12).

„В X веке Абхазия подпадает под власть Грузии“... (стр. 12?).

„Абхазия подпала под власть турок“... (стр. 13).

Таким образом, „невежественный и дикий“ абхазский народ всегда находился под „благодетельным влиянием“, под „твердой десницей“ какого-либо мощного и сильного соседа. Эти рассуждения должны аргументировать излюбленный империалистами всех мастей тезис о „великих“ и „малых“ народах, о „высших“ и „нисших“ расах. Этот тезис в отношении кавказских народов ярче всего сформулирован одним из верных псов российского „военно-феодального империализма“ — бароном Усларом.

Услар много времени уделил изучению истории и национальной культуры абхазов, но это изучение было у него так же, как и у Дубровина, подчинено вышеуказанным целям оправдания захватнической политики русского царизма.

Услар прямо заявляет:

„Историческая цель завоевания Кавказа заключается в цивилизованьи его. Таковое назначение к целому туловищу материка Азии возложено Провидением на Россию, по самому географическому положению ее... На пути цивилизации они (кавказские народы), подобно мелким спутникам великой планеты, должны остаться подчиненными спутниками России.. Таковой принцип необходимо принять за краеугольный камень цивилизации Кавказа“... (Сб. свед. о кавк. горцах, т. X, стр. LXXVI).

Один из идейных соратников Услара, Дьячков-Тарасов в историческом сочинении „Абхазия и Сухум в XIX столетии“ конкретизируя этот тезис, пытается объяснить, что целью захвата Абхазии русским царизмом было:

„удалить турок из Абхазии... и водворить спокойствие в несчастной стране“... (Известия Кав. отд. Р. И. Геотр. О-ва, XX, стр. 153).

И далее восторженно заключает, что в результате политического завоевания Абхазии русским царизмом, после 1864 г. „для Абхазии наступила светлая эра“ (там же, стр. 179)“.

Вышеприведенные цитаты из сочинений Дубровина, Услара Дьячкоца-Тарасова достаточно характеризуют их великодержавные, империалистические установки. Методология историков этого типа была методологией воинствующего империализма. В этом свете все исторические факты, касающиеся Абхазии, в трудах Дубровина и др. намеренно фальсифицировались. Классовая природа авторов этих официальных и полуофициальных историков — верных слуг самодержавия — выступает со всей очевидностью.

Принадлежа сами к господствующему классу крепостников-помещиков, зная, что абхазская феодальная знать была опорой царских захватчиков при завоевании Абхазии, Дубровин и ему подобные всячески стремятся выделить местных князей и дворян, рисуя их в самых светлых тонах, замаскировывая их эксплуататорские стремления выдуманными идиллическими отношениями их к поработанному крестьянству.

Если Дубровин характеризует абхазов, как „дикарей“, то сейчас же оговаривается, что:

„Князья и дворяне, в особенности те, которые получили воспитание, вежливы и честны“... (стр. 40)

Феодалы по Дубровину были лучшими защитниками своих подвластных:

„Зависимость их, личные услуги и повинности, приносимые владельцам, были не более, как добровольные подарки, которые, повторяясь в течение нескольких лет, обратились потом в обязанность“... (стр. 67).

Дубровину поддакивает и Дьячков-Тарасов:

„анхайе чувствовал себя в некоторой степени вассалом только ближайшего товада или амиста за покровительство“... (Дьячков-Тарасов, стр. 182)

Это стремление замаскировать, скрыть истинную сущность феодальной эксплуатации как нельзя лучше выдает классовую природу царских историков. Князь и дворянин для них — „защитник и покровитель“ своих подвластных, крестьянин — „дикарь“, который „всегда покорен перед сильнейшим“, крестьянские восстания „дикая расправа“ над помещиками и генералами, беззастенчивый колониальный грабеж и экспроприация трудового крестьянства — „светлая эра“ в истории страны.

Разумеется, что освещение исторических событий в сочинениях генерала Дубровина, барона Услара, Дьячкова-Тарасова и др. в такой же степени соответствовало действительному ходу исторического процесса и отражало реальные исторические факты, в какой абхазские феодалы были „покровителями“ трудящихся, а царские захватчики—„цивилизаторами“.

Ясно, что в то время, когда самое имя „Абхазия“ было стерто с лица земли и страна именовалась „Сухумским Округом Российской Империи“, и не могли появиться труды, сколько нибудь достоверно и объективно отображающие действительную, реальную историю Абхазии.

Современный советский читатель или исследователь может, конечно, из груды мусора великодержавно-шовинистических характеристик, извлечь зерна подлинных исторических фактов, содержащиеся в трудах Дубровина, и пр., но он с презрением отбросит все их методологические построения, все их установки, отражающие идеологию воинствующего империализма и великодержавного шовинизма.

После советизации первым трудом, в котором затрагиваются некоторые проблемы истории Абхазии, явилась изданная в 1923 г. Наркомпросом ССР Абхазии книга С. Басария—„Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении“.

Цель своей работы автор, как это видно из предисловия, видел „в передаче общих основ географии Абхазии“.

Однако география служит для Басария лишь трамплином для анализа общественных отношений. Его работа может быть названа „географией“ только постольку, поскольку географическая среда является для него определяющим фактором в развитии общественно-исторического процесса.

„Красота и разнообразие природы, прекрасное море и чудный климат,—все это способствует развитию лучших сторон души народа. Географическое положение обуславливает природу страны, влияет на ее историю и налагает глубокий отпечаток на культуру населения. Очевидно, величие природы страны еще за пределами истории(!) выработало в народе любовь к прекрасной стране и бойца за самобытность“... (Басария—„Абхазия“, стр. 62).

Подобные взгляды автора полностью заимствованы из метафизической философии Бокля, для которого „природа и дух человеческий“ были „главными факторами истории“.

Эти взгляды, как и вся философская система Бокля, в корне противоречат материалистическому пониманию истории и марксистской оценке значения и роли географической среды.

Марксизм признает, что:

„геологические, оро-гидрографические, климатические и иные отношения обуславливают не только первоначальную организацию людей, но и все их дальнейшее развитие до нашего времени“...

но подчеркивает, что:

„Всякое историческое описание должно исходить из этих естественных основ и их видоизменения в ходе истории, благодаря деятельности людей“. (Архив Маркса и Энгельса, I, стр. 214—215).

Это последнее и является решающим. Энгельс прямо указывал, что человек, владеющий техникой:

„заставляет природу служить своим целям, господствует над ней“. (Энгельс—„Диалектика природы“, стр. 71).

Влияние географической среды не может быть игнорировано. Но это влияние не постоянная, а переменная величина. Оно изменяется обратно пропорционально уровню развития техники, оно сказывается на человеке не непосредственно, а через производственные отношения, через экономику, движение которой именно и является основой развития общества и культуры.

У Бокля же наоборот. Географическая среда—постоянный и определяющий фактор, прямо и непосредственно влияющий на общественные отношения, на идеологию общества. Басария, как это видно из вышеприведенной цитаты, придерживается целиком методологических построений Бокля и его соратников-идеалистов.

Именно поэтому псевдо-научными оказываются многие его объяснения тех или иных фактов из истории Абхазии. Так, например, проблему генезиса (происхождения) абхазов, проблему становления абхазо-адыгейских племен Басария трактует следующим образом:

„Дивно прекрасно Черное море у берегов Абхазии. Слишком очаровательна, волшебнo-сказочно-красива эта страна. Эта жемчужина, перл Кавказа, испокон веков являлась заветной мечтой-приманкой для народов, искателей тихого пристанища после жесточайшей продолжительной борьбы. Это было в век Великого переселения народов.

Очевидно, в эту историческую эпоху одно из племен генихов: абаски — обезы — абхазы, как более сильные среди прочих соискателей лучших земель, могли иметь возможность занять этот несравненный „край гордой красоты“ и несмотря на то, что после этого волны человеческой страсти продолжали плескаться берега этой страны, народ „Апсуа“ — „люди души“ — огнем и мечом отстаивал свою страну „Апсны“ — „страну души“... („Абхазия“ стр. 38).

В приведенном отрывке содержатся необычайная эклектическая смесь псевдо-научных, анти-марксистских построений. Здесь и отражение буржуазной „теории миграций“, утверждающей о вечном бродяжничестве народов, и отклики каутскианской теории происхождения государства, путем вытеснения „сильных“ и завоевания „слабых“ племен, и опять все тот же Бокль, разбавленный до нельзя кисло-сладкой водичей чистейшего идеализма. Какой цели служат подобные построения автра? Смысл вышеприведенного отрывка раскрывается в последующих фразах:

„Ни римляне, ни византийцы, ни турки, ни генуэзцы, ни венецианцы не могли завладеть Абхазией... Властно-гордая народная воля сумела пережить эти великие державы“. („Абхазия“, стр. 38).

Что это за вечная и неизменная, суверенная „народная воля“, выдвигаемая Басария, как основной стержень исторического развития Абхазии?

Этот термин, заимствованный из арсенала народнических и эсеровских лозунгов, нужен автору в качестве необходимой предпосылки для соответствующего освещения исторических событий.

Абхазия для для Басария — „край гордой красоты“, „перл Кавказа“.

Абхазы — это „французы Кавказа“ (стр. 73), это — народ, который „весьма даровит и разбирается в сложных социальных и политических вопросах“ (стр. 85), который „удивляет иностранцев своею вежливостью“. (стр. 73).

Басария утверждает, что на сознание абхазов:

„Исключительная природа Абхазии... положила свой отпечаток в выработке известного эстетизма, известных этических норм жизни, освященных вековой традицией, простоту и скромность в форме нелюбви к крикливому, громкому, внешне-красивому, предпочтения качества количеству“. (стр. 46).

Басария превозносит достоинства „абхазского народа“, скрывая классовые противоречия между абхазским помещиком и абхазским крестьянином, абхазским кулаком и абхазским бедняком, чудовищно идеализируя пережитки родового строя и даже национальную религию абхазов, утверждая, что

„абхазы, занимая очаровательную землю с ее бесподобно-величественными красотами, как факторами выработки возвышенных, эстетических начал жизни имея вековое влияние разных, как первобытных, так и исторических народов, вкусив истинное учение (!) христианства от первоисточников его распространения—учеников Христа (!), а также... будучи знакомы с учением другого великого (!) вероучителя (!) Востока—Магомета,—вобрали в себя все лучшее, что было в этих учениях плюс влияние окружающей волшебной природы и создали себе тип религии, в свое время одинаково порицаемой и фанатиками-муллами, и православными священниками“... („Абхазия“, стр. 53—54).

Приведенная цитата настолько красноречива, что не нуждается в специальных комментариях...

Перевознося национальные достоинства „абхазского народа“, несмотря на правильную критику провокационной политики царской администрации в национальном вопросе, Басария, однако, сам впадает в местный национализм.

В 1925 г. вышла в свет изданная Наркомпросом СССР Абхазии книга С. Ашхацава „Пути развития абхазской истории“. Само название книги возлагало на автора большую ответственность, ибо целью книги, очевидно было дать схему истории Абхазии в методологическом разрезе.

Первые же страницы этой книги раскрывают методологические установка автора, как антима르크систские, противоречащие материалистическому пониманию истории, прямо противоположные методологии исторического материализма.

На первой же странице торжественно красуется эпиграф:

„Без исторического образования немислимы ни государственные люди, стоящие на высоте своего призвания, ни дельная, мужественная публицистика“..

Источник, откуда взят этот эпиграф автор, к сожалению не указывает, но ясно, что за позолоченной мишурой этой звонкой фразы скрывается идеалистическое понимание роли личности в истории, ибо речь здесь идет о том, что „государственные люди“ становятся таковыми по „призванию“ божественного промысла, а не потому, что их выдвигают общественные отношения и общественная борьба классов.

Выбор подобного эпиграфа не является случайным, т. к. на стр. 7 мы читаем следующее выражение, которое заключает введение к книге:

„Ведь каждая народность, как бы не была она мала в своем численном составе представляет из себя самодовлеющую силу и историческую реальность. Эти особенности выражаются не только в языке, обычае, навыках, искусстве, но и в известном строе души (!). Этот строй души и есть основной капитал и основная ценность не только больших народов, но и самых маленьких народностей“.

Этот отрывок открывает сразу все двери в методологическое здание Ашхацава, построенное на песке метафизики, на зыбкой почве идеалистической философии.

Утверждая, что „строй души“ есть „основной капитал“ всякого народа Ашхацава тем самым утверждает, что сознание определяет бытие или прокламирует принципы резко противоположные формуле исторического материализма, гласящей что „общественное бытие определяет общественное сознание“.

Будучи последовательным Ашхацава все дальше и дальше заходит в идеалистическое болото. Пересказывая „древнейшие сведения о Кавказе“, он, в один голос с Басария, заявляет (стр. 8.):

„Итак, с самого начала существования человека, Кавказ должен был принадлежать сильному (!). Его географическое положение, природные богатства, разнообразие и красота все это привлекало к нему человека. Благодаря такому исключительному положению, Кавказ сделался центром древнейшей человеческой культуры“.

Точь в точь, как у Басария, народы утомленные бродяжничеством („великия переселения“) ищут „тихой пристани“ на доне „волшебной Кавказской природы“.

Также, как у Басария, здесь очевидно мы имеем дело не просто с „географическим уклоном“ от марксизма Плехановского типа, а лишь подтверждение и развитие первоначальных идеалистических установок автора.

Приступая, далее, к истории развития абхазских племен и их объединений (которые, кстати, Ашхацава именует „царствами“), он излагает ее исходя из следующего откровения грузинской монархическо-феодалной летописи „Картлис Цховреба“:

„В это время Абхазия была единственной частью Кавказа, которая собственной безопасностью

и плодородием почвы способствовала физическому и моральному усилению ее царей“.

Ашхацава никак не комментирует эту глупую церковно-монархическую сказку. Он слепо идет за ней, говоря там же (сте. 12):

„Несмотря на то, что может показаться скучновато, все же необходимо проследить некоторые подробности об этих царях“...

И дальше начинается нудное перечисление „царей“ и „цариц“, которые по мнению Ашхацава делали историю Абхазии. Среди этих царей есть цари „прекрасной души и наружности“, „умные“, „деятельные“, строгие блюстители правосудия и сострадатели вдов и сирот“ (стр. 15), есть цари „с тяжелым характером“ (стр. 20), есть „честолюбивые“ (стр. 19).)

Цари рождаются, женятся, убивают, путешествуют. Но кроме царей нет никого: нет ни классов, нет ни народных масс, нет экономики, нет реальной основы исторического процесса.

За то есть такие перлы, как утверждение о том, что „С христианской же эры выступают, как организованное государство Абхазы“ (стр. 11).

Достаточно известно, что в первые столетия нашей эры абхазы, вернее предки их, переживали период родо-племенного строя, характеризуемый до—классовыми отношениями, а следовательно отсутствием государства. Но Ашхацава не признает марксистско-ленинскую оценку государства, которое „возникает там, где возникают классы“ (Ленин) и считает возможным существование государства в доклассовом обществе. Ясно, что в первые столетия нашей эры, предки абхазов не имели государства также, как они не имели и царей.

„Цари“, исчисляемые десятками в книге Ашхацава, являются в большинстве всего лишь племенными вождями и главами родовых союзов. Ашхацава в этом случае повторяет только зады терминологии византийских и европейских писателей, которые будучи представителями уже классового общества старались все явления подогнать под гребенку привычных для них понятий. На это неоднократно указывали Маркс и Энгельс:

„Европейские ученые; в большинстве своем прирожденные лакеи, превращают базилевса в монарха в современном смысле этого слова... изображают нам греческих предводителей героической эпохи в виде королей и князей. Но современному значению слова „король“ древне-греческое „базилевс“

совершенно не соответствует... Базилевс был военачальником, судьей и верховным жрецом; правительственной властью в позднейшем смысле этого слова, он, таким образом, не обладал"... (Энгельс— „Происхождение семьи“ (стр. 129—131).

Затуманивая блеском „царских“ титулов и имен реальные исторические процессы, Ашхацава доводит свое изложение до XV века—до распада Грузии. При этом чрезвычайно характерно объяснение, которое он дает причинам этого распада. Оказывается, что причиной распада мощного централизованного государства, созданного в эпоху Давида и Тамары, был не жестокий экономический кризис, охвативший Грузию, вследствие закрытия торговых путей и захвата Византии крестоносцами, не интенсивная феодализация, сопровождавшаяся внешними поражениями в борьбе с монголами и Тамерланом, а главным образом:

„внутренние трения среди самых царей, вызывавшие взаимную вражду и братоубийственные войны“ (стр. 21).

„Научность“ подобного анализа не требует комментариев. Методология Ашхацава в исходной точке смыкается с методологией Басария. Это не случайное совпадение, потому что и работа Ашхацава пронизана тем же местным абхазским шовинизмом, хотя и не так ярко выраженным, более замаскированным и сдержанным.

Действительная целевая установка книги Ашхацава выражена им следующим образом:

„Многовековая абхазская культура воспринята и претворена в позднейшей грузинской истории“... (стр. 22).

Здесь есть зерно истины, но эта истина фальсифицируется Ашхацава в угоду местному шовинизму.

Действительно, Грузия выросла из государственного объединения кавказских племен, в котором сначала первую скрипку играли абхазские или абхазо-адыгейские племена. Даже Тамара XII века является по справедливому замечанию акад. Марра „царицей не одних грузин“, но и не одних абхазов, а царицей „определенных социальных слоев органически выросших в процессе длительной жестокой борьбы союзной формации кавказских народов, начиная в первую голову с абхазов и затем грузин, и отнюдь не исключая народов Северного Кавказа... (Марр—„В тупике ли история матер. культуры“ (стр. 18)

И нет никаких оснований называть Тамару „абхазской царицей“, а союзное государство абхазских, картвельских

и пр. племен именовать „Абхазским царством“ вплоть до XV века, также как и грузинскую феодальную письменность — абхазской. Не одни абхазы завоевывали Грузию, и культура Грузии не просто заимствована грузинами от „многовековой абхазской культуры“, а является продуктом скрещения и слияния культур многих кавказских народов, стоявших в то время примерно на одной и той же первобытной основе, только что вышедших из доклассового общества.

Мы обвиняем многих грузинских историков в местном национализме, когда они затушевывают гегемонию абхазских племен в союзном государстве X-XI в. в., но мы считаем фальсификацией подлинной истории выпячиванье абхазов, как единственных носителей общекавказской культуры, как единственных создателей государства Давида и Тамары.

Кому нужна подобная фальсификация?

Тем же, чьи интересы объективно защищает и книга Басария — отживающим элементам абхазского дворянства и абхазского кулачества.

Что именно этим интересам служит и работа Ашхацава подтверждает его собственное заявление:

„Абхазия — крестьянская страна — так поголовно последовала за большевизмом, даже не исключая абхазского мелкого помещика, который сказал: „Лучше свобода, чем лишняя десятина земли“... (Ашхацава, стр. 7).

Более откровенной анти-партийной и анти-советской попытки проповеди классового мира в абхазской деревне, той самой, где под руководством партии в первые годы советизации в обстановке жесточайшей классовой борьбы ликвидировано феодально-помещичье землевладение, где сейчас классовый враг оказывает упорное сопротивление социалистической перестройке — найти трудно. Только принципиальные шовинистические убеждения могли продиктовать такую фразу.

Двух мнений быть не может.

В том же 1925 г. была издана Наркомпросом СССР Абхазии книга Д. И. Гулия — „История Абхазии“ (том первый), которая хронологически охватывала период истории Абхазии до X века.

Однако, более всего автор уделял внимания вопросу происхождения абхазов, которому посвящены восемь из всех девяти глав книги. Целью работы автор считал доказательство того, что

„абхазы и их предки гениохи (иниохи) суть колхи, вышедшие из Египта и главным образом из Абиссинии“... (Гулия — стр. 9).

Сама постановка вопроса о происхождении абхазов, как ее прокламирует Гулия, противоречит марксистско-ленинской методологии истории.

Свои взгляды о происхождении абхазов или их предков из Египта и Абиссинии Гулия полностью заимствует из арсенала буржуазной „теории миграций“, разоблаченной сейчас до конца трудами акад. Марра, акад. Мещанинова и др. советских ученых.

Россказни о происхождении народов из одного пра-источника, о „великих переселениях народов“, о „заимствовании культурных форм“ служат лишь укреплению „расовой теории“, резко враждебной пролетариату и стремлению опровергнуть марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях.

Мы не отрицаем возможностей заимствования отдельных культурных форм, не отрицаем влияния одной культуры на другую, не отрицаем и возможностей переселения племен, но мы против того, что только переселение является главенствующим фактором культуры-творчества (см. Мещанинов—„О до-историческом переселении народов“, (стр. 205).

Мы знаем, что экономический базис является основой общественного строя и те или иные общественные явления определяются в конечном счете изменениями в способе производства. Можно объяснить переселение абхазо-адыгейских племен в пределах Кавказа и побережья Черного моря, ибо причину этих переселений не трудно обнаружить в примитивной хозяйственной структуре эйлажного скотоводства, но чем, какими реальными причинами можно объяснить переселение абхазов или их предков из Абиссинии на Кавказское побережье?

Нельзя придумать такой правдоподобной причины, которая заставила бы население Египта—Страны древнего земледелия сорваться с места и бродяжничать на многие тысячи километров в стремлении переселиться на берега Абхазии. Кстати, И. И. Гулия и не дает никакого объяснения причинам предполагаемого им выселения предков абхазов из Египта. Он просто констатирует этот факт, который заимствуется им из оброненного как то Геродотом замечания, что „колхи—выходцы из Египта“. Это замечание Геродота повторяли и позднейшие античные писатели, всегда однако, ссылаясь на Геродота.

Замечание Геродота о происхождении колхов из Египта внушает очень мало доверия, ибо аргументирует Геродот его

только тем, что „колхи—темнокожи и курчавы“, что они совершают „обрезание“, что они обрабатывают лен также, как и египтяне. Но нам сейчас хорошо известно, что смуглость кожи, „курчавость“, „обрезание“ и льноводство—все это не является монополией одних египтян. Почему бы тогда не вывести колхов из Австралии, например, туземные племена которой также являются обладателями многих из этих категорий. Кроме того, известно, что расшифрованные востоковедом Ленорманом клинописные знаки вавилонян гласят о том, что армия Рамзеса—Сезостриса, от которой по Геродоту откололись „колхи“, не заходила далее Сирии, каковая очень далека еще от Абхазии.

Все это было известно и Гулия, почему он, чувствуя рискованность гипотезы Геродота, подтверждает ее лингвистическими и этнографическими аналогиями, обнаруживая в этой области чудовищный формализм.

Так например, он сопоставляет географические названия Абхазии и Египта:

Гума—Гумма (Египет).

Лат—Ласта.

Гали—Галла, и т. п.

Но если придерживаться такого формального подхода к подобным сравнениям, то одинаково можно проводить аналогию между Абхазией и Германией („Гума“—„Гумбинен“ (Пруссия), Абхазией и Латвией „Латā“—„Латы“ (самонаименование латышей) и т. д. Почему например, „Гали“ можно сравнивать с Египетским „Галла“, а нельзя сравнить с германским „Галле“ или со славянским „Галич“, „Галиция“?

Еще смехотворнее выглядят этнографические аналогии. Оказывается и абхазы, и абиссинцы справляют поминки по умершим (Гулия—стр. 126). Ну, а русские, немцы, японцы, индейцы и прочие—все кто проходил стадию родового строя разве не имеют этого обычая?

Оказывается, и абхазы, и абиссинцы кушают красный перец (стр. 130). Но разве тогда мексиканцы, индусы, сиамцы, испанцы, греки, не родственники абхазам—ведь все они обожают перец, особенно, если есть хорошее вино? Оказывается и абхазы, и абиссинцы „уважают старших“ (стр. 132). Но разве любой народ на ступени патриархата не уважает старших точно также, как абхазы?

И наконец, „убийственное“ доказательство родства абхазов и абиссинцев—абхазы носят бурку, а абиссинцы—бурнус. Совсем, как два брата. Но почему тогда все таки не вывести абхазов из Японии—там тоже носят плащи (правда из со-

ломы), из Испании, из любой страны, где распространена накидка, предохраняющая от дождя?

В заключение, еще одна аналогия:

„Жизнь абиссинского аристократического семейства в противоположность холопскому отличается полным сибаритством. Ни родители, ни их дети положительно ничего не делают, пользуясь лишь трудами других“...

Это Гулия цитирует описание Абиссинии и тотчас добавляет:

„Абхазские князья и дворяне жили также“ (Гулия—стр. 131).

Наивность этой аналогии не нуждается в комментариях, ибо не нужно даже быть марксистом, чтобы все-таки знать, что всюду и везде, решительно у всех народов, вышедших из периода до-классового общества—одни „положительно ничего не делали, живя трудами других“, а другие—на них работали:

Не выдерживают критики и религиозные аналогии. Культ священных деревьев—известен не только у абхазов и египтян, но и у множества других народов, равно как и почитание „священных гор“, и поклонение умершим предкам.

Все эти аналогии, тщательно подобранные Гулия бьют его собственные методологические установки и могут быть с успехом использованы для разоблачения буржуазной „теории миграций“ и „теории заимствований“. Они лишь еще раз подтверждают марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях и основной принцип теории исторического материализма—„общественное бытие определяет общественное сознание“. Именно в однородности экономического базиса, в одинаковом способе производства заключаются причины сходства культурных форм и социальных аналогий, которые Гулия устанавливает между абхазами и абиссинцами. Эта однородность производственных отношений в конечном счете объясняет и лингвистические аналогии Гулия, который невольно помог учению акад. Марра о языке, обнаружив яфетические корни у абиссинцев.

Нет никаких оснований выводить абхазов из Египта, из Абиссинии, из Австралии, из Огненной земли (что легко можно сделать, следуя формальному методу Гулия), ибо абхазский народ сложился путем скрещения племен, в свою очередь образовавшихся путем слияний мелких этнических родовых и темных групп, живших в пределах Кавказа.

Так обстоит дело с вопросом о происхождении абхазов в разрезе трактовки этого вопроса Д. И. Гулия. Истории аб-

хазских племен в своей книге Гулия фактически не дает, ибо глава „Политическое положение абхазов с I по X век“ содержит лишь то же самое перечисление „царей“ и „цариц“, как и у Ашхацава. Тем не менее, следует отметить, что книга Д. Гулия интересна обилием ценных фактических сведений по истории Абхазии, разбросанных, однако, без всякой системы или подгруппированных для аргументирования гипотезы „абиссинского“ происхождения абхазов. Историк—исследователь с успехом может использовать собранные Д. Гулия весьма интересные фактические материалы по абхазскому фольклору и истории материальной культуры абхазов, освободив их от скорлупы анти-марксистской методологии, так как при всех ее недостатках, это наиболее солидная и серьезная работа по истории Абхазии, вышедшая в свет в первые годы после советизации Абхазии.

Полезные фактические данные содержит и следующая работа по истории Абхазии, изданная Наркомпросом СССР Абхазии в 1926 г.—книга К. Кудрявцева—„Сборник материалов по истории Абхазии“.

Не владея, как Д. Гулия, фольклорным материалом, автор ее, однако, подобрал исторические сведения об Абхазии из самых разнообразных письменных источников, осторожно озаглавив свою книгу „сборником материалов“.

Но в то же время следует указать на то, что собранным материалом Кудрявцев дает сплошь и рядом явно неправильное и не марксистское освещение.

Анти-марксистской является прежде всего сама периодизация истории Абхазии которой придерживается Кудрявцев. Он делит историю Абхазии на периоды: „эллинического влияния“, „римского влияния“, „византийского господства“, „турецкого влияния и господства“, т. и. д. вплоть до „русского влияния“, которым и заканчивается книга.

Подобная периодизация явно льет воду на мельницу великодержавного шовинизма и является отражением империалистической „расовой теории“, отрицающей за „малыми народами“ право на независимое существование и самостоятельное развитие. Совершенно ясно, что подобная периодизация сближает Кудрявцева с „историками“ типа Дубровина и др. и является самой тяжелой его методологической ошибкой.

Кудрявцев формально описывает события, так сказать, „внешней“ истории Абхазии, избегая комментировать их или объясняя их все теми же иностранными „влияниями“ и борьбой этих „влияний“, но картины внутреннего развития общественно-исторического процесса он не дает. Там же, где он затрагивает общественный строй внутри Абхазии, Кудрявцев

совершает ошибки, обнаруживая недостаточное владение фактами. Так например, он говорит:

„К концу XVIII и началу XIX века мы видим страну покрытой объединениями— „акыта“, которые носят характер чего то среднего между общиной, волюстью и феодальной единицей (стр. 16.).

„Акыта“ представляет из себя самую типичную „сельскую общину“, а не „что-то среднее“.

Далее Кудрявцев объясняет происхождение феодалов:

„Внешние отношения „акыта“ были благоприятной почвой для образования главенства одной фамилии. На подобную фамилию падали тяжелые обязанности руководства. С течением времени, кроме обязанностей, были присвоены и права и подобные фамилии выделялись в особые сословия“ (стр. 16).

Нет нужды говорить, что подобное объяснение возникновения класса феодалов является в корне противоречащим марксистско-ленинскому учению о происхождении классов и государства.

Все вышеназванные работы по истории Абхазии, ранее изданные Наркомпросом ССР Абхазии, проявившим несомненно в этом случае тот „гнилой либерализм“, о котором говорил т. Сталин в своем письме в редакцию журнала „Пролетарская революция“, были впоследствии подвергнуты жестокой критике, как в местной печати, так и на XIII областной парт-конференции. Секретарь Абхазского Обкома КП(б)Г т. Ладария в своем выступлении на IX съезде компартии Грузии подчеркнул, что

„Писания Гулия... и Ашхацава у нас подверглись резкой критике, как не марксистские, не большевистские“...

Сам Ашхацава на XIII областной партконференции в 1932 г. признал свои ошибки и обещал исправить их в дальнейшей работе в области истории Абхазии.

С. П. Бассария, в своей книге, изданной в 1923 г., допустивший серьезные методологические и политические ошибки, за последние годы выправил их в своей практической работе на фронте культурного строительства, а также в ряде учебников по географии для абхазских школ, составленных им в 1932-34 гг.

В 1932—33 г. Абхазским Научно-Исследовательским Институтом Краеведения были изданы три работы А. Фадеева:

- 1) „К вопросу о феодализме в Абхазии“;
- 2) „Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии“.
- 3) „Очерки по истории береговой торговли XVI—XVIII в. в.“

Первая работа была подвергнута разбору в рецензии Института Марксизма-Ленинизма при ЦКП(б) Грузии, опубликованной в газете „Сов. Абхазии“ от 14 апреля 1932 г.)

Рецензия отмечала эту работу, как „первую попытку марксистской разработки истории абхазского феодализма“, которая „несомненно дает марксистский подход к изучению социального строя Абхазии“.

Вместе с тем, рецензия указывала на ряд недостатков в этой работе, крупнейшим из которых является схематизм построения и явно недостаточное овладение материалом.

Такие вопросы, как „процесс разложения рода и приспособление родовой организации и адатов к интересам феодальной верхушки, связи абхазских феодалов с торговым капиталом Византии, позднее Турции, борьба между христианством и абхазским „язычеством“, совершенно не освещены“. —говорилось в рецензии. Необходимо отметить и еще одну ошибку данной работы—чрезвычайно поверхностное и упрощенное до вульгаризаторства объяснение причин создания „Абхазо-Карталинского государства“ (сама формулировка „Абхазо-Карталинское“ является неверной).

„В конце VIII века абхазские племена совершают грандиозный военный поход на юг и в союзе с западно-грузинскими племенами образуют т. наз. Абхазо-Имеретинское государство“ (стр. 13).

Ясно, что подобное объяснение отнюдь не может быть названо научным анализом.

Вторая работа А. Фадеева о крестьянской реформе в Абхазии также страдает схематизмом, в особенности в последнем разделе „Развитие капитализма“.

Главной ошибкой этой работы является неправильная характеристика „первоначальных целей кавказской политики русского царизма“ в той части, где тенденция к продвижению на Ближний Восток и к захвату Кавказа будто бы вызывается исключительно желанием установить торговую монополию на Черном море (стр. 7).

Интересы торгового капитала влияли на внешнюю политику царизма, но разумеется не в такой чудовищной степени.

В серьезную ошибку перерастает и досадная описка автора, назвавшего империализм „формацией“, вместо „стадии капиталистической формации“ (стр. 17). Вообще рассуждения автора о „военно феодальном империализме“ царской России грешат неточностями и неясностями, допускающими двусмысленные толкования.

Третья работа А. Фадеева о береговой торговле в Абхазии, с одной стороны пополняет первую его работу об абхаз-

ском феодализме, но с другой—имеет один существенный недостаток—именно то, что хронологически она охватывает лишь два столетия, когда следовало бы дать общий очерк развития береговой торговли в целом, начиная с античного периода.

Таков краткий обзор главнейших печатных трудов по истории Абхазии, которые в большинстве своем (Дубровин и др.) абсолютно неприемлимы для советского читателя.

Наша задача дать краткий очерк истории Абхазии в освещении исторического материализма, который по словам Ленина, явился величайшим завоеванием научной мысли. Только „марксизм указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного, во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса“ (Ленин).

Только марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях, под которыми понимается „совокупность производственных отношений, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания“ (Маркс)—только это учение дает возможность установить правильную периодизацию истории. Что же касается движущих сил и основных—факторов исторического процесса, то таковыми для нас не являются ни „цари“, ни „волшебные красоты природы“, а диалектическое взаимодействие экономического базиса и надстроек, которое выражено гениальными словами Маркса в знаменитом его предисловии к „Критике политической экономии“...

„В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые, от их воли зависящие производственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс социальной, политической и духовной жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной степени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или—что является только юридическим выражением этого, с имущественными отношениями, внутри которых они досих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной револю-

ции. С изменением экономической основы более или менее быстро преобразуется и вся огромная надстройка“.

К развернутой критике имеющих в печати трудов по истории Абхазии, данной историческим сектором АбНИИКа, остается добавить немного.

Настоящая работа представляет собой 1 часть „краткого очерка истории Абхазии“, создание которого предусмотрено в плане АбНИИКа на 1934 год.

Разумеется и эта работа не гарантирована от возможных ошибок, но как сказал т. Постышев в речи на собрании парторганизации Вуамлин (см. „Большевик“ № 3—4, 1934 г.): „Если бояться ошибок, если не допускать известного, если можно так выразиться, производственного риска в теоретической работе, то вряд ли в результате такого подхода у нас будут новые исследования. Бояться надо системы ошибок“...

Настоящая работа может быть подвергнута критике и в свете последних указаний тов. Сталина, отметившего схематизм, как основную ошибку работ советских историков. В данной работе в некоторых главах особенно чувствуется недостаток конкретных исторических фактов, ибо материалы истории Абхазии изучены еще весьма слабо.

Тем не менее, учитывая огромную потребность трудящихся в сводном и систематическом очерке истории Абхазии, а также отсутствие пособия по истории Абхазии для средней и высшей школы, АбНИИК решил выпустить в свет эту работу.

З. Агрба. А. Хашба.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Древнейшие обитатели Абхазии

Источники исторических сведений.

О древнейших обитателях Абхазии мы не имеем никаких письменных источников. Первые письменные источники, в которых упоминается побережье Абхазии и населяющие его люди, относятся только к VI—V векам до нашей эры, т.-е. ко времени 2.500 лет назад. Это записи античных писателей—уже свидетелей эллинской (греческой) колонизации на Кавказском побережье Черного моря. Первые эллинские поселенцы на Черноморском побережье Кавказа происходили из богатого торгового города Милет. Поэтому и первые сведения о побережье Кавказа и Абхазии мы имеем в сочинениях греческого географа и историка Гекатея, родом из Милета, жившего во второй половине VI века до нашей эры. К сожалению, его крупное сочинение—„Землеописание“ дошло до нас только в отрывках. Однако, ни Гекатей Милетский, ни последующие авторы—Геродот, Гиппократ (V в до н. э.) тем более Ксенофонт (IV в. до н. э.) Скилак и др. не могут удовлетворить нас, ибо ясно, что на территории современной Абхазии жили люди задолго до этого времени. Кроме того, античные писатели, вроде Гекатея и Геродота, имели очень смутные географические и исторические понятия. Большинство из них даже не было на берегах Кавказа лично, а следовательно делало свои записи на основании рассказов других лиц, передававших свои субъективные поверхностные впечатления часто пронизанные великодержавно-презрительным отношением к местному населению. Таким образом, письменные источники говорят нам о древнейших обитателях Абхазии очень мало.

Гораздо больше могут рассказать вещественные памятники или памятники материальной культуры. Изучение предметов, находившихся в употреблении, и в первую очередь—орудий труда, может дать очень много для

выяснения характерных особенностей хозяйства и общественных отношений древнейших обитателей Абхазии. На это обращал особое внимание Карл Маркс:

„Таковую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения организации исчезнувших общественно-экономических формаций“... (К. Маркс— „Капитал“, т. I, глава V, стр. 121, ГИЗ 1929).

Находки вещественных памятников (каменные и бронзовые орудия, украшения, гончарные изделия, урны, дольмены) значительно облегчают нам изучение древнейших обитателей Абхазии. Все найденные предметы хранятся в Историческом Отделе Абхазского Музея Краеведения в Сухуме. Общественную жизнь и мышление древнейших обитателей Абхазии нам помогает уяснить этнографическое изучение старых обычаев, обрядов, традиций и религиозных представлений, сохранившихся в общественном и семейном быту абхазской деревни с глубокой древности. Очень много в этом отношении дает и анализ абхазского фольклора, т.-е. устного народного творчества абхазов, отличающегося богатством и разнообразием. В песнях, сказках, легендах, пословицах, и т. п. слышатся подчас отзвуки очень далеких от нас времен.

В современном языке абхазов также сохранилось много терминов и выражений, употребляемых теперь механически и часто даже в ином смысле, которые отражают очень древние эпохи общественного развития.

Кроме того, большой материал можно почерпнуть из сравнительных обзоров из истории древнейших обитателей соседних с Абхазией территориальных единиц—Адыгеи, Кабарды, Осетии, Дагестана, Мегрелии, Гурии, Имеретии, Лазистана и т. д.

Только комплексное изучение всех этих источников и анализ всех этих разнообразных материалов, при помощи единственно-научного марксистско-ленинского метода исторического материализма—может обеспечить правильное понимание социально-экономического строя и идеологии древнейших обитателей Абхазии.

Низкий уровень экономического развития.

Как известно, естественно-географические данные Абхазии резко выделяют ее среди соседних областей Кавказа. Расположенная на широте средней Италии, Южной Франции и Северной Испании, на берегу никогда не замерза-

ющего Черного моря, защищенная Главным Кавказским Хребтом от северных холодных ветров, обладающая богатой растительностью, Абхазия, казалось бы должна служить особенно благоприятной ареной для хозяйственной деятельности и культурно-экономического развития первобытных людей. Однако, это не совсем так. В первобытной действительности щедрость и богатство природы Абхазии было не столько на пользу человеку, сколько затрудняло его хозяйственную деятельность.

В самом деле. Попробуем абстрагироваться (отвлечься) от тех экономических возможностей, которые открываются сейчас нашими техническими достижениями, не только от нашей современной социалистической техники, но и от средневековой техники. Попробуем представить себе человека, лишенного металлических орудий, не имеющего простого топора и обыкновенной сохи, не имеющего рабочего скота, скота молочного, без примитивных агро-технических и зоотехнических понятий, без серьезного хозяйственного опыта. Вообразим этого человека на лоне девственной природы Абхазии, не современной Абхазии с ее культурной, хозяйственно-освоенной прибрежной полосой, а подлинно первобытной Абхазией, какой она в действительности была несколько тысяч лет назад.

Абхазия горная страна, образованная Главным Кавказским Хребтом и его отрогами, имеет общее падение на юго-запад к Черному морю. Только одна треть (точнее 39%) всей площади ее составляют низменности и предгорья.

Сложное устройство поверхности оказывает решающее значение на все прочие природные условия страны и прежде всего на климат. Горные хребты регулируют распределение тепла и влаги, обуславливая так называемую „вертикальную зональность“ климата, которая проявляется в том, что по мере поднятия над уровнем моря климат, растительность, почва изменяются также, как при передвижении с Юга на Север.

Прибрежная низменность обладает влажно-субтропическим климатом с количеством осадков до 1400 мм. и со средней годовой температурой +15°. В условиях обилия тепла и влаги прибрежная низменность оказывается часто заболоченной. Причиной образования болот является также и своеобразный характер абхазских рек, которые, низвергаясь с огромной высоты, в устье широко разливаются, особенно в период летних ливней и таяния снегов, отлагая при впадении в море смытый в горах материал и образуя мели, перекаты и острова, а с другой стороны—

заводи, озерки, болота. Сила вегетативного процесса на побережье исключительна. Устья рек, озерки и болота, морские лагуны, быстро зарастают густой травой и гидрофильным кустарником.

Могла ли эта прибрежная полоса служить благоприятным местом обитания первобытного человека? Болота и густая гидрофильная растительность несомненно препятствовали его хозяйственной деятельности. Свирепая малярия, тропические желудочные заболевания, ревматизм отпугивали его от постоянного пребывания в этой зоне.

Таким образом, первая прибрежная зона, которая сейчас на основе осушения болот, выкорчевке зарослей и ликвидации малярии становится самым цветущим районом Советской Абхазии, в те далекие от нас времена не была и не могла быть удобной для расселения человека и его культурно-экономического развития.

Благодаря слабому техническому вооружению первобытного человека, богатства и щедрость природных условий береговой Абхазии обращались для него в свою противоположность. „Бессилие дикаря в борьбе с природой“ — вот как формулировал Ленин это диалектическое противоречие.

Так обстояло дело с прибрежной полосой.

Но с другой стороны, территория Абхазии свыше 600 м. над уровнем моря также была не удобна для заселения. „Ущельный рельеф“ высокогорной Абхазии, безчисленные отроги, увалы, кряжи, боковые хребты, сплошь заросшие вековыми лесами, изобилующие осыпями, обрывами, обвалами, грозными теснинами, замкнутые долины и котловины, в течении многих месяцев, отрезанные от мира непроходимыми снегами—все это никак не могло быть благоприятной обстановкой для технически слабого первобытного человека.

Что же оставалось?

Оставалась единственная предгорная полоса, зона холмов и нагорий от 100 до 400 метров над уровнем моря. Здесь не было ядовитых испарений береговых болот и чудовищной влажности, а с другой стороны—рельеф местности имел более мягкий характер, отличаясь этим в лучшую сторону от высокогорных районов.

Именно в этой предгорной полосе мы находим следы пребывания древнейших обитателей Абхазии. (Именно здесь, главным образом, сосредоточены, между прочим, и старые абхазские селения—Окум, Бедия, Ткварчелы, Тхина,

Чилоу, Джгерды, Атара, Цабал, Анухва, Абгархук, Эшеры, Дурипш, Отхара, Блабурхва, Бармыш и др.).

Находки самых древних каменных орудий и предметов неолитической эпохи пока обнаружены в Абхазии в районе Сухума, но на высоте 150—200 метров (гора Чернявского, холмы в бассейне р. Волчьей).

Три группы дольменов (Эшеры, Азанта, Отхара) и многочисленные находки бронзовых предметов опять—таки падают на эту предгорную полосу от 100 до 400 м. над уровнем моря.

Но и эта предгорная полоса далеко не была раем для первобытного человека. Она была покрыта лесами, которые здесь имеют характер чуть ли не тропических дебрей, отличаясь густым подлеском, обилием лиан, ползучих и лазящих растений, обвивающие гигантские стволы деревьев.

Густая растительность, богатство животного мира, наличие большого числа хищников (вплоть до зубров и леопардов) и пресмыкающихся, отсутствие свободных пространств и отдаленность горных пастбищ, одинаково мало благоприятствовали, как раннему появлению земледелия, так и развитию скотоводства.

Беден и слаб был древнейший обитатель Абхазии, прикрытый звериной шкурой, с грубым каменным топором и дубиной, пробиравшийся сквозь лесную чащу.

Тысячу раз прав Ленин, который особенно подчеркивал:

— „Что первобытный человек получал необходимое, как свободный подарок природы—это глупая побасенка... Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой“... (Ленин—соч. т. IV, стр. 182).

И действительно древнейший обитатель Абхазии, вооруженный каменной техникой, был „совершенно подавлен“ трудностью добывания средств к существованию в условиях девственной стихии лесов и гор, в условиях могучей и богатой природы.

Мы, к сожалению, еще не нашли вещественных памятников, которые отражали бы нам технику и хозяйственную деятельность самых древнейших обитателей Абхазии.

Мы имеем пока под руками только каменные орудия эпохи Неолита „(нового камня“), относящиеся к периоду шестого—восьмого тысячелетия до нашей эры. В этот период обитатели Абхазии имели уже более сложную хозяй-

ственную основу. К этому периоду относится уже зарождение земледелия и начало скотоводства и гончарного ремесла. Общественные отношения людей этой эпохи уже начинают строиться на основах кровного родства.

Но нет сомнения, что люди жили в Абхазии и в более древнее время. Их техника была по преимуществу каменной техникой, прогрессирующей чрезвычайно медленно. Большую роль играли и деревянные палки, дубины, лианы и ползучия растения. (Последние употреблялись в качестве веревок). Очень много времени прошло, пока был изобретен и освоен лук (абх. „ахэс“) и стрелы (абх. „ахипра!“) „Лук, тетива и стрела—говорит Энгельс—образуют уже сложное орудие, изобретение которого предполагает долгий, накопленный опыт“...

Обусловленная подобной техникой хозяйственная деятельность самых древних обитателей Абхазии отличалась крайней примитивностью.

Наибольшую древность имели промыслы присваивающего характера. К ним относятся не только собирание готовых продуктов природы—плодов, съедобных трав, и т. п. (в Абхазии, кстати, запасы дикорастущих плодовых очень велики: буковые орешки, каштаны, лесной орех, ягодные кустарники и проч.) но и присвоение мелких животных и птиц посредством первобытных орудий. Очень древним промыслом было также и бортничество—лесное пчеловодство, т. е. собирание меда. Абхазские породы пчел отличаются высокой производительностью, благодаря особому строению и длине хоботка. Мед и воск были издавна очень распространенными продуктами потребления и товарами, имевшими экспортное значение.

Впоследствии, в результате технического прогресса и примитивного разделения труда, развилась охота и рыболовство. Абхазский народный эпос указывает на древнейшее развитие охоты. Богатство животного мира в Абхазии особо благоприятствовало развитию охотничьих промыслов. Рыболовство, сейчас не имеющее почти никакого значения в хозяйстве абхазского крестьянина, в старину играло большую роль. Старики и в наши дни рассказывают о распространенности речного и озерного рыболовства в Абхазии. (Эти рассказы можно было слышать чаще в прошлом веке. На них ссылается Торнау—см. „Записки кавказского офицера“, стр. 61).

При переходе к оседлой жизни из охоты выросло приручение животных, а из собирательства—земледелие. Именно поэтому еще не так давно срепи абхазского кре-

стьянства труд в семье распределялся так, что охота и скотоводство (вплоть до доения коров) было делом мужчины, а уход за огородом и в значительной мере за полем—входил в обязанность женщины.

В целом же хозяйственная деятельность древнейших обитателей Абхазии была очень примитивна, отражая тот „низкий уровень экономического развития“, который Энгельс в письме к Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. считает самым характерным признаком первобытного коммунизма (см. Письма М. и Э., изд. 4, стр. 383).

Пережитки до-родовых отношений.

Выше было уже сказано, что мы располагаем в Абхазии вещественными памятниками, самые древние из которых относятся к эпохе неолита, т.-е. к периоду становления родового строя. Однако, общественная организация, основанная на кровном родстве, не есть первая форма человеческого общества. Родовой строй—это уже более поздняя стадия первобытного общества.

Первая, самая начальная стадия общественного развития, именуемая Лениным „первобытное стадо“ (см. письмо Ленина к М. Горькому, Ленинский сборник, I, стр. 158), еще не знала родовой организации.

На первой стадии, первобытного общества, люди жили небольшими группами—ордами, впоследствии перешедшими к организованной охоте и постоянному рыболовству, имевшими лишь примитивное поло-возрастное разделение труда, при постепенном упорядочении половых отношений, выражавшемся первоначально лишь в ограничении брачных сношений между родителями и детьми.

Половозрастные группы с переходом к производящему хозяйству принимают более устойчивый характер. Организованная охота становится основным промыслом. Хозяйство подобного типа порождало своеобразные тотемические представления, выражавшиеся прежде всего в том, что данная группа, занимавшая более или менее определенную территорию, обозначала важнейшую отрасль производства термином, который одновременно был именем какого-либо ценного и распространенного здесь, животного или птицы, стремясь впоследствии обосновать этим свое родство с ним, как общим предком—прародителем. Такие охотничьи группы именуют сейчас обычно тотемными группами (от американско - индейского „от—отем“, что значит „его род“ или „его предок“ (Тотемные охотничьи группы широко изучены у отсталых северо-американских

племен. Тотемные группы устанавливали и „Табу“, т.-е. запрещение убивать животное или птицу на известное время года. Впоследствии, временное „табу“, в связи с развитием тотемических представлений о родстве с животным, принимало иногда и постоянный характер. „Табу“ также детально изучено у культурно-отсталых племен Австралии, Океании и т. д.

Имеем ли мы, данные предполагать, что на территории Абхазии жили тысячи лет назад люди, стоявшие на ранних стадиях развития первобытного общества?

Да имеем, потому—что пережитки до—родовых отношений, а также и тотемических представлений, еще до недавнего прошлого сохранялись в быту абхазов.

Половое разделение труда (мужчина—охотник и скотовод, а женщина—домашняя хозяйка и „огородница“) еще совсем недавно строго соблюдалось в абхазской семье. Тот удивительный для многих чужестранных исследователей факт, что в абхазской семье на мужчине лежала обязанность доения скота, а на женщинах целый ряд земледельческих работ (кроме огорода, еще например и обработка хлопковых посевов), этот факт имеет очень древнее происхождение, восходящее к эпохе первобытного полового разделения труда до периода процветания родового строя. Подобное разделение труда сохранилось не только у абхазов, а у многих народов Кавказа, Азии и др. областей. Энгельс не раз подчеркивал, что именно возрастно-половое разделение труда было первой формой разделения труда на древнейшей стадии первобытного общества.

Тотемические пережитки также можно проследить у абхазов. Ряд абхазских имен и фамилий заимствует свое наименование от животного: Абгадж (от абх. „абогаджа“ „тур“), Цугба (от абх. „асгу“—„кошка“), Шуарах (абх. „агуагах“—„зверь“) Кудж (абх. „акиджа“—„волк“,) Жязь (абх. „гај“—„старый заяц“), Лажь (абх. „лај“—„старая собака“) и проч. Пережитки тотемического „табу“ были очень широко распространены в Абхазии еще недавно. Фамилия Шамба, Базба и многие другие не убивали и не ели зайца, фамилия Чочория и Чочуа не употребляла в пищу почки („почка“ по абх. ацаца) фамилия Гулия не принимала в пищу сердца („сердце“—абх. „агуа“). Можно привести и еще много примеров подобных запретов, имеющих несомненную связь с тотемическими и первобытно-магическими представлениями.

В абхазском фольклоре также можно обнаружить элементы тотемизма. Например, крайне показательна в этом отно-

шении сказка о том, как женщина вскормила жедвежонка, представляющая собой перевернутую кверху ногами римскую легенду о Ромуле и Рэме, вскормленных волчицей. (Абхазская сказка на эту тему, конечно, абсолютно местного происхождения—смешно было бы предполагать здесь какое либо заимствование, тем более, что сказки на эту тему имеются и у др. народов). Старики утверждают, что при встрече с медведем поэтому стоит лишь сказать „нан, нан“ (абх. „мать“) и медведь не тронет.

Все эти факты свидетельствуют, что древнейшие обитатели Абхазии также, как и все человечество, проходили определенный путь общественно-исторического развития, начиная с „первобытного стада“, через тотемические группы к родовому строю—к расцвету первобытного коммунизма.

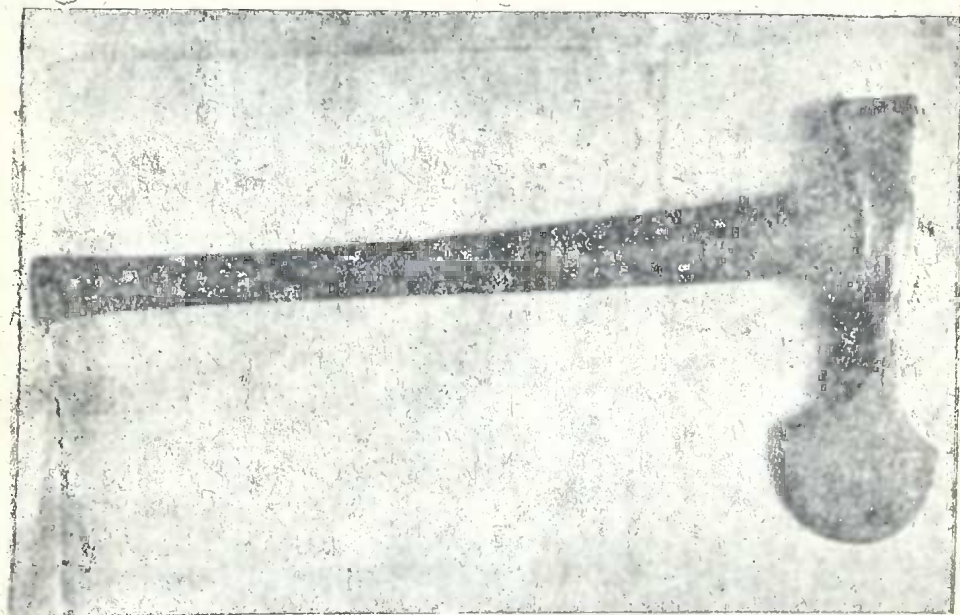
Рост производительных сил и усложнение хозяйственной деятельности. Важнейшим этапом в развитии первобытного общества был переход от каменной к металлической технике. Необходимой предпосылкой для этого служило полное овладение техникой добывания огня. Несмотря на то, что пользование огнем было давным давно известно древнейшим обитателям Абхазии, все же очень долго огонь в их представлении казался сверхестественным явлением. Пережитки почитания огня, как сверхестественной силы, сохранялись среди абхазов до последнего времени. Так например, еще сейчас в абхазском языке есть выражение: „итсахи эҗеи“, „что значит „твой огонь да заснет...“ Теперь это выражение употребляется механически, чаще в шуточной форме. Но в старину подобное пожелание—„да заснет твой огонь...“—было страшным проклятием. В этом выражении, как нельзя лучше, выявляется слабость первобытной техники и бессилие первобытного человека, для которого зажечь новый огонь было делом очень трудным, а иногда и прямо невозможным. Огонь сохраняли долгое время, переходя с места на место переносили горящие головни, ибо техника возжигания огня заново была крайне примитивна. Долгое время люди только пользовались огнем, но добывать его не умели, или добывали с большим трудом. Кроме того, почитание огня сказывалось еще и в абхазском обычае, связанном с переселением из старого жилища во вновь построенный дом. В этом случае хозяйка обязательно зажигала новый очаг горячей головней, перенесенной из старого очага. Здесь выражается старая традиция перенесения огня при переходе на другое место, порожденная необходимостью совершать это в далекие времена.

И наконец, огонь до последнего времени играл важную роль в религиозно-магических обрядах абхазов, как например, в культе кузницы, в обряде очищения огнем (путем прыганья через костер („barbanqia“) и т. д. Кстати, обряды, очищения огнем отмечены и у лаков, и армян и грузин, и персов и проч. соседних с абхазами народов. Только после овладения техникой добывания огня, стала возможной плавка руды и добыча металла. Известно, что повсеместно первым металлом, освоенным человеком была медь. Медь чаще встречается в виде самородков, а главное легче поддается плавке и ковке. Месторождения медной руды известны и в Абхазии (в верховьях р. Кодор-Клычское ущелье и гора Лыхта, в районе горы Дзышра и в предгорьях севернее селения Окум), и в соседних с нынешней территорией Абхазии районах — в верховьях р. Мзымта, в бассейне р. Лабы, на северных склонах Эльбруса, в районе г. Кутаиса и г. Озургеты.

То, что медь является самым древним металлом и в Абхазии подтверждает ее магическое значение в религиозных обрядах, и в абхазском фольклоре. Легендарный кузнец Айнар („ainar—arai“) делал будто бы медные заплатки на разрубленные черепа. Для обеспечения успешности родов кладется залог („aşas“) духу — покровителю, состоящий чаще всего из медных вещей (например, медный котел, и т. п.) Однако, орудия из чистой меди, не отличались высоким качеством. Для придания им твердости к меди начали добавлять несколько процентов олова и цинка, или только олова, получая бронзу.

Олово встречается в природе гораздо реже, чем медь. Не только в Абхазии, но и на Кавказе месторождения олова встречаются редко. Ближайшее в Абхазии месторождение олова отмечено в Грузии по реке Дзирула и на Северном Кавказе на р. Лаба. Для древнейших обитателей Абхазии олово было несомненно импортным продуктом. Это подтверждается тем, что термин, обозначающий олово, один и тот же для абхазов („akalei“), для грузин („kalo“) для лезгов („kala“), для турок („kalai“). Ближайшим крупным центром добывания олова для кавказских народов была так наз. „Передняя Азия“. Длина пути, который приходилось делать олову, неувидительна, если принять во внимание, что древние греки, бронзовая техника которых достигла высокой ступени развития, импортировали олово с британских островов (из Англии), которые даже назывались ими „Касситеритскими“ или „оловянными“.

Так или иначе древнейшие обитатели Абхазии в течение долгого времени пользовались бронзовой техникой. В полосе холмов, предгорий сделаны многочисленные находки предметов бронзовой культуры.

Бронзовый топор с рукояткой (найд. в с. Эшеры).

Орудия и предметы из бронзы, найдены в сел. Мугуд-зырхва, Петропавловское, Эшеры, Псырцха, Анухва, в районе Сухума, в устье р. Келасури, в сел. Лабры. Среди этих предметов встречаются топоры, кинжалы, мотыги, заступы, а также всевозможные украшения: браслеты, сулавки, бусы, серьги и наконец, специфически военные предметы — шлемы, мечи и т. п. Большинство этих предметов свидетельствует уже о высоком уровне технико-экономического развития и должны быть отнесены хронологически к середине и ко второй половине первого тысячелетия до нашей эры.

Значительно позднее, среди древнейших обитателей Абхазии получило распространение железо. Железная руда встречается в Абхазии в верхнем течении р. Бзыби в верховьях р. Кодора и др. местах, но не отличается высоким качеством. Железо, вероятно, также в большей степени являлось для Абхазии импортным продуктом.

Тем не менее наличие найденного шлака и форм для литья металла в районе Цebelьда свидетельствует о том,

что если не добыча, то переработка металла и изготовление металлических орудий несомненно производилось и на месте. По рассказам стариков-абхазов добыча металлических руд (на горе Дзышра и в ущельи р. Гумиста—медь и свинец) производилась следующим образом.

На склоне обрывистой горы, где обнаружились выходы руд, рыли большую яму, в которой в течении некоторого времени жгли сухие каштановые дрова. Затем, когда земля вокруг ямы накалялась настолько, что „надо было беспре-
стайно поливать ноги холодной водой, чтобы стоять вблизи“, тогда в яму бросали руду, затем снова засыпали древес-
ным каштановым углем, и снова жгли до тех пор, пока из ямы не начинал течь расплавленный металл. Последний мо-
ментально разливали по формам, выдолбленным на камнях или сделанным из глины, а потом уже подвергали ковке в кузнице.

Чаще, очевидно, не только железо, но и бронзу выме-
нивали у соседей. В Абхазском Музее Краеведения хранится очень интересный слиток бронзы, найденный в сел. Эшеры, который, вероятно, как раз и представлял обычную форму импортной бронзы, переходя из рук в руки на большом расстоянии.

Техника обработки металла эволюционировала очень медленно. Одно и тоже орудие имело разные назначения. Первоначально функциональная дифференциация орудий была очень слаба, отражением чего являются, например, тот факт, что в абхазском языке имело место обозначение термином металла вообще уже готовых изделий „аиха“ означает одновременно и „топор“, и „железо“. Одним общим термином „абуа“ обозначалась и „медь“ и „бронза“.

Наряду с железом долгое время продолжала употреб-
ляться и бронза. В этом отношении крайне интересным памятником этой переходной эпохи является найденный в устье р. Келасури железный меч с бронзовым эфесом.

Переход к металлической технике значительно услож-
нил хозяйственную деятельность древнейших обитателей Абхазии.

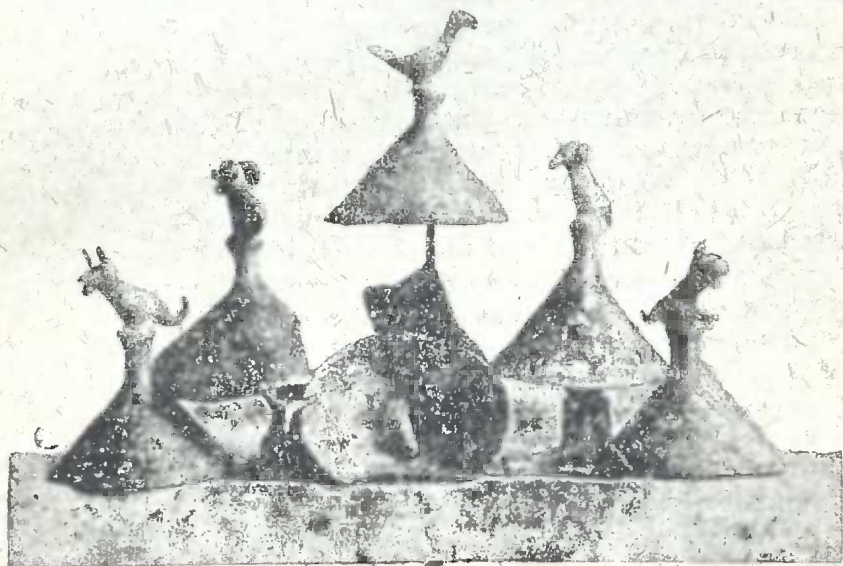
„Медь и слово, и выплавляемая из них бронза имели наибольшее значение. Бронза давала при-
годные орудия и оружие, но не могли еще вы-
теснить каменные орудия. Это могла сделать только железо... Оно сделало возможным прев-
ращение в пашню более широких лесных про-
странств“... (Энгельс).

Металлическая техника открыла возможность для бы-

строого развития скотоводства и земледелия. В эпоху бронзовой техники древнейшие обитатели Абхазии, населявшие преимущественную предгорную полосу в большей степени занимались скотоводством, чем земледелием. Бронзовые орудия еще не позволяли выкорчевывать из под леса большие поля. В тоже время вооруженный бронзовой техникой человек уже был смелее и активнее в путешествиях по горам, в охоте, в охране стад прирученных животных. Скотоводство, конечно, имело тогда отсталый характер. Ближе всего оно приближалось к типу современного „эйлажного“ скотоводства.

„Эйлаг“ (от тур. „ajla“) — летние пастбища, высокогорные луга, куда выгоняется скот на летние месяцы. В зимнее время эти пастбища недоступны по климатическим условиям, будучи расположены на высоте свыше 2.000 м. над уровнем моря. Зимой скот возвращается обратно в предгорную зону. Скот гонялся на значительные расстояния и нередко стада переваливали даже через Главный хребет, как с Севера на Юг, так и обратно.

Первоначально занимались разведением мелкого скота — коз и овец. Крупный рогатый скот появился позднее. Преобладание мелкого скотоводства в первобытную эпоху подтверждается религиозно-магическим значением козла, как „священного“, культового животного при совершении многих абхазских обрядов, сохранившихся до недавнего времени.

Бронзовые украшения с изображением животных
(найд. в Гудаутском районе в с. Мугудзырхва)

Доказательством того, что скотоводство у древнейших обитателей Абхазии имело первостепенное значение служат памятники материальной культуры и данные абхазского фольклора. Бронзовые предметы, найденные в Абхазии, лишены характерных земледельческих орнаментов. В то же время многие бронзовые украшения, обнаруженные при раскопках в сел. Мугудзырхва, Азанта, Эшеры, имеют изображения животных—барана, быка, собаки и домашних птиц. В сел. В. Яштух близ Сухума найдено две головы барана, высеченные из камня. В абхазском фольклоре имеет большое распространение старинная легенда о карликах (абх. „аҟап“), которые будто бы были самыми древними жителями Абхазии. Эта легенда содержит в себе указание на то, что эти карлики не занимались земледелием, а жили исключительно разведением коз.

Однако, и в бронзовую эпоху уже имелось примитивное мотыжное земледелие. На это ясно указывают бронзовые мотыги и заступы, найденные в сел. Эшеры и в окрестностях Сухума.

Наряду с развитием скотоводства и земледелия еще сохраняли свою силу и древние промыслы присваивающего характера—охота и пр.

Родовой строй.

Переход к оседлости и связанному с ним производящему хозяйству укреплял родственные связи. Производственная общность приводила к кровнородственной общности. Первой формой родовой организации был материнский род. Возрастно-половое разделение труда, происходящее в условиях роста производительных сил привело к усилению значения женщины, благодаря развитию земледелия и усложнению домашнего хозяйства. Все народы, проходя родовой строй, начинали именно с материнского рода. Женщина—мать играла передовую роль в хозяйственной и общественной жизни. Ленин подчеркивал, что

„Было время, когда государства не было, когда держалась общая связь, самое общество, дисциплина, распорядок труда силой привычки, традиций, авторитетом или уважением, которым пользовались старейшины рода или женщины, в то время, часто занимавшие не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое“ (соч. XXIV, стр. 366).

Несомненно, что и древнейшие обитатели Абхазии переживали период матриархата. Пережитки последнего

сохранились в семейном быту абхазов до последнего времени. Так например, дядя по матери (абх. „ап—га“) имеет в абхазской семье гораздо большее значение, чем родственники по отцу. Женщина—мать пользуется особым положением в семье. В старину значение матери сказывалось еще сильнее. Так старики—абхазы, передавая рассказ о герое Данакае Джер-ипа, рассказывают следующее: когда „псхувцы“ (одно из абхазских племен) решили сделать набег на своих соседей, они просили Данакаю быть их вождем; Данакай отказывался, заявляя, что он может принять их предложение только с согласия своей матери и только после того, как его мать разрешила ему участвовать в набеге, Данакай принял на себя обязанность вождя. В народных преданиях о богатырях—нартах видное место занимает „Сатаниа—Гуаша“ (абх. „satania—„guafa“), у которой было 100 сыновей и сто первым родился Нарт Сосрука (абх. „sosruqa“).

Впоследствии, с развитием скотоводства и появлением плужного земледелия, центральной фигурой становится мужчина и материнские роды превращаются в отцовские или „патриархальные“ роды.

Патриархальный род существовал позднее материнского. Благодаря преобладанию скотоводства у древнейших жителей Абхазии патриархальный род был выражен ярче, а поэтому пережитков патриархата в абхазском быту можно обнаружить гораздо больше. Понятие „рода“ (абх. „ajla“) сохраняет свое значение у абхазов до последнего времени. Каковы же были наиболее характерные черты родовой организации или родовой коммуны? Краткую, но ясную характеристику рода дает Маркс в письме к В. Засулич:

„Общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Структура этих организмов есть структура генеалогического дерева... Общий дом и коллективное жилище были... экономической основой более древних общин уже во времена, далеко предшествовавшие установлению пастушеской и земледельческой жизни... Работа производилась сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления“... (Архив М. и Э, I, стр. 284).

Коллективный труд и коллективная собственность на основные средства производства и прежде всего на землю,

как „естественная основа коллективного производства и присвоения“ (Архив М. и Э., I, стр. 272)—вот основные признаки родовой коммуны.

Пережитком родовой собственности в абхазской деревне служили сохранявшие свою силу до последнего времени родовые пастбища. Та или иная крестьянская фамилия еще недавно гоняла скот на определенные участки высокогорных пастбищ, при чем границы пастбищ строго соблюдались и скот, принадлежащий другой фамилии не имел права пастись на данном пастбище. Пережитком коллективного производства служила и родовая взаимопомощь—члены одной и той же фамилии помогали друг другу при полевых работах, постройке дома и т. д. Своеобразной формой родовой взаимопомощи являлся имевший место до последнего времени обычай—„доля душе“ (арсхца), когда однофамильцы делали приношения семье умершего являясь на поминки, (Обычай родовой взаимопомощи впоследствии в наше время широко использовали зажиточные и кулацкие семьи для скрытой эксплуатации своих мало-мощных однофамильцев).

Древнейшие обитатели Абхазии в эпоху родового строя, таким образом, жили небольшими родовыми коммунами, занимаясь скотоводством и примитивным земледелием, а также охотой, рыболовством, бортничеством. Пережитками родового строя несомненно являются и характерные для современной Абхазии родовые поселки. Сел. Блабурхва почти целиком населена одной фамилией Барцыц. В сел. Дурипш фамилия Гунба, Тарба, Таркил занимают обособленные поселки, имеющие даже название данной фамилии. Подобный же родовой характер расселения можно проследить и в других абхазских селениях.

Характерная для родовой организации экзогамия, т.-е. запрещение браков между сородичами, соблюдается в Абхазии до последнего времени.

Коллективная собственность и коллективное производство определяли первобытно-коммунистический характер общественных отношений,

„И какая удивительная организация во всем ее младенчестве и простоте, этот родовой строй. Без солдат, без жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судебных дел, без тюрем, без процессов—все идет своим заведенным ходом, Всякие раздоры и столкновения улаживаются коллективом. Домашнее хозяйство ведется у ряда семейств сообща и ком-

мунистически, земля является собственностью всего племени... Бедных и нуждающихся быть не может... Все равны и свободны, не исключая женщин"... (Энгельс — „Происхождение семьи“, стр. 120).

Но эти общественные отношения были именно первобытным коммунизмом, возникающим на основе низкой ступени экономического развития, примитивной каменной и бронзовой техники, экстенсивного скотоводства, мотыжного земледелия, редкой населенности, неосвоенных земельных пространств.

Энгельс подчеркивает что

„величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность, проявляется в том факте, что здесь нет места для господства и угнетения... (Происхождение семьи, стр. 187).

Еще не было условий для возникновения эксплуатации, классового неравенства и государства.

Ленин говорит:

„Когда в обществе не было классов, когда люди... трудились в первобытных условиях большого равенства, в условиях еще самой низкой производительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства необходимые для самого грубого существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствующих над всем, остальным обществом... (т. XXIV, стр. 369).

Но уже и в родовой коммуне был налицо зародыш будущего неравенства, выросавшего на основе разрыва между трудом и собственностью. По мере усложнения хозяйственной деятельности в родовой коммуне все большее значение приобретает старший в роде, наиболее опытный, ведущий старейшина, патриарх (абх. „архиа-галуа“ — „ajla-aihaba“). До последнего времени в быту абхазов царило исключительное уважение к старшим в роде. Каждая крестьянская фамилия имела своего передового, ведущего старейшину, пользовавшегося особым почетом. Уважение и почет к старшему поколению проявлялось и за столом, когда никто из молодых не имел права сесть без приглашения старика, и в церемонии омовения перед едой, когда каждый старался уступить свою очередь старшему, и в пути, когда старший ехал впереди, а молодые отступя назад. Это уважение к старикам доходило до таких мело-

чей, как невозможность прикурить у старшего трубку. Еще не так давно по рассказам стариков-абхазов, строго соблюдалось следующий обычай: если отец садился на какое либо место, то сын в течении целого дня избегал садиться туда же. Все это выражается старинной поговоркой: „eiħabə dəzħəm ataaja zħaiğħom“, что значит примерно: „без старшего (без главы) в семье не будет благополучия“.

Все эти и многие другие факты свидетельствуют о значении старейшины в родовых коммунах. В родовом строе нет государства, но старейшины пользуются элементами власти. Ленин в полемике со Струве ясно подчеркивал это:

„Принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было“... (т. I, стр. 304).

Голос старшего в роде имел большое значение. Еще недавно сельские сходы в абхазской деревне носили характерные черты родовой „примитивной демократии“: в центре круга под сенью вековых „священных“ деревьев рассаживались старики, а за ними группировались их сородичи-однофамильцы, при чем первое и решающее слово принадлежало старикам. Старший в роде не только советывал и направлял, он мог и наказывать. Лазы, живущие в Абхазии, рассказывают, что у них в старину родовой старейшина (лаз. „imçane“) имел право „арестовывать“ и запирали своих провинившихся сородичей под замок или сажать в особые ямы. Несмотря на то, что это может и кажется эмбрионом тюремных застенков, подобные права старейшин не дают никаких оснований говорить здесь о государстве, ибо родовой строй соответствует как раз стадии расцвета доклассового общества. Родовые коммуны вели натуральное хозяйство. Потребности были не велики и удовлетворялись продуктами своего труда. На первых ступенях общественного развития не было необходимости в развернутом обмене. Последний заключался в случайных актах, часто принимавших характер „дарения“. Внутри родовой коммуны обмен первоначально и вовсе не имел места, так как коллективная собственность исключала его необходимость.

Натуральный характер хозяйства древнейших обитателей Абхазии сказывался впоследствии, будучи закреплен эпохой феодализма, в том, что еще в прошлом столетии среди абхазов сильно было распространено мнение о том, что продавать продукты своего хозяйства, как например

вино, фрукты, орехи и проч. и вообще заниматься торговлей не этично.

Подобное воззрение было широко распространено и у других народов Кавказа-ингушей, осетин, карачаевцев, а также в древней Греции на первых стадиях ее развития.

Древнейшие обитатели Абхазии, организованные в родовые группы, не имели тесной связи между собой. Межродовые взаимоотношения не имели постоянного характера. Каждая родовая группа была в значительной степени изолирована от соседей. Межродовые взаимоотношения выражались, кроме случайных форм обмена, в похищении женщин, в обычаях гостеприимства и усыновления. Последние обычаи способствовали укреплению дружественных отношений между родами. Взаимоотношения родов регулировались традициями и обычаями, из которых первостепенное значение имела кровная месть. Происхождение кровной мести объясняется необходимостью уравновесить потерю рабочей силы соответствующим уроном в соседнем родевинновнике этой потери. Поэтому и примирение кровников предполагало необходимым условием усыновление и подарки, так как и то, и другое служило возмещением данной материальной потери, каковой было убийство или ранение одного из работников-родичей.

Известно, что родовые обычаи похищения невест, обычаи гостеприимства, усыновления и передачи детей на воспитание (абх. „аазага“), а также обычай кровной мести (абх. „аагага“) были широко распространены среди абхазов, равно как и у всех народов, переживавших стадию родового строя.

Язык и культура.

Социально-экономический строй древнейших обитателей Абхазии очень напоминает нам хозяйственную структуру и общественную жизнь многих народов древности и даже некоторых отсталых народностей нашего времени. Материальная культура древнейших обитателей Абхазии имеет необычайное сходство с вещественными памятниками, обнаруженными в других областях Кавказа, и даже в более удаленных от Абхазии районах Европы и Азии. Это сходство культурных форм давало старым буржуазным археологам и историкам пищу для глубокомысленных рассуждений о „переселении народов“, о „культурных влияниях цивилизованных стран“ и т. д.

Так например, на территории Абхазии найдены многочисленные дольмены. Дольмены (от бретонского „dol“, —

стол" и „мен" — камень) — погребальные сооружения из тяжелых каменных плит, в которых хоронили родовых старейшин и племенных вождей. Практикование строительства дольменов началось, очевидно, еще в эпоху неолита, но продолжалось и в эпоху бронзовой техники. Дольмены обнаружены, кроме Абхазий, на территории бывш. Черкессии, в Майкопском, Туапсинском, Геленджикском районах, в Крыму, на Скандинавском полуострове, в Англии, во Франции, в Португалии, а также в Индии и Персии. Буржуазные археологии объясняли широкое распространение дольменов существованием особого „дольменного народа", который вышел из центральной Азии и передвигаясь с места на место достиг Скандинавии и Англии. Нелепость такого объяснения очевидна, после обнаружения дольменов в Сев. Африке, Японии и других достаточно удаленных друг от друга стран земного шара. Чем же объяснить существование дольменов в совершенно различных районах

Наручник и браслет из бронзы (найд. в с. Эшеры)

Очевидно тем, что практика сооружения дольменов была выражением определенных идеологических представлений, порожденных соответствующими социально-экономическими отношениями, общими для различных народов на определенной ступени их исторического развития. Однородность экономической основы и выросавших на ней общественных отношений — вот причина общности культурных форм,

в том числе и однотипности дольменных погребений. Последнее является главной причиной, объясняющей и другие аналогии. Например, на территории Абхазии найдены бронзовые предметы (топоры и пр.) в точности воспроизводящие подобные же предметы из известных раскопок в ауле Кобань и других пунктах Осетии. Такие же формы были найдены в Боржомском районе в Грузии. Это дало повод буржуазным археологам говорить об особой „кобанской культуре“, распространенной по Кавказу каким то народом, пришедшим будто бы из „передней Азии“. Но бронзовые предметы „Кобанского типа“ обнаружены и в других местах земного шара, например, на острове Суматра. Можно ли всерьез предполагать, что возможно было распространение однотипных культурных форм из одного и того же пра-центра через переселение на такой значительной дистанции—от Осетии до Суматры?

Конечно, нет.

Мы не отрицаем заимствования, как одного из факторов общности формальных данных. Мы не отрицаем, что передвижения племенных и родовых групп по обе стороны Главного Кавказского Хребта, вызываемые специфическими особенностями эйлажного скотоводства, способствовали переносу культурных форм. Но мы отвергаем чудовищное преувеличение „миграционного фактора“, отвергаем тезис о том, что только переселение является главенствующим, доминирующим фактором культуротворчества, отвергаем попытки построения гипотез о происхождении той или иной „культуры“ из одного пра-источника.

Мы исходим из гениального замечания Маркса и Энгельса о том, что

„В первоначальной истории каждое изобретение должно было делаться ежедневно наново и в каждой местности независимым образом“... (Архив М. и Э., I, стр. 236).

Одинаковый экономический базис, однородные производственные отношения, один и тот же способ производства вот, что лежит в основе общности социальных и культурных форм, сходства не только материальной, но и духовной культуры.

Вот почему и общественный строй, и материальные памятники, и идеологические представления древнейших обитателей Абхазии имеют так много общего и сходного с общественными отношениями и культурными формами не только их соседей по Кавказу, но и народов Древнего Востока (халды, египтяне, абиссинцы) и Европы (элинны,

этруски, баски, кельты, древние германцы), и Америки (Ирокезы и пр.).

Примерно таков должен быть подход и к рассмотрению языка и духовной культуры древнейших обитателей Абхазии. Мы категорически отвергаем попытки представить тогдашнее население Абхазии, как существующий ныне абхазский народ. Мы отвергаем также и мнение о том, что древнейшие обитатели Абхазии говорили на одном языке. Не только до нашей эры, но и в первые века нашей эры не существовало и не могло существовать ни абхазского, ни адыгейского, ни картвельского народов, также как не существовало и подобных языков.

Древнейшие обитатели Абхазии—не абхазы, но это не значит, что абхазы пришли откуда то в Абхазию и осели здесь впоследствии, ибо не было и не могло быть тысячи лет назад современных абхазов с нынешним абхазским языком и культурой.

„Чистота племени и нации, несмешанность крови есть идеалистическая фикция, продукт тысячелетнего господства желавших быть изолированными классов, захватчиков власти. Культур изолированных, расовых также нет, как нет расовых языков. Есть система культур, как есть различные системы языков, сменявшие друг друга со сменой хозяйственных форм и общественности с таким разрывом с изжитыми формами, что новые типы не походят на старые так же, как курица не похожа на яйцо, из которого она вылупилась“... (Марр—„Избр. работы“, том I, изд. 1933, с. 241).

Мелкие этнические группы—родовые группы с однородным производственным базисом, с однообразием языковой основы, а значит и с однородной по типу материальной культурой и идеологией, пронизанной анимистическими и тотемическими воззрениями—вот какова была социальная структура древнейших обитателей Абхазии.

Отсюда—столько же „народов“, столько же „государств“ и столько же языков, сколько мелких этнических групп, ведущих натуральное родовое хозяйство и замкнутую общественную жизнь, слабо связанных между собой. Однородность культурной и языковой основы наряду с невероятным разнообразием конкретных проявлений—это диалектическое противоречие, недаром, поражало в Абхазии античных колонизаторов—сынов уже единого народа с единой

культурой и единым языком (ибо они уже прошли стадию скрещения племенных языков).

Каждая мелкая этническая группа казалась им самостоятельным народом и все современники, посетившие берега Абхазии 2.000—2.500 лет назад, рассказывали о необычайном разнообразии и множественности языков и „народов“ Кавказа.

Еще географ Страбон, описывая Диоскурию—самую крупную греческую колонию на берегах Кавказа,—говорил, что там

„собирались торговцы от 300 племен, из числа которых ни одно не заботится о том, что происходит в остальном мире и не понимает языка соседей, т. к. все живут разрозненно“... (Страбон, XI,5).

Известный римский историк Плиний в I веке нашей эры в своем знаменитом сочинении „Historia naturalis“, описывая побережье Кавказа, говорил:

„Племя абсиллов, племя саннигов, наконец—племена гениохов под разными названиями“... (Плиний, VI, 5).

Позднее Аммиан Марцелин в IV веке отмечал, что на берегах Кавказа

„живет множество народов, отличающихся разнообразием языков и внутреннего строя—яксаматы, меоты, язиги, аланы, меланхлены, гелоны... которые кочуют по разным направлениям...“

Конечно современный абхазский язык имеет связь с языковой (т. наз. „яфетической“) основой древнейших обитателей Абхазии, но именно такую связь и такое сходство, какую имеет курица и яйцо, из которого она вылупилась. Современный абхазский язык образовался путем длительного процесса скрещения и слияния многих языков и наречий родовых и племенных групп.

Именно однородностью производственного базиса, однотипностью социального строя объясняется необычайное сходство идеологических представлений древнейших обитателей Абхазии и их соседей—народов Кавказа, и даже больше—иногда очень удаленных от Абхазии народностей Сибири, Центральной Азии, древней Европы и даже Америки.

Первобытное мышление, развившееся в процессе образования человеческой кинетической (ручной) речи, было пронизано магическими представлениями. Окруженные мо-

гучей и пышно цветущей природой, девственной стихией лесов и гор, чувствуя слабость своего технического вооружения, древнейшие обитатели Абхазии уподобляли себе все природные явления, наделяя их свойствами живого существа. Шелест листьев—„шепот“ деревьев, прибой волн—„сердится“ море, течение реки—ее „бег“ к морю, и т. п. Другим представлением является представление о перевоплощении одних предметов в другие и о передаче свойств животного—людям. Пережитки древних магических представлений еще недавно были широко распространены среди абхазов. Это было наследие древнейших обитателей Абхазии, их первобытного мышления.

Абхазские охотники, идя на охоту, разговаривают на условном „охотничьем“ языке, чтобы не дать зверям понять того, что охотники идут их убивать. Так например: „огонь“ по абх. „амса“, но охотники говорят „ахлац“, „соль“ по абх. „ақақа“ но по охотничьи—„азлаба“, „луна“—„амза“, но охотники говорят—„ча“, „вода“—„азэ“, а по охот. „аміэ“, и т. д.

Некоторые условные термины охотников легко переводимы, будучи связанными с истинным обозначением явления или предмета. Например „солнце“ охотники называют „горяче-красное“, медведя—„толстоногий“, кабана—„длинный клык“, осла—„длинноухий“, и пр. Весьма интересно, что условные охотничьи термины различны для отдельных районов Абхазии. Это лишнее раз подтверждает, что происхождение их относится к далеким временам, когда население Абхазии говорило на разных „языках“, хотя и имеющих общую яфетическую основу. Условный охотничий язык был распространен не только у большинства народов Кавказа, но и у камчадалов, сойотов, и проч...

Магическими представлениями порождены и разнообразные приметы, заклинания и заговоры. Встретить зайца значит быть неудачником, ибо заяц труслив. Его свойства переходят, таким образом, на человека.

„Чтобы летом змеи не вползали во двор, там накануне „великого четверга“, ночью, один из хозяев-мужчин берет мотыгу, а другой—в сите золу. Первый обходит двор, царапая землю мотыгой, а другой идет за ним и, из сита просеивая золу в царапины, говорит: „змеи, то, что мы загородили, нам принадлежит, не имете права сюда войти... (Гулия—„История Абхазии“, стр. 177).

Пережитки магических представлений сохранились и в родильных и свадебных обрядах абхазов.

С началом родов развязывают узлы и отпирают ящики, символизируя разрешение от бремени и этим стараясь облегчить роды. Под голову новорожденного кладут пулю, чтобы он был смелым и храбрым, воинственным. Невесту осыпают серебром и зернами гоми, чтобы была богата, плодovита и счастлива. Все эти обычаи распространены и у сванов, хевсур и многих других народов.

Отсюда и вера в амулеты—ношение зубов волка; выставление черепов лошади на изгороди двора или поля для отпугивания враждебных сил и самозащиты.

С магическими представлениями тесно связано и происхождение религии. Древнейшие обитатели Абхазии как и все другие народности в эту эпоху не обладали истинным пониманием природы, ибо чувствовали свое бессилие перед ее могуществом.

Маркс говорит, что было время, когда

„человеческое существо не обладает истинной действительностью... Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительности нищеты и протест против действительной нищеты. Религия—это воздух угнетенной твари“... и в то же время „религия—опиум народа“... (Маркс и Энгельс—том I, стр. 399).

От одушевления животных и наделения сверхъестественными свойствами зверей первобытный человек перешел к последовательной вере в духов. Родовой строй локализовал духов при каждой родовой группе и породил культ предков-прародителей. Каждая родовая группа имела своего духа-покровителя, свою „святыню“ (абх. „апәха“ —именно „святыня“, а не „икона“ как неправильно переводят этот термин теперь). Еще недавно эти понятия крепко держались в сознании абхазского крестьянства. Так, род Лейба имел своего „духа“—покровителя—„leipәха“ род Ашуба поклонялся „абаапәха“, и т. д. Впоследствии, по мере слияния родовых групп в сельские общины и племена, духи-покровители наиболее сильных родов сделались сельскими и племенными „святынями“. Так, например, возникла „заапәха“—святыня“ сел. Лдзаа или „апәрспәха“—„святыня“ для всех бзыбских абхазов, имеющая резиденцию на „священной“ горе Дидрипш в сел. Ачандара.

Материальным выражением культа предков служат дольмены и родовые кладбища. Родовых старейшин и племенных вождей, а также их близких, древнейшие обитатели Абхазии хоронили в дольменах—огромных, монументальных склепах. Умерших снабжали оружием, пищей, и всем

необходимым, чтобы они не терпели лишений в загробной жизни. В одном из дольменов, найденном в сел. Эшеры, были обнаружены три скелета (в сидячем положении), разнообразные бронзовые орудия и оружие, украшения и глиняные сосуды, в которых очевидно была оставлена вода и пища.

Точно также на родовых кладбищах еще и в наше время абхазские крестьяне ставят на свежей могиле пищу и вино. В течение некоторого времени, после смерти близкого родственника, за столом во время принятия пищи ставят „долю умершего“, стараясь выбрать лучшие куски. Нередко, оставляют неприкосновенной постель умершего и кладут на нее или рядом с ней его оружие и костюм.

Поминки („арсхуга“) также являются наглядным выражением культа предков. Чем богаче поминки, чем больше выставлено пищи и вина, тем приятнее будто-бы умершему, который будет поэтому благосклоннее к оставшимся родственникам, будет защищать и помогать им. Культ предков широко был распространен у всех народов земного шара, прошедших стадию родового строя. С развитием скотоводства и земледелия религиозные верования усложнились. Развился культ природы.

Безпомощность человека, еще не сумевшего завоевать природу ярко сказалось в этом культе—в поклонении духам—богам, покровительствующим скотоводству („aitar“), земледелию („qada“), охоте („ajeplaa“) и духам населяющим природу, руководящим ее явлениями: духу молнии („afə“), воды („zəlan“), гор (afxa—epxu“). Отсюда и представления о „священных“ рощах (например, Пицундская), деревьях (граб), „священных“ горах (Дыдрыпш и Лашкендар), и моления этим духам с принесением жертв и коленоприклонениям.

Гораздо позднее, с объединением в племенные союзы с возникновением центральной власти появилось собирательное понятие о „главном“ боге, о боге „вообще“—„anja“. Развитие металлической техники, значительно усилившей хозяйственную мощь древнейших обитателей Абхазии, породило культ металла, культ-кузницы. Добыча металла и изготовление металлических орудий было первоначально делом очень трудным. Процесс обработки металла не был изучен. Удачный результат и хорошее качество зависели больше от случайностей. Технический опыт был весьма беден. Отсюда—работа над металлом казалась связанной с какими-то сверхестественными непонятными силами, кузнец—особенный человек, кузница—„священное место“.

Так родилась вера в духа—покровителя кузнечного дела и грозного бога „*saŋə*“, а также многие религиозные обряды связанные с кузницей и металлом. Первоначально религиозные обряды исполнялись старшими в роде, как наиболее опытными и почетными, знающими все традиции и обычаи. Впоследствии, когда родовые „святыни“ наиболее сильных родов стали сельскими и племенными „святынями“, исполнение религиозных обрядов и сношения с духами сделались монополией стариков отдельных родов. Так, например, до последнего времени жрецами (апэхарауэ“) божества „*апəрспəха*“, пребывающего, якобы, на горе Дидрипш были члены привеллегированной фамилии Чичба, получавшие от этого „промысла“ не малую прибыль.

„Сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения „—говорит т. Сталин. Действительно, даже в наши дни, когда Советская Абхазия вступила во вторую пятилетку социалистической реконструкции—пятилетку построения бесклассового социалистического общества, еще подчас в абхазской деревне сохраняют свою силу пережитки глубокой старины—наследие древнейших обитателей Абхазии. Прошли тысячелетия, а эти пережитки остались до наших дней, потому что эксплуататоры и угнетатели—князья, дворяне, помещики, попы, капиталисты—стремились во все эпохи сохранить силу первобытных представлений и родовых традиций, чтобы сковать ими развитие политического самосознания трудящихся масс. И в наши дни—эти пережитки в большинстве случаев являются орудием классового врага в борьбе с победоносным социалистическим строительством.

Классовый враг стремится противопоставить старые, прадедовские способы ведения хозяйства—новой социалистической агротехнике, авторитет родового старейшины—сельсовету, родовые традиции—советским законам, старые с./х. культуры—новым высокоценным субтропическим культурам. Классовый враг использует родовые обычаи „усыновления“ и „воспитания“ („*аоинадара*“, „*ахурпара*“, „*аазара*“) для укрепления связей с трудящимися, обычай родовой взаимопомощи для эксплуатации и скрытого применения наемного труда. Классовый враг поддерживает обычай кровной мести против мероприятий советского суда. Религиозные представления, отражающие „бессилие дикаря в борьбе с природой“ (Ленин), помогают классовому врагу организовать саботаж директив партии и советской власти. „Запретные дни“, свадьбы, поминки и пр. поглощают сотни

и тысячи трудодней ежегодно, срывая нормальный ход с./х. работ. Моления божествам „апэха“ обходятся абхазскому крестьянству в сотни тысяч рублей. Магические обряды, заговоры, заклинания, играют на руку знахарям и мешают санитарно-профилактической и лечебной работе органов здравоохранения. Десятки людей умирают по вине этих знахарей. В целом все эти пережитки тормозят победный ход культурной революции, противодействуют социалистической реконструкции.

„История—самая живая, наиболее политическая наука из всех, которые только существуют“ (М. Н. Покровский) Изучение истории поможет нам в практической борьбе с пережитками прошедших эпох, в борьбе за социализм.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Разложение родового строя и античная колонизация на побережье Абхазии.

Возникновение сельской общины. Технический прогресс определял расширение возможностей хозяйственного использования окружающей природы и усложнял хозяйственную деятельность деревенских обитателей Абхазии. В первой главе уже было указано на археологические находки в устье р. Келасури близь Сухума, где наряду с бронзовыми предметами обнаружены были уже и орудия из железа.

Даже бронзовая техника, а тем более железные орудия, сделали древнейших обитателей Абхазии более сильными и стойкими в борьбе с природой. Первоначально, как было отмечено выше, скотоводство имело преобладающее значение в районах предгорной полосы.

„Эйлажное“ скотоводство характеризуется постоянными передвижениями скота в поисках лучших пастбищ. Эти передвижения скота вызывали и частые переходы его хозяев, при чем вместе со стадами передвигались не только пастухи, но и все население данной родовой общины, включая женщин и детей. Еще совсем недавно подобные выселения всех жителей села на летние пастбища можно было наблюдать во многих районах Северного Кавказа и Восточного Закавказья. Часто бывало и так, что с летних пастбищ стада и их хозяева не возвращались на старую зимовку, а спускались с гор на новые места. Слабая плотность населения и обилие пустопорожних земель способствовали этому и потому обитатели нынешней Абхазии, гоня скот на летние пастбища северного склона Главного Кавказского хреб-

та, оставались и зимовать на Северо-Кавказских нагорьях. Не исключается и обратная картина передвижений обитателей Сев. Кавказа в Абхазию.

Неудивительно, что многие античные писатели называют жителей Черноморского побережья „кочевниками“. Римский историк Аммиан Марцелин (IV век), описывая алланов (обитателей нынешней Осетии), говорит:

„У них нет постоянных жилищ, они не занимаются земледелием, питаются мясом и больше молоком, живут в своих повозках, которые покрывают кусками древесной коры... Когда они доходят до лугов, то располагают свои двухколесные повозки (арбы?, А. Ф.) в круг. Они гонят перед собой стада крупного и мелкого скота и таким образом пасут его“. (Сб. свед. о кавк. гор., IV., 190).

Очевидно, что в этой специфике хозяйственного уклада надо искать причину тех фактов, которые нашли отражение в народных преданиях. Среди кабардинцев, например, существует легенда о том, что в VI веке Гиджры (XIII век нашей эры) кабардинские племена занимали область низовьев р. Дона, Таманский полуостров и Сев. побережье Азовского моря, вплоть до Крыма, откуда вождь Инал вывел их на территорию нынешней Кабарды. Старики-абхазцы из фамилии Ашуба говорят, что предки их переселились в Джгерды из Псху. Вообще рассказы о передвижениях и перемене местожительства очень распространены среди абхазцев.

Развитие „эпического скотоводства и учащение встречных сношений между отдельными родовыми и племенными группами стимулировало и развитие обмена. Рост производительности труда создавал возможность делать запасы. Излишки, таким образом, могли превращаться в товар и обмениваться для удовлетворения растущих потребностей. Главным предметом обмена у древнейших обитателей Абхазии, очевидно, был скот, приобретающий постепенно функции денег. Еще не так давно, в XVII-XVIII веке скот зачастую выполнял в абхазской деревне роль всеобщего эквивалента при обмене товаров. В глубокой же древности это значение скота в процессе обмена было гораздо выше.

Рост производительных сил родового хозяйства усиливал и общественное расчленение внутри рода.

„Увеличение производства во всех областях-скотоводства, земледелия, домашнего ремесла—сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было не-

обходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода... Представлялось желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла их: военнопленные стали обращаться в рабов" ... (Энгельс — „Происхождение семьи“, стр. 190).

Захваченные в плен члены чужого рода или чужого племени превращались в рабов. Но эта патриархальная форма рабства первоначально резко отличалась от позднейшего античного рабства. В родовой коммуне раб употреблялся сначала по преимуществу для домашних работ и пока продолжала господствовать коллективная собственность на средства производства положение раба мало чем отличалось от положения каждого члена рода. Скорее всего использовать раба с целью личной наживы мог старейшина, руководящий родовым хозяйством.

С момента, когда появляется практика выделения небольших земельных участков или стад в пользование отдельных семей (при сохранении коллективной родовой собственности) применение рабского труда приобретает особое значение.

При помощи рабов семья старейшины или другого члена рода могла самостоятельно выкорчевать новый участок земли из под леса. Этот участок и урожай с него является уже собственностью данной семьи в противоположность общей родовой собственности.

Так, эксплуатация рабов приводила к появлению частной собственности, а значит и к возникновению экономического неравенства.

Чрезвычайно интересно, что абхазский термин „арэ“ означает одновременно и „раб“, и „собственность“, что является блестящим подтверждением тезиса Маркса и Энгельса о том, что настоящая частная собственность начинается с появлением рабов, как движимой собственности (см. Архив М. и Э., изд. 1924 г. стр. 251).

С течением времени, по мере роста производительных сил, расширения запашек и пастбищ на основе эксплуатации рабов, сближались владения и хозяйственные территории соседних родов. Родовая община перерастала в сельскую общину (абх. „акәта“), которая была „одной из первоначальных форм общества от Индии до Ирландии“ (Маркс и Энгельс — „Коммунистический Манифест“).

Процесс образования сельской общины в Абхазии наглядно иллюстрируется современным характером расселения

во многих абхазских селениях. Примерно может служить сел. Дурипш Гудаутского района, где несколько родовых поселков составляют одну сельскую единицу, а также и большинство других абхазских селений.

„Сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества (доклассового общества, А. Ф.) является в то-же время переходным базисом ко вторичному образованию, т. е. переходным базисом от общества, основанного на общей собственности к обществу, основанному на частной собственности... В сельской общине дом и его придаток, двор, принадлежат земледельцу в собственность... Сельская община носит в своих собственных недрах подтачивающие ее элементы. Частная поземельная собственность уже вторглась в нее в виде дома с его сельским двором, и он может превратиться в крепость, из которой подготавливается нападение на общую землю. Это случилось. Но самое существенное, это парцелярное хозяйство, как источник частного присвоения. Оно дает почву для сосредоточения движимого имущества, например, скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на сельскую экономику. Вот момент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство“ (Маркс—см. Архив М. и Э., стр. 284-285).

Противоречие между коллективной собственностью и тенденцией к разрыву между трудом и собственностью, содержащейся еще в недрах родового строя (выделение старейшин, патриархальное рабство) превращается в сельской общине в антагонизм между частной и общинной собственностью.

Семьи старейшин и тех родичей, которые приобрели рабов, выдвигаются на первое место. Остальные сородичи вынуждены обращаться к ним за помощью, попадая в зависимость, отрабатывая долги своим трудом. Хозяйственной единицей становится уже не род, а одиночная семья. Растет классовое расслоение внутри сельских общин.

„Наряду с разделением на свободных и рабов, появляется различие между богатыми и бедными—обусловленное новым разделением труда, новое

разделение общества на классы"... (Энгельс — „Происхождение семьи"...стр. 193).

Античная колонизация на берегах Абхазии.

Свыше 2.500 лет назад черноморское побережье Кавказа стало объектом античной колонизации.

Античные государства — „Греция и Рим являлись странами наиболее высокого „исторического развития“ среди народов древнего мира"... (Маркс и Энгельс—том I, стр. 194).

Все могущество древней Греции и ее исторического преемника—Рима, весь расцвет античной культуры, (лучшие образцы которой, по словам Маркса, обладают в художественном смысле „вечной прелестью“, как произведения „детства человеческого общества“) были основаны на рабовладельческом способе производства. Эксплоатация многих тысяч рабов давала возможность рабовладельцам укреплять экономическую и военную-политическую мощь своего государства.

Но рабовладельческий способ производства таил в себе тенденции к техническому застою. Рабский труд определял низкий уровень техники и препятствовал ее развитию. Это создавало реальную опасность относительного перенаселения.

Кроме того, класс мелких производителей — античное крестьянство — в Древней Греции еще за 1000 лет до нашей эры становилось жертвой землевладельческой аристократии („эвпатридов“) и торговцев-ростовщиков. Разорение деревни началось еще с распадом родового строя. Развитие рабовладельческого способа производства еще более ускорило этот процесс. К VII-VI векам до н. эры подавляющее большинство крестьян оказалось обезземеленным. Это еще более увеличило кадры избыточного населения. Разорившиеся мелкие собственники, безнадельные крестьяне, лишённые средств производства бедняки — вот из этого слоя по преимуществу вербовались эмигранты для колонизации тех областей и районов Средиземноморья и Черноморья, которые представляли интерес для быстро растущей античной торговли. Торговые фактории („эмпории“) греческих купцов зачастую становились центрами новых колоний, населявшимися затем аграрными переселенцами. Разбойничье-торговые экспедиции были первыми попытками захвата тех пунктов, которые впоследствии превратились в колонии-источники добычи сырья и рабов.

„В древних государствах, в Греции и Риме, принудительная эмиграция, принимавшая форму периодического устройства колоний, составляла по-

стоянное звено в общественной цепи. Вся система этих государств была построена на определенном ограничении количества народонаселения, которого нельзя было превысить, не подвергая опасности самого существования античной цивилизации". (Маркс и Энгельс—том X, стр. 128).

Таким образом, античная колонизация была необходимым следствием рабовладельческого способа производства. Одним направлением греческой колонизации было западное—берега Италии, Сицилии и т. п.

Другим—восточное, точнее северо-восточное—побережья Мраморного и Черного морей.

Первые данные о посещении греками Кавказского побережья мы черпаем из мифического предания о том, как легендарный герой Язон, родом из Фессалии (область в Сев. Греции) снарядил экспедицию для похищения золотого руна (руно—баранья шкура) из страны колхов-Колхиды. На корабле „Арго“ Язон со своими спутниками доплыл до берегов Колхиды, где с помощью дочери колхидского царя Аїэта-Медеи сумел выполнить свое намерение и увез золотое руно.

Несомненно, что эта легенда отражает первые попытки снаряжения разбойничье-торговых экспедиций к берегам Кавказа. Что же манило предприимчивых агентов греческого торгового капитала в сказочной Колхиде? Надо ли понимать под „золотым руном“ драгоценные полезные ископаемые?

Термин „золотое руно“ расшифровывали сами античные писатели. Так, например, М. Теренций Варрон пишет: „старинные поэты передали, что даже скот имел золотые шкуры, разумея его дороговизну..., как например, в Колхиде у Аїэта; за шкурой его барана, говорят, отправились аргонавты“... (Теренций Варрон — „*Regum rusticarum*“, II, I, 6). Во всяком случае от первых пиратско-коммерческих экспедиций типа „похода аргонавтов“ до систематической колонизации черноморского побережья Кавказа проходит несколько столетий. Черное море именуется греками „Негостеприимным“ (Понт-Аксенский) и только много времени спустя превращается в „Гостеприимное“ (Понт Эвксинский). Колонизационная деятельность Древней Греции на Черном море развернулась в VIII-VII в. до нашей эры. Основание черноморских колоний приписывается эмигрантам из Милета—крупнейшего торгового центра цветущей греческой области — Ионии (на западном берегу Малой Азии). Выходцами из Милета было основано до 90 колоний, но

конечно, большинство из них были поселениями незначительной величины.

Наиболее выдающимися греческими колониями на южном берегу Черного моря были Синоп и Трапезус (VIII век до н. эры), а на северном — Истр (устье р. Дуная), Тирас (устье р. Днестра), Ольвия (устье р. Буга), Пантикапея (Керчь). Последние были основаны в VII веке до нашей эры. К этому же времени относится начало греческой колонизации на восточном побережье Черного моря. Здесь возникли крупные колонии — Питиунт (на мысе Пицунда), Диоскурия и Фазис (в устье р. Риона).

Некоторые позднейшие греческие писатели — Стефан Византийский (V в.) и Никанор Александрийский говорят, что Диоскурия была основана греками на развалинах древнего города Эйя. В этом указании некоторые ученые находят намек на существование на берегах Кавказа финикийских и египетских колоний. Но пока мы не располагаем никакими сколько нибудь достоверными данными на этот счет. Вернее предполагать, что за термином „Эйя“ скрывается поселение местных жителей.

Наиболее крупной из всех греческих колоний на Кавказе была Диоскурия. Греческий географ Страбон (I век до н. эры) дает такое, правда краткое, но многозначительное описание Диоскурии:

„Самый этот город служит общим торговым пунктом для живущих выше и по соседству с ним народов. Говорят, что там собирается до 70 (по другим, которые менее правдивы, даже 300) народов“... (Страбон, XI, 16)

О значении Диоскурии говорит и более поздний Римский историк Плиний:

„Этот город теперь опустошен, но прежде был так известен, что там собиралось до 300 народов, говорящих на разных языках и впоследствии еще мы (римляне, А. Ф.) вели там свои дела с помощью 130 переводчиков... (Плиний VI, 5, 1).

Местонахождение древней Диоскурии точно пока не установлено. Вероятнее всего, что она находилась на берегу Скурчинской бухты, защищенной Кодорским мысом. Скурчинская бухта была соединена узким каналом с маленьким озером, представлявшим как бы вторую внутреннюю бухту. Небольшие гребные и парусные суда находили там хорошую защиту от непогоды и удобную стоянку. На берегу этой бухты существовало поселение, конечно, не столь значительное, как это кажется на первый взгляд, когда читаешь

античных писателей, центром которого была торговая фактория („эмпориум“). От Скурчинской бухты совсем близко находится река Кодор. Таким образом, очевидно, Диоскурия служила конечным пунктом наиболее удобного и важнейшего торгового пути по р. Кодор через урочище Дал к Марухскому и Клухорскому перевалам и дальше на Северный Кавказ, в долины Зеленчука и Теберды. За местонахождение Диоскурии в устье р. Кодора на Скурчинской бухте (а не на месте современного Сухума, как предполагают некоторые ученые) говорит и тот факт, что позднее в XIII-XIV и до XVII-XVIII века именно здесь находился самый крупный и важный пункт береговой генуэзской и турецкой торговли, носивший название—Исгаур, Искурия. Лингвистические аналогии также подтверждают местонахождение Диоскурии близ устья р. Кодор: „Диоскурия“—„Искурия“—„Исгаур“—„Скурча“. К сожалению, до сих пор на берегу скурчинской бухты не производились серьезные археологические изыскания, которым, очевидно, будет принадлежать решающее слово в этом вопросе.

Какова-же была социально-экономическая структура греческих колоний на черноморском побережье Кавказа?

Англичные писатели называют побережье Кавказа „Колхидой“, а народ, живущий там „колхами“. Но границы этой „Колхиды“ установить по их сочинениям очень трудно. С одной стороны, некоторые из них помещают в „Колхиде“ даже Трапезос (Трапезунд), с другой стороны — одной из крупнейших колоний „Колхиды“ называют Питиунт (Пицунду). Конечно, в представлении античных писателей „Колхида“ была чаще всего не административным, а только географическим понятием.

Колхида характеризуется в античных письменных памятниках весьма плодородной областью с большими природными богатствами. Почва „Колхиды“ плодородна, хорошо родит лен и коноплю, но большая часть страны покрыта девственными лесами, в которых много ценных пород деревьев. „Кораблестроительный материал“, — пишет Страбон — спускается по рекам вниз (к морю). Добываются здесь также воск, смола и горький мед“. („Горький мед“ Страбона—это „пьяный мед“ (абх. „асха ква“) известный в Абхазии, Мегрелии и Гурии, который собирается пчелами с цветов рододендрона и др. растений, вредно действующий на организм.)

Леса „Колхиды“ изобилуют дикорастущими плодами. По словам Страбона „склоны гор производят здесь такое изобилие диких древесных плодов, как например, виногра-

да, груш, яблок и разных сортов орехов, что люди, отправляющиеся в лес за дровами, находят там во всякое время года большие запасы плодов... Там и хорошая охота и много дичи, вследствие изобилия всякого рода корма"... (XII, 3, 15). Население нагорных районов „Колхиды“ занимается скотоводством, по преимуществу разводя мелкий скот, хотя у Страбона есть уже упоминание и о лошадях, и о крупном рагатом скоте.

Таким образом, „колхидские“ колонии древних греков занимались обширной торговлей. Ассортимент товаров был весьма разнообразен. Главнейшими экспортными товарами были: ценная древесина (тисс, самшит, пихта), пушнина, кожи, воск, мед, смола, продукты скотоводства. В противоположность северно-черноморским греческим колониям (Ольвия, Херсонес, Пантикапея) в „колхидских“ колониях хлеб и вообще продукты земледелия не имели первостепенного значения. Важнейшим импортным товаром была соль. Страбон прямо говорит о жителях „Колхиды“, что „они собираются в Диоскурию, главным образом, ради соли“. Соль импортировалась купцами-посредниками из Крымских колоний. Совершенно особое место занимала развивавшаяся работорговля.

„В числе предметов, необходимых для нашего существования, припонтийские страны доставляют нам в большом изобилии превосходного качества скот и огромное количество рабов, а из предметов, служащих дополнением к предметам первой необходимости... доставляют нам мед, воск, соленую рыбу в изобилии“ (Полибий, IV, 38, 1-10).

Кроме Фазиса, Питиунта и Диоскурии, существовавших несколько столетий, на побережье возникали и исчезали более мелкие поселения колонистов: Триглит, Абсарос, Цигнус, Зигополь и др.*; точно установить местонахождение которых пока не представляется возможным.

Почти все крупные черноморские колонии греков в политическом отношении развивались с тенденцией к автономии и даже полному самопределению от метрополии. В VII-VI в. в. до н. эры связь „колхидских“ колоний с метрополией чувствовалась еще сильно, но в V веке, благодаря разгрому персами Милета (в эпоху греко-персидских войн), она значительно слабеет. В V веке до н. эры греческие колонии на берегах Киммерийского (ныне Керченского) пролива создают независимое Боспорское государство, с цент-

*) Многие из них, очевидно, возникали на месте поселений местного происхождения.

ром в городе Пантикапее (совр. Керчь), достигающее расцвета в IV и первой половине III века до н. эры.

С другой стороны на черноморском берегу Малой Азии в IV веке возникает Понтийское государство, составлявшее сначала часть Каппадокии, находившейся под влиянием Греции. Торговый порт Понтийского государства — Синоп имел тесную связь с Кесарией (в древности — Мазака) — резиденцией Кападокийских правителей и важнейшим центром торговых путей, пересекающих Малую Азию.

Таким образом, „колхидские“ греческие колонии — Фазис, Диоскурия, Питиунт и др., становятся как бы связующим звеном между двумя крупными торговыми рабовладельческими государствами — Понтом и Боспором.

Отсюда в III веке до н. эры „колхидские“ колонии приобретают особое значение. На берегах Абхазии развивается не только натуральная, но и денежная торговля.

На территории южной Абхазии, Мегрелии, Гурии и др. местностях Закавказья неоднократно были найдены монеты, получившие название „колхидок“. На них обычно имеется рисунок головы быка. Некоторые снабжены греческими буквами.

Чеканка „колхидок“ обычно относится к IV веку до нашей эры. Именно в это время „колхидские“ колонии греков достигают наивысшего расцвета, развивая интенсивную посредническую торговлю с Боспорским и Понтийским государством. В эту эпоху особенно укрепляется их автономия. Несомненно, что береговая торговля и античная колонизация способствовала дальнейшему углублению процессов разложения родового строя среди местного населения. Рабство теряло свой патриархальный характер. Рабы выступали теперь не только как рабочая сила, но и как товар, получивший широкое распространение в системе античной торговли.

„В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости“. (Маркс — „Капитал“, III, ч. I, стр. 255).

В Абхазии рабовладельческая система не получила своего законченного развития, но тем не менее, эксплуата-

торская верхушка местных родовых и племенных объединений очень скоро осознала работорговлю, как источник обогащения. Между родо-племенной верхушкой местного населения и греческими колонистами установилась тесная связь, поддерживаемая торговыми сношениями не только по линии работорговли, но и торговли сырьем. Ясно, что рубить на продажу лес, собирать мед и воск, продавать меха и кожи, могли по преимуществу богатые семьи, эксплуатирующие рабов и имеющие крупные стада и хорошие пастбища. Еще Страбон указывал, касаясь влияния античной колонизации, на „припонтийские“, т. е. причерноморские племена, что

„Надо сказать, что наш образ жизни почти во всех произвел перемену к худшему, внося расколы, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность в значительной степени проникла и к варварам, между прочим и кномадам (кочевникам, А. Ф.). Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и вступая в сношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество“. (Страбон, VII, 3-7).

„Испорченность“, о которой говорит Страбон, таким образом, выражалась прежде всего в разрушении патриархальных форм общественной жизни, подрываемых разложением первобытно-коммунистических производственных отношений и развитием классового неравенства на базе укрепления частной собственности.

Греческие колонисты застали древнейших обитателей черноморского побережья Кавказа на последней стадии развития доклассового общества—на стадии его разложения. Береговая торговля не была основной причиной, но безусловно стимулировала распад патриархально-родовых отношений среди местного населения.

На берегах Кавказа еще не сформировалось в то время единого народа с единой культурой. Все античные писатели отмечают многоплеменность местного населения. Об этом уже говорилось в первой главе. Античные писатели дают перечисляемым „народам“ совершенно произвольные названия, часто исходя из чисто внешних признаков: „меланхлены“ (от *melas*— „черный“), фтирофаги („вшееды“), „гюнайкократумены“ („управляемые женщинами“), „геңиохи“.

или „иниохи“ („возниче“ или „перевозчыки“), и т. д. Название „колхи“, употребляемое по преимуществу ранними греческими авторами, является также, очевидно, произвольным и при этом собирательным наименованием вообще для всех обитателей колхиды. Более поздние авторы, удивившиеся в том, что „Колхида“ не населена единым народом, уже избегают этого термина.

Большинство этих „народов“, как называли греки отдельные роды и племенные группы вначале „даже не знали собственного повелителя“ (Иосиф Флавий—, „Иудейская война“, II, 16, 4).

Однако, по мере углубления процесса разложения первобытно-коммунистических отношений, укрепляется значение родовой верхушки и племенной знати. Береговая торговля, ускоряя разделение труда и развитие частной собственности, стимулирует и рост межродовых и межплеменных связей. Связи, возникавшие первоначально на базе „эйлажного“ скотоводства и слабого междуобщинного обмена, укрепляются. Транзитная торговля ускоряет процесс становления племен, занимающих определенную территорию и приобретающих путем скрещивания и расщепления многообразных языков мелких этнических групп единый язык и единую культуру.

Становление племен подготовлено всем предыдущим ходом развития—расширением пастбищ, возрастанием плотности населения и прочими условиями, характерными для эпохи образования сельских общин, о которых говорилось вначале этой главы. В эту эпоху „война является регулярной формой сношений, которою занимаются тем усерднее, чем более прирост населения, при единственно возможном для них традиционном способе производства, создает потребность в новых средствах производства (Архив „М. и Э.“ I, стр. 247).

Учащение военных столкновений с целью захвата рабов, скота и пастбищ, все более выдвигает племенных вождей-военноначальников (абх „арџа“). Выражая интересы социальной верхушки, они укрепляют свою власть над местными сельскими общинами.

Античные писатели называют этих племенных вождей „базилевсами“. В этом значении „базилевс“—не царь, как неправильно переводят этот термин большинство старых ученых, а именно „племенной военный-начальник“.

„Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре затем такой-же необходимостью становится уже их слияние, а

тем самым слияние отдельных племенных территорий в единую общую территорию всего народа. Военноначальник народа—*rex, bazileus, thiudans*—становится необходимым, постоянным должностным лицом. Появляется народное собрание там, где его ещё не было. Военноначальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни“...

(Энгельс, „Происх. семьи...“ стр. 193)

В I веке до нашей эры племена Западного Кавказа, переживающие эпоху становления, уже имеют общественный строй, именуемый Энгельсом „военной демократией“. Греческий географ Страбон указывает, что „иниохи“ имеют 4 „базилевса“, а у „соанов“ есть „базилевс“ и совет из 300 чел., а войско они набирают до 200.000, ибо „все население отличается воинственностью, хотя-бы и небыло в строю“. Правители греческих колоний, втягивая местных племенных вождей в сложные политические комбинации и натравливая их друг на друга, способствовали усилению их власти и стремились подчинить их своему влиянию. Но „колхидские“ колонии греков не имели достаточных сил для полного завоевания всей территории „Колхиды“ (тем более, что „Колхида“ была в значительной мере условным понятием).

Во II веке до нашей эры могущество Греции падает. На смену приходит Рим, который начинает вести активную воинствующую политику на востоке. В 146 г. до н. эры Македония объявляется римской провинцией. Через 10 лет такая-же участь постигает всю Грецию.

Черноморские греческие колонии хиреют. Херсонес и Боспорское государство переживают острейший экономический и политический кризис. Они не могут сопротивляться давлению консолидирующихся скифских племен, от которых греческие колонисты вынуждены откупаться особыми „дарами“ или даже уплачивать определенную дань. Сначала Херсонес, а затем—около 110 г. до н. эры и Боспорское государство передают себя в руки более мощного Понтийского государства. Понтийский царь Мифрадат Евпатор значительно расширяет пределы своего государства.

В 88 г. до н. эры Мифрадат начинает борьбу против Римской агрессии. Потерпев поражение в Малой Азии, он, однако, не теряет духа и готовится к новой войне. Антич-

ные авторы указывают, что Мифрадат, владевший номинально огромной территорией на южном, восточном и северном берегах Черного моря (от Синопа до Крыма), „сумел составить войска из каких только мог племен“ (М. Туллий Цицерон—„Речь о Помпее“, IV, 9). Это показывает, что Мифрадат стремился вовлечь в борьбу с Римом и местные племена, в частности—населяющие нынешнюю Абхазию и Мигрелию („Колхиду“), вождей которых манила богатая добыча (захват рабов, скота, оружия), а также подарки самого Мифрадата.

В 66 г. до н. эры Мифрадат снова открывает военные действия, но разбитый на р. Ефрате римскими легионами известного полководца Помпея, отступает на Север. Есть сведения о том, что зимой (66-65 гг. до н. эры Мифрадат с остатками своего войска оставался в течении нескольких месяцев на берегу бухты Диоскурии, а затем уже отступил в Боспорские владения (берега Керченского пролива), где в 63 г., обессиленный восстанием, которое поднял против него его сын Фарнак, покончил жизнь самоубийством. Римские легионы Помпея, преследуя Мифрадата, прошли через „Колхиду“ и достигли „земель иниохов“, т. е. выдвинулись и на территорию современной Абхазии. Античные авторы говорят, что Помпей на местные племена „колхов“, „иниохов“ „действовал то страхом, то убеждением“ (Дион Кассий—„История Рима“, XXXVII, 3). Это свидетельствует о том, что местные племенные вожди, после поражения Мифрадата на р. Ефрат очень быстро оставили его и не сопротивлялись сильной армии Помпея, а порой даже заключали союз с ним, признавая формально Римский протекторат.

Быстрые переходы местных племенных вождей, то на сторону одного, то другого противника лишний раз свидетельствуют об отсутствии прочных государственных образований на Западном Кавказе, ибо местные жители, очевидно, находились еще на той стадии развития, когда для только что выделившейся среди них социальной верхушки „война... ведется. . ради чистейшего грабежа, становится постоянным промыслом“... (Энгельс—„Происхожд. семьи“, стр. 194).

Эти грабительские войны, как справедливо указывает Энгельс, усиливают власть племенного военначальника. Страбон указывает, что Помпей победив Мифрадата, армянские земли и Колхиду разделил между базилевсами, которые оказали ему помощь на войне“ (Страбон, XII, 3, 1). Разумеется тот „базилевс“—племенной военначальник,

который пользовался теперь покровительством римлян, значительно укрепил свой авторитет, как внутри своего племени, так и среди соседей. Римляне, конечно, были заинтересованы централизовать свою власть над местными племенами, находя удобным поставить во главе их преданного им военначальника. Так, например, Помпей утвердил над всеми племенами „колхов“ базилевса Аристарха (см. соч. Евтропия, VI, 14). Этот Аристарх, вероятно эллинизированный или романизированный представитель местной племенной знати, достиг такой власти, что стал даже чеканить монеты с греческой надписью „Аристарх базилевс Колхиды“.

В 48 г. до н. эры сын Мифрадата Фарнак, в свое время перешедший с частью Понтийского войска на сторону римлян, подымает мятеж против последних.

С большой армией, собранной им в Боспоре, присоединив к себе местные племена северной части черноморского побережья Кавказа, Фарнак вторгается в „Колхиду“, опрокидывая малочисленные римские гарнизоны и отряды племенных „базилевсов“. Рим высылает против Фарнака легионы знаменитого Юлия Цезаря, который в 49 г. н. эры и одерживает над Фарнаком блестящую победу в Малой Азии на р. Галис (ныне река Кизил-Ирмак). Рассказывают, что об этой своей победе, будто-бы, Юлий Цезарь сообщил в Рим тремя словами—„пришел, увидел, победил“. Разбитый Фарнак бежал в Боспор (ныне Керчь), где и был убит своим соратником Асандром. Крупные события, разыгравшиеся на территории Западного и Южного Кавказа в I веке до н. эры окончательно подорвали былое значение греческих колоний. Самые крупные из них—Диоскурия и Пителиунт были разрушены до тла во время военных действий, причем римский писатель Плиний указывает, что Пителиунт ограблен иницихами“.

Утвердив свое владычество на кавказском побережье, после разгрома Мифрадата и Фарнака, римляне подкрепляют его постройкой укреплений и расстановкой сильных военных гарнизонов. Римляне строят на побережье нынешней Абхазии сильную крепость Севастополис (на месте бывш. Диоскурии или на берегу Сухумской бухты). Затем, восстанавливают укрепления Пителиунта. Численность римских гарнизонов на побережье Кавказа достигает на пороге нашей эры до 3.000 „тяжеловооруженных“ солдат, т. н. „гоплитов“. В то время это была очень крупная сила.

Римский полководец Агриппа с гордостью заявлял, что „иниохи, и колхи, и племя тавров, и боспораны, и народы живущие вокруг Понта и

Меотийского озера, которые прежде не знали даже и собственного повелителя, повинуются теперь трем тысячам гоплитов, а сорок военных кораблей создали спокойствие и мир на диком море (Черном море, А. Ф.), по которому прежде нельзя было плавать...“ (см. „Иудейскую войну“ Иосифа Флавия, II, 16, 4).

Действительно, сильные римские гарнизоны и военные корабли, которые крейсировали у побережья, гарантировали возрождение береговой торговли. В эпоху греческой колонизации нормальный ход торговли сильно подрывался пиратскими набегами местных племен. Еще Страбон жаловался на то, что:

— „Иниохи, выходя в море на своих „камарах“ и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность, или даже город, господствуют на море“..

Теперь военное могущество римлян на побережье содействует свободному развитию торговли. Под защитой римских крепостей снова расцветает береговая торговля. Попрежнему важнейшую статью экспорта составляют сырье и рабы, а импорта-соль, металлические изделия, посуда и пр. О значении „Колхиды“ для римской экономики образно говорит римский поэт М. Манилий:

— „Ради желудка ездят дальше, чем для военной службы: нас кормят побережья Нумидов и леса Фасида (Риона, А. Ф.), мясопродукты (*macellum*) вывозятся оттуда, откуда было по новой поверхности моря привезено золотое руно“.. (Астрономия, lib. V, 376—378).

Замечание Манилия лишней раз подчеркивает перво-степенное значение, которое имело скотоводство в народном хозяйстве и береговой торговле тогдашних обитателей Абхазии и Мегрелии.

Но владычество римлян было прочным лишь на самом берегу моря. Как только уходили крупные римские легионы, влияние Рима во внутренних районах Западного Кавказа значительно падало.

Если римская колонизация побережья в известной мере сковывала рост производительных сил местной экономики, то развивавшаяся на базе этой колонизации транзитная торговля действовала в обратном направлении, ускоряя процесс разложения до-классовых отношений и укрепляя межплеменные связи.

В первые века нашей эры наблюдаются первые по-

пытки создания крупных племенных объединений. В противоположность греческим авторам позднейшие римские писатели все чаще употребляют термины, обобщающие раздробленные этнические группы в более крупные соединения. Сначала это — „иниохи“, „колхи“, „мосхи“, „иберы“. Затем выдвигаются „лазы“ и „абсилы“, позднее — „авасги“. Хотя римский писатель Плиний (I век) еще указывает: „племена иниохов под разными названиями“ (VI, 5) подчеркивая, очевидно, условность этого обобщающего термина и, значит, непрочность данного племенного образования.

Географически эти племенные объединения распределялись, примерно следующим образом:

1) территорию будущей Абхазии, Адыгеи и Кабарды (эпохи феодализма) занимают „иниохи“,

2) с юга с ними тесно соприкасаются „колхи“, занимающие территорию будущей Мегрелии,

3) верховья р. Риона и нагорья Месхийского хребта населяют „мосхи“.

4) восточнее „мосхов“ — „иберы“, занимающие территорию остальных районов современной Грузии,

5) территорию современной Осетии, нагорья Северного Кавказа и долину верхней р. Кубани — „аланы“,

6) восточнее „иберов“ — „албаны“ (территория современного Азербейджана).

При этом, надо отметить, что среди этих племенных наименований выдвигаются, впоследствии заменяя их, новые, как-то: среди „иниохов“ — абсилы, авасги, абаски, а среди „колхов“ — „лазы“. Здесь мы имеем не просто уточнение терминологии („иниохи“ — произвольное греческое, а „абаски“, дескать, подлинно местное самонаименование, равно как „колхи“ и „лазы“), а отражение реального процесса становления племен, происходящего в эту эпоху. Выдвигаются особые социальные группы, которые распространяют свои прежние родовые самоназвания, часто имеющие еще тотемические корни, на все подчиненное их власти племя. Так именно образуется племенное название „абаски“. Сначала — это тотемическое название какого либо сильного рода выдвигавшего военных вождей и этим еще более выделившегося среди других родов своего племени. Затем — это уже обобщающее племенное название, название племени, возглавляемого вождями из рода, носившего это имя.

Становление племен, как уже говорилось выше, происходит на основе углубляющегося общественного расчленения. Конечно, не все племена развиваются одинаково. Очевидно, впереди других в первые века н. эры идут

иберы и лазы, проживавшие как раз на великом торговом пути, пролегавшем по долинам р. Риона и р. Куры, и дальше через Иранское нагорье в Персию и Индию. У иберов разложение первобытно-коммунистических отношений привело в эту эпоху к выделению определенной социальной группировки, к которой принадлежали так наз. „эристави“ (груз. „ერის ტავი“, что значит „глава войска—народа“, т. е. одновременно-военноначальник и племенной вождь). Их господство сменило, но на более расширенной основе, первоначальную родовую власть в лице родовых старейшин— „мамасахлиси“ (груз. „მამასახლისი“, что значит „отец дома“). Академик Н. Я. Марр утверждает, что термин „эристави“ весьма древнего происхождения и раскрывает его историю следующим образом;

„eri, по грузински воспринимаемый лишь как „народ“, „войско“, „нация“, и т. п. на самом деле было названием определенного „класса“ (при анахронистическом перенесении на архаические, качественно иные организации названий позднейших (социальных форм—„сословий“) с присущей ему функцией производства, а не наследственных и иных правомочий, и главари этого класса в Грузии „er-is-tav-i“—„главы эра“, лишь впоследствии „князья“...

(Избр. соч.—том I, стр. 328).

Эта социальная верхушка нуждалась уже в особых органах подавления и управления. Она закладывает основы государственности. Выдвигается „мепе“ (груз. მეფე), именуемый пышным титулом „царь царей“. При нем имеется особый главный военачальник и судья. Вокруг него группируется привелегированная верхушка, эксплуатирующая рабов и обладающая рабами. Но еще существует масса свободного населения, только что выходящего из колыбели родового строя и не оторвавшегося от пуповины первобытно-коммунистического общества. Классовое устройство еще не преруило полного завершения, а потому нет еще законченного государства. Однако, Римские колонизаторы вынуждены считаться с „царем царей“—„мепе“ и один из них—Фарасман даже путешествует в Рим для установления личных связей с Римским правительством. Племена, населявшие нынешнюю Абхазию, в тот период отставали в своем развитии от иберов, но тем не менее их военачальники также входили в сношения с Римскими колонизаторами. Римский писатель Арриан (II век) перечисляет: „базилевс иниохов—Анхиал, базилевс лазов—Маллас, апсилов—Юлиан, авасгов—

Рисмаг“ и утверждает, что все они „получили власть“ от римского императора. Следовательно, римское правительство утверждало племенных военачальников—вождей своими наместниками, не вмешиваясь в их внутренние дела, но облагая данью. Однако, последняя выплачивалась неаккуратно. Об этом сожалеет Арриан и с великодержавным презрением добавляет: „бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их из страны“.. (цит. по книге Д. Гулия—стр. 263).

Однако, римляне не в силах были расширить пределы своего владычества на Кавказе и снаряжать карательные экспедиции.

Величественная римская империя, раздираемая внутренними противоречиями, порожденными глубоким кризисом всей рабовладельческой системы производства, подвергается в это время нашествиям германских и скифских племен. В середине III века скифы совершают набеги на черноморские римские колонии, в результате которой гибнет самая крупная из римских колоний на побережье нынешней Абхазии—Питиунт. Слабость римлян чувствуют и местные кавказские племена. Они тоже начинают вооруженную борьбу с римскими колонизаторами. В конце III века союз местных племен во главе с аланами снова подвергает опасности разгрома восстановленный было Питиунт.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Племенные союзы и их борьба с Византией.

Византийская колонизация.

Распад огромной Римской Империи, рабовладельческая основа которой была подорвана революцией рабов, проявлявшейся в особой модифицированной форме на протяжении многих столетий, привел в IV веке к разделению ее на две самостоятельные части—Западную и Восточную. Западная римская империя вскоре (в начале 5 века) окончательно пала и на ее развалинах начал складываться Западно-европейский феодализм. Восточная Римская империя, столицей которой сделался отстроенный в 330 г. на месте древне-греческой колонии Византии, город Константинополь, существовала еще более тысячи лет.

В Восточной Римской империи, называемой самими византийцами „Ромейской“, очень скоро римская культура уступила место греческой, которая была национальной культурой господствующей социальной верхушки насе-

ния. Византийская империя унаследовала почти все римские владения на Средиземноморье и берегах Черного моря. Моществу Византии способствовало дальнейшее развитие торговли. Столица обширной империи—Константинополь—была центром великих торговых путей.

Однако, на черноморском побережье Кавказа византийцам приходилось встречать уже упорное сопротивление со стороны местных племен. Для обеспечения береговой торговли византийцам необходимо было держать гарнизоны в реставрированном Питиунте и вновь построенной (очевидно тоже на развалинах римского укрепления) крепости Анакопия (вероятно нынешняя Псырцха). Византийцы стремились установить свой протекторат над местными племенами и обеспечить получение дани, пуская в ход всевозможные средства от оккупации отдельных районов и коррумпции племенных вождей до религиозной пропаганды.

Деятельность византийских миссионеров, развернувших широкую пропаганду христианской религии на Кавказском берегу Черноморья, укрепила политическое влияние Византии среди местного населения. Конечно, новая (христианская) религия воспринималась коренными жителями Кавказа через призму свойственных им древних религиозных представлений и сколько нибудь глубокие корни пустила только лишь среди правящей социальной верхушки. Наибольшего подъема пропаганда христианства достигла на территории Абхазии в VI веке, когда византийский император Юстиниан установил даже епископские кафедры в Питиунте и Анакопии (536 и 541 гг.). Епископы были в то время не только высшими чинами церкви, но и государственными представителями, игравшими роль политических советников.

Соперником Византийской империи на Кавказе и вообще на Ближнем Востоке была Персия. Борьба между Византией и Персией была естественным продолжением борьбы между Персией и Римом. Великий торговый путь на Восток пролегал как раз по долинам рек Риона и Куры. Закавказье, таким образом, было „яблоком раздора“ между двумя могущественными государствами.

Пользуясь упадком Римской империи, Персия в IV веке закрепляет захваченную ею Армению и устанавливает протекторат над восточной частью Иберии. Позднее вся Иберия попадает под власть Персии.

Для борьбы с Персией Византия подготавливает себе плацдарм на Черноморском побережье Кавказа. В эпоху

Юстиниана на берегу Черного моря византийцы строят сильную крепость Петра (точное местонахождение ее пока не установлено—или в районе Батума или Поты). Византийские колонизаторы втягивали в борьбу с Персией местные племена, укрепляя авторитет племенных вождей и двигая тех из них, кто был надежным союзником. Этим Византия способствовала возникновению эфемерных, непрочных племенных образований. Так в V веке на побережье Черного моря выдвинулись вожди лазов, один из которых Губаз становится главой обширного племенного объединения, называемого в византийских источниках „Лазикой“.

Акад. Марр указывает, что „Лазика обнимала не нынешний лишь Лазистан, а и восточное побережье Черного моря с нынешней Гурией, Мингрелией и даже Имеретией“. (Н. Я. Марр—„Крещение армян и т. д.“, З. В. О. Р. А. О., XVI, 166).

В состав Лазики входила и нынешняя Абхазия. Губаз сумел подчинить своему влиянию и племена абасков-авасгов. Византийский историк Прокопий Кесарийский (VI век) отмечает, что „авасги были издревле подчинены лазам, но всегда имели двух базилевсов из своих“... Очевидно, абаски-абхазы не очень охотно шли под власть лазских вождей из рода Губазов и последним приходилось не редко прибегать к суровым мерам административного воздействия для укрепления своего авторитета. Ярким свидетельством гегемонии лазов на побережье Черного моря, в том числе и Абхазии, служит старинная абхазская поговорка, приводимая Д. И. Гулия: „Между людьми нет хуже лаза, между птицами—сойки, между деревьями—вишни и между животными—осла“. Здесь находит выражение протест широких масс абхазских племен против владычества лазских военачальников, узурпировавших власть с помощью Византии. Характерно, что правители Лазики были из рода Губазов, а в Абхазии в Гудаутском районе и по сей день живет крестьянская фамилия Губаз. Последняя, очевидно получила свое наименование от родового названия этих древних властителей Абхазии—лазских военачальников в смысле „подвластные Губаза“—„губазовы“. Лазика была стратегическим плацдармом Византии в борьбе с Персией. За овладение Лазикой продолжались кровопролитные войны.

В конце V века в Иберии поднимается восстание под руководством Вахтанга Гургаслана, направленное против Персии. На короткое время Иберия становится независимой. Вахтанг Гургаслан распространяет свое влияние и на Абхазию, стремясь включить в свои владения всю тер-

риторию, называемую в древних грузинских памятниках — „Эгрис-и“.

Под этим термином в старину понималась почти вся территория Западного Закавказья.

„Теперь грузины мингрельцев видят лишь в обитателях нынешней Мингрелии, но из древних грузинских памятников видно, что грузинам было известно значительно более широкое значение термина „eger“. От этой основы произведено название „egr—is—i“, под которым понималась вся Западная Грузия, с включением нынешней Имеретии, Гурии, Имерхева и пр.“, (Н. Я. Марр — „Крещение и т. д.“, 169).

Однако, попытка Вахтанга Гургаслана не удалась. В 532 г. Персия уничтожает автономию иберских владетелей и окончательно превращает Иберию в свою провинцию, во главе которой становится персидский сатрап Марзнак.

Борьба абхазских племен с Византией.

Весь VI век был заполнен ожесточенной войной между Персией и Византией. Государство персидских царей из династии Сассанидов в первой половине VI века достигает наивысшего расцвета. Персидский царь Хозрой (Хозров) Ануширван (531—579), укрепив свой авторитет, как абсолютного монарха, внутри страны, со всей силой обрушился на Византию. С огромной армией он в 550 году вторгнулся в пределы Лазики. Вожди лазских племен изменили Византии. Один из военачальников Хозроя-Хориан двинулся с многотысячным отрядом из долины р. Риона на север, в нынешнюю Абхазию. Византийские гарнизоны, стоявшие на побережье Абхазии, отступили без боя, предварительно разрушив все укрепления Питиунта и других крепостей.

Хориан, удовлетворившись этим, вывел свой отряд из Абхазии. Однако через несколько месяцев один из персидских полководцев Набед вновь явился в Абхазию, заставив верхушку абхазских племен дать твердое обещание не помогать Византии. Для подкрепления верности этого обещания Набед уходя из Абхазии, взял с собой 60 заложников — детей „знатнейших мужей страны“.

В эти же годы упорной борьбы Персии и Византии из за Лазики происходят крупные события во внутренней жизни Абхазии.

К этому времени уровень хозяйственной деятельности населения стал уже значительно выше. На побережье

и в нагорных районах получило развитие плужное земледелие. Основной с. х. культурой было просо. Распространено было виноградарство и приусадебное плодоводство. Наряду с этим первенствующее значение все еще имело скотоводство, не потерявшее своего древнего „эйлажного“ характера. Окончательно укрепилось мелкое парцеллярное хозяйство, основанное на частной собственности, развитие которого, хотя и сочеталось еще с отдельными формами уже взорванного, но не уничтоженного окончательно родового строя. Экономическое расслоение и классовое неравенство достигло того уровня, на котором племенная знать (семьи военачальников и старейшин) не ограничивается эксплуатацией рабов, а все более стремится осуществить принуждения от попадающих в зависимость от них ранее свободных членов сельских общин. Внутри сельской общины, („ақәта“) на этой основе обостряются противоречия между экономически мощной и политически влиятельной, правящей верхушкой и остальной массой населения. Еще нет детализации в социальной структуре общества. Еще не видно сословной иерархии, свойственной развитому феодализму. Но уже на лицо резкое классовое деление на две основных группы: эксплуататоров и эксплуатируемых. Абхазские термины „ахәларҭу“ и „ахiәрҭә“ очень удачно передают эти понятия. „ахәларҭу“ от „ахә“—„голова и „арҭра“—„смотреть“ т.е. „главный“ и в то же время „смотрящий“—„наблюдающий“—„управляющий“ „ахiәрҭә“—объект „наблюдения“—„управления“, т.е. „управляемый“—„зависимый“.

В обстановке великих войн VI века, когда территория Западного Закавказья служила ареной опустошительных военных экспедиций то персидских сатрапов, то византийских полководцев положение трудящихся членов сельских общин ухудшалось параллельно укреплению классового господства выделявшихся из племенной верхушки „ахәларҭу“. Военный грабеж сделался обычным явлением. Военные вожди местных племен, участвуя в борьбе Персии с Византией, то на стороне одного, то другого противника, умножали свое богатство военной добычей. Береговая торговля, в особенности работорговля, также увеличившая доходы эксплуататорской верхушки, толкала в свою очередь к новым военным набегам.

Ясно, что масса мелких собственников, в подобной обстановке еще сильнее ощущала неизбежность своего закабаления, но тем более не могла спокойно мириться с этой перспективой. Несомненно, не раз трудящиеся члены сель-

ских общин активно сопротивлялись захватнической, узурпаторской политике эксплуататорской верхушки. Византийский историк Прокопий Кесарийский упоминает об одном значительном эпизоде этой начинавшейся классово-борьбы.

„Авасги (абаски-абхазы, А. Ф.) издревле были подчинены лазам, но всегда имели двух князей из своих. (Прокопий употребляет этот термин, но очевидно содержание его в этом случае почти равнозначно первоначальному понятию *basileusa*“, как племенного вождя—военноначальника, А. Ф.), из которых один управлял западной частью страны, а другой—восточной. Эти варвары даже до моего времени создавали почитание рощам и лесам по причине грубого невежества, считая деревья за богов. Вследствие корыстолюбия князей они страшно от них терпели. Князья торговали кастратами из детей поданных своих, сбывая их в Константинополь. Весьма многие евнухи в Империи (Византийской, А. Ф.) и даже во дворце императора были родом авасги. В царствование императора Юстиниана... они приняли христианскую веру... Юстиниан построил и храм богородицы у авасгов и назначил им епископа и священников, и сделал все, чтобы они изучали христианские обычаи. Уничтожив обоих князей, авасги начали жить свободно... (Прокопий—„Войны Готфские“, IV, гл. 9).

Конечно, апологет Византийской империи, ее официальной христианской религии и ее „цивилизаторского“ влияния, Прокопий Кесарийский проявил в этом отрывке: во-первых, свое великодержавно-презрительное отношение к „варварам“—авасгам, во-вторых, свое преклонение перед „благогосподствующей“ ролью христианской религии, распространение которой будто бы „облегчило“ положение авасгов. Если откинуть эту мишуру, вырисовывается истинная сущность описанных Прокопием событий. Возмущение основной массы трудящихся против эксплуататоров, захватчиков и работоторговцев достигло предела. Оно вылилось в мощное восстание мелких собственников, свободных и полусвободных, закончившееся свержением власти племенных военачальников.

„Авасги начали жить свободно“...

Но можно ли было повернуть обратно колесо истории? Можно ли было вернуться назад к идиллическим временам процветания родового строя, когда не было ни богатых,

ни бедных, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, не было господствующих и подчиненных?

Нет, невозможно. Сами восставшие мелкие собственники никогда не согласились бы в то время на уничтожение частной собственности, глубоко проникшей в недра общественной жизни. А совместить частную собственность с патриархальными порядками, с первобытным равенством, с бесклассовыми отношениями было невозможно.

Невозможно было и долго оставаться без военачальников, без военных вождей, в обстановке, которая окружала тогда Абхазию, озаренную заревом великих войн, Абхазию, у берегов которой крейсировали военные корабли византийских захватчиков. И потому через некоторое время, когда византийцы снова „старались подчинить страну эту и наложили на жителей некоторые новые подати, авасги... опасаясь, чтобы совершенно не сделаться рабами греков, опять поставили себе правителей из своих: Апсита—в восточной (части), а Скепарна—в западной“... (Прокопий, там же).

Новые правители начали „тайные сношения с персами. Когда узнал об этом Юстиниан—он приказал своему полководцу Бессу идти на них со значительным войском. Собрал много войска и назначив Улигага и Иоанна (начальниками) он послал их на кораблях против авасгов. Один из правителей авасгов, именно Скепарн, в то время был у персов, вызванный незадолго до того Хозроем, а другой, узнав о нашествии греков, собрал всех авасгов и решил их встретить“ (Прокопий, там же).

Захватническая политика византийских колонизаторов получала, следовательно, теперь солидный отпор со стороны местных племен. Борьба с Византией стимулировала обширные племенные союзы. Прокопий указывает прямо, что под знаменами Апсита собрались „все авасги“.

Почва для племенных союзов была уже подготовлена внутренним развитием местных общин. Эйлажное скотоводство, транзитная торговля, совместное участие в военно-политических комбинациях, то Византии, то Персии, уже значительно сплотило разрозненные этнические образования Западного Кавказа.

„Слияние родственных племен становится уже необходимостью“ (Энгельс). Становление абхазо—адыгейских племен становится реальным фактом.

Территория, населенная ими, представляла тогда „обширный район доходя на севере, по всем видимостям, до Анапы“ (Марр—Избр. соч., т. I, 75). Еще и сейчас заметна

тесная языковая связь абхазов и черкесов (адыге). Но в те времена эта связь была еще теснее, ибо сильнее чувствовалась общая „яфетическая“ основа. Племенные и географические названия говорят о том, что становление абхазо-адыгейских племен происходило на широкой территории по обе стороны Главного Кавказского хребта от Анапы до Эльбруса.

Именно в эту эпоху, в первые века нашей эры, очевидно, началось образование таких абхазо-адыгейских племен, как: садзы и абадзехи (с общей основой „adz“) бжедухи и абжюа („bz“), псху, ахчипсху и шапсуги („ps“), и т. д. которые впоследствии слились в два единых народа—абхазы (апсуа) и адыге—еще долго сохранявшие, однако, внутренние племенные различия. Таким образом, становление племен было результатом всего предшествующего социально-экономического развития. Борьба с Византией лишь способствовала созданию племенных союзов. Отряды византийских полководцев Улигага и Иоанна высадились на берегах Абхазии. Решающее сражение произошло у подножья горного отрога, вплотную подходящего к морю. Прокопий называет это место „Трахея“, т. е. узкий проход. Трудно сказать, где именно находилась эта „Трахея“. По описанию Прокопия местонахождение ее можно определить или у современных Гагр, или у Псырчи, или в устье р. Келасури. В упорном бою у „Трахеи“ абхазы были разбиты. Но при продвижении византийцев внутрь страны, им приходилось преодолевать сильное сопротивление. Все население защищалось против захватчиков. Прокопий достаточно ярко рисует картину жестокого избиения местного населения Византийской карательной экспедицией.

„Дома стоящие друг от друга не в дальнем расстоянии, представляли как будто укрепленную стену. Авасги, засевшие в домах, оборонялись всеми силами, сверху осыпая противника стрелами... Их положение стало ужасным, когда грекам пришла мысль зажечь дома (авасгов). Через это они получили полную победу. Апсит вместе со многими бежал... в Кавказские горы. Прочие или погибли в огне, или попали в руки врагов. Жен княжеских со всеми детьми захватили греки, и, сравнив стены укреплений с землей, далеко распространили опустошение“...

Методы византийской колонизации представляли, таким образом, сочетание коммерческого влияния и религиозной пропаганды с вооруженным захватом и насилиями

военных карательных экспедиций, опустошавших самые производительные нагорные районы страны. Разумеется, чем теснее об'единялись между собой местные племена, чем более росла экономическая и военно-политическая сила племенной знати, тем ярче развивалась идея о свержении иноземного гнета византийских колонизаторов.

Поражение освободительного движения в 50-х годах VI века не могло приостановить тенденцию к самоопределению, развитие которой было обусловлено могучими процессами внутреннего исторического развития абхазо-адыгейских племен. В начале VII века продолжают восстания против византийских колонизаторов.

В то же время снова разгорается пламя войны между Персией и Византией. Кроме того, к границам Византийских владений в Азии подходит новый враг, еще более страшный, чем Персия-арабы. В этой обстановке византийское правительство решает предоставить абхазским племенам автономию, для того, чтобы закрепить их за собой в качестве союзников. Около 620 г. византийский император утверждает одного из абхазских племенных вождей Леона (Левана) своим наместником („куропалатом“) и передает ему крепость Анакопию, представлявшую самый сильный военный форпост Византии на побережье Абхазии.

Леон (Леван), об'единивший, очевидно, под своей властью многие абхазо-адыгейские племена, действительно оказывает Византии помощь в борьбе с Персией.

В VII веке против Византии по всему фронту начинают наступление арабы. Союз арабских племен, сложившийся в торговых центрах Западной Аравии (Мекка), сценентированный об'единяющим влиянием религии Ислама, предпринял ряд крупнейших завоевательных походов. В 633 г. арабы начали движение вглубь иранского нагорья. В 650 г. они ликвидировали правление династии Сассанидов и окончательно завоевали Персию. Через 10 лет арабские авангарды выдвигаются на территорию Закавказья. Заняв Армению, они вторгаются в Иберию. Сломив сопротивление карталинских правителей Арчила и Мира, в 60-х годах VII века арабы захватывают Иберию, включая ее в состав так наз. „Ираншахра“—одну из частей могущественного государства арабов—„Халифата“. В Малой Азии и на границах Лазики арабы ведут упорную борьбу с Византией.

Верхушка картвельских племен, сопротивлявшаяся наступлению арабов, ориентировалась на Византию, ища союза с находившимися под ее влиянием племенами Западного Кавказа—лазами, абхазами—адыге, и т. д. Карталин-

ские правители Арчил и Мир нашли себе убежище в крепости Анакопия, находившейся теперь в руках абхазо-адыгейской племенной верхушки. Иммиграция картвелов из бывшей Иберии, захваченной арабами в VIII веке достигла значительных размеров, при чем картлы—иммигранты переселяясь в бассейн р. Рион, вклинивались между лазами и мегрелами. Подорвавшее могущество и авторитет Византии нашествие арабов еще более содействовало развитию тенденции к эмансипации местных племен Западного Кавказа. Среди них особо выдвигается племенное объединение абхазов-адыге, территория которого менее всего была подвергнута разрушительному влиянию византийско-арабской войны. В первой четверти VIII века абхазская племенная верхушка вновь пытается провозгласить независимость на всей территории, включающей и побережье, порвав всякие сношения с Византией. Правительство последней посылает в Абхазию карательную экспедицию под командованием Льва Исаврия. Но Лев Исаврий не решился собственными силами бороться с абхазами и отправился к соседним алланам (населявшим современную Осетию и окружающую территорию), чтобы натравить их на абхазов. Он подкупает вождей алланов за 3.000 золотых солидов. Но глава абхазского племенного союза (абх. „ah“), узнав об этом, обещает алланам вдвое больше—6.000 солидов, если они выдадут ему Льва Исаврия. Алланы согласились, но получив часть этой суммы и выдав Льва Исаврия, однако, вслед за этим напали на конвой, перебили абхазов и снова увели его к себе. Это вызвало сильное и кровопролитное столкновение между абхазами и алланами. Но во всяком случае карательные мероприятия Византии против абхазского племенного союза были сорваны и Лев Исаврий лишь впоследствии с большим трудом пробрался в Константинополь.

Для борьбы с арабами, постоянно совершавшими набеги на территорию современной Западной Грузии, а также для укрепления своего авторитета перед Византией, вожди абхазского племенного союза вступают в тесную связь с хазарами, создавшими в эту эпоху крупное племенное государство на Северном Кавказе.

Поддержка хазар еще более усиливала значение абхазского племенного союза.

Старой Иберии не существовало. Лазские племена были ослаблены войной с арабами и столкновениями с иммиграционным потоком картлов (картвелов). Становление абхазо—адыгейских племен в то время достигло того уровня,

когда развитие производительных сил, взрывающих родовой строй, вызывало уже необходимость более тесного объединения.

В 786 г. глава абхазского племенного союза Леон (Леван) Второй провозглашает себя „государем“ (абхаз. „aḥəntkar“ *) владетелем всей территории, находящейся под властью абхазских племен. Надо отметить, что местобитание племен и даже сами племенные образования в то время в точности не соответствовали современным категориям. Так например, целый ряд данных свидетельствует о том, что в старину существующего ныне резкого деления на ветви—абхазскую и адыгейскую не было. Многие географические названия в современной Абхазии имеют окончания „-pfi“: *gagrə—pfi*, *zvanqə—pfi*, *durə—pfi*, и т. д. В современном абхазском языке этот термин отсутствует, тогда как в современном адыгейском „pfi“ означает „князь“. Кроме того, в народном творчестве современных адыге (например, бжедухов) сохранились предания о том, что когда то они жили в пределах современной Абхазии, именно— в бассейне р. Бзыби.

Но так или иначе отдельные племена были тесно связаны между собой и территория, подвластная „aḥəntkar“ у Левану Второму была весьма значительных размеров.

Среди господствующей социальной верхушки („axəlar-şu“) уже формировались феодальные элементы — будущие князья и дворяне (абх. *aaməsta*“, адыг. „pfi“, и мегрельск. „jnoskua“). Они владели лучшими землями, захватывая общинные владения и участки разорившихся и обедневших мелких собственников. Они накапливали в процессе грабительских войн и путем эксплуатации рабов и зависимых все большие и большие богатства. Внеэкономическое принуждение стало обычным приемом в руках этой господствующей группы.

Но все это происходило в условиях все еще крайне примитивного способа производства, основанного на мелком парцелярном земледелии, „эйлажном“ скотоводстве и домашней промышленности.

Земледелец все еще взрыхлял отвоеванную от леса землю деревянной сохой-рогулей или даже мотыгой. Стада по-прежнему гонялись на летние пастбища в горы, где бродили под охраной вооруженных пастухов, которые, правда, теперь не столько стерегли их от диких зверей, сколько от двуногих хищников. Несложные предметы широкого пот-

*) от араб. „hükār“—повелитель, владыка.

ребления—шерстяные, льняные и хлопковые ткани, грубую глиняную и деревянную посуду изготовляли почти в каждой семье. Только больше стало рабов и еще больше зависимых, потерявших личную свободу членов сельских общин, труд которых обеспечивал получение прибавочного продукта господами-владельцами.

Жажда накопления, стремление к умножению собственности и удовлетворению растущих потребностей правящей верхушки наталкивалась на примитивность способа производства. Это противоречие, возникавшее из низкой производительности труда, разрешалась расширением сферы эксплуатации, т. е. новыми завоеваниями, захватами новых земель, новых пастбищ, новых тысяч голов скота и новых рабов и зависимых, которые облагались данью или обязывались трудовыми повинностями.

Вот что толкало на завоевательные походы. Не просто грабеж, а грабительские захваты с целью разрешения основного противоречия, порожденного неразвитыми, примитивными формами производства. Маркс подчеркивает, что „Есть традиционный взгляд, что будто-бы в известные периоды люди жили исключительно грабежом. Однако, чтобы было возможно грабить, должно быть налицо нечто для грабежа, стало быть производство“. („К критике полит. эконом.“, стр. 23)

Для главенствующей верхушки абхазского племенного союза сложилась к концу VIII века благоприятная обстановка для завоевательных походов.

Могущество Византии на берегах Кавказа было ослаблено. Внутренняя борьба подорвала систему арабского „Ираншахра“. Арабы уже с трудом подавляли активность армянских и картвельских феодализирующихся племенных образований. Но в то же время западно-картвельские племена были значительно слабее абхазского союза. В этой обстановке абхазский „аҭәнткаг“ Леван II., опираясь на группировавшийся вокруг него господствующий эксплуататорский слой, и пользуясь поддержкой обширного хазарского объединения, сумел совершить победоносный завоевательный поход на юг, захватив всю территорию Западного Закавказья до Сурамского хребта. Центром абхазского племенного союза становится сначала Южная Абхазия (Бедия), а затем и Кутаис. Леван II применяет новейшую военную технику, заимствуя технические достижения византийского строительного искусства. В его войсках имеются военные советники-византийцы. Византийские мастера строят башни

и укрепления. Эти завоевательные походы укрепляют господство выросшей социальной верхушки.

„Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. Грабительские войны укрепляют власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей: обычное избрание его преемников из одной и той-же семьи переходит мало по малу в наследственную власть, которая сперва терпится, затем требуется и, наконец, узурпируется; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней... Родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа... Родовое устройство отжило свой век. Оно было разрушено разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Его заменило государство“... (Энгельс — „Происхождение семьи“..., стр. 194 и 199).

На разрастающейся территории абхазского союза складываются новые общественные отношения. Роды и племена перемещались. Среди свободных жили рабы и зависимые. Выросли новые поселения. Появились новые рынки. Росло влияние христианского духовенства. Религия помогала господствующему слою цементировать новые объединения и освящала его могущество. Для господства на обширной территории в обстановке, наполненной обострявшимися классовыми противоречиями, обычное родовое право не давало необходимых средств.

Возникает необходимость в государстве. Оно — „продукт непримиримости классовых противоречий“ (Ленин), но оно же есть орудие господствующего класса эксплуататоров, орудие угнетения трудящихся.

Первым признаком государственной организации Энгельс считает „разделение подданных по территориальному признаку“ (стр. 200). После перенесения своей резиденции в Кутаис Леван II разделил всю завоеванную территорию

на несколько административных областей, поставив во главе каждой „эристава“ (груз. „ერისთავი“), которому предоставлены были все права внутреннего управления. Это уже не племенные вожди, это категория администраторов нового типа. Феодалные тенденции, зародившиеся давно и таившиеся в недрах племенных образований, выявляются теперь со всей резкостью.

Племенные образования сменяются государственными. Абхазский племенной союз сменяется абхазским государством.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

„Абхазо-картвельское“ государство.

Становление государства.

Внутреннее развитие абхазо-адыгейских племён обусловило разложение родового строя и следовательно создало возможности эксплуатации и угнетения. Предпосылки к образованию государства складывались давно. Завоевательные доходы абхазского племенного союза лишь ускорили его становление, ибо со всей очевидностью выявилась невозможность господства над обширной завоеванной территорией, разнородной и разноплеменной по составу населения, старыми методами основанными на обычном родовом праве.

Однако, носителям новой государственной власти приходилось преодолевать сопротивление, как внешних врагов, еще весьма могущественных, так и внутренних противников.

Энгельс отмечает, что если „государство возникает, как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий“, то это еще не означает окончательной ликвидации элементов родового строя.

„Но так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная борьба с прежним населением, ни более прогрессивное разделение труда; так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, а потому экономическая основа общества остается прежней, то родовой строй может дальше существовать в течении целых столетий в измененной, территориальной форме общинного устройства“... (Энгельс — „Происхождение семьи“, стр. 199-200).

Поэтому централизация государственной власти и установление новой администрации встречала нередко сопротивление со стороны отдельных представителей родовой

знати в особенности в завоеванных районах. Они провоцировали широкие народные массы против нового государства и поставленных им „эриставов“, прикрывая демогагическими рассуждениями о сохранении родового права свои истинные намерения, смысл которых заключался в нежелании делить получаемый прибавочный продукт с победившими завоевателями — носителями государственной власти.

В этом свете становится совершенно ясным характер ожесточенной борьбы, в пламени которой рождалось государство абхазских завоевателей.

Преемнику Левана Второго—Феодосию I, возглавлявшему новое государство в первую половину IX века, приходится дважды (в 841 г. и 843 г.) отражать византийские десанты, стремившиеся вновь захватить черноморское побережье Кавказа. Феодосий I успешно справляется с этими рецидивами византийского захватничества и для подкрепления окончательного самоопределения нового абхазского государства от византийского влияния провозглашает автокефалию христианской абхазской церкви, т. е. самостоятельность ее и независимость ее от Константинопольского патриарха.

Но гораздо серьезнее был другой внешний враг—арабы. Феодосию I приходится неоднократно воевать с арабским эмиром, имевшем резиденцию в Тифлисе.

В 40-х годах IX века могущество арабов было подорвано мятежом тифлисского эмира Исхаака против Халифата. Пользуясь этим, на территории современной Грузии стали оформляться независимые племенные образования — Карталиния, Кахетия и др., внутри которых интенсивно развивались феодальные тенденции. Политическая зависимость от арабов прекращалась одновременно с отказом уплачивать дань и содержать арабских администраторов.

Однако, халиф Мутевакиль не желал терять свои владения в Закавказье и послал против мятежного Тифлисского эмира и отложившихся картвельских объединений сильную карательную экспедицию под начальством Буга.

Последний, быстро сломив сопротивление непокорных армянских и карталинских владетелей, опустошая все на своем пути, подошел к Тифлису, взял его штурмом и сжег, а эмира Исхаака убил.

Феодосий I двинулся было против Буга, но потерпев ряд поражений у подножья Сурамского хребта, отступил вглубь страны. Преемник Феодосия I — Георгий стремится укрепить государственную власть внутри страны. Он строит укрепления, сторожевые башни, храмы и монастыри, кото-

рые в свою очередь были и военными форпостами, и торговыми пунктами. Именно к этой эпохе относится начало постройки многих памятников разбросанных и теперь в виде руин по Очемчирскому и Гальскому районам АССР Абхазии и в Мегрелии. Большинство этих памятников содержат определенное влияние византийского стиля. По этому поводу старики-абхазцы рассказывают, что эти башни „строил „aps-lla“ („абхазский властитель“ — „абхазский царь“), но руками греков. Возможно предположить, что абхазские государи действительно привлекли к постройке этих сооружений византийских специалистов строительного искусства, захваченных в плен или даже особо приглашенных. Завоевательные тенденции правящей и господствующей верхушки Абхазского государства наталкивались прежде всего на противодействие феодализирующихся элементов картвельских племен. Последние также в свою очередь проявляли завоевательные тенденции. Так, например, социальная верхушка Кларджетии (в бассейне р. Чороха), тесно связанная с византийским торговым капиталом, захватила в IX веке Месхетию (в южных районах нынешней Грузии). Абхазские государи в течение IX-X веков направляют свои удары против Карталинии и Кахетии. Один из них Георгий во второй половине IX века захватывает резиденцию карталинских владетелей крепость Уплис-Цихе (близь нынешнего города Гори), объявляет Карталинию своим владением и назначает над ней наместника носящего титул „эристава эриставов“. Однако, карталинская племенная знать оказывает упорное сопротивление и последующим абхазским государям — Константину и Георгию II снова приходится утверждать свою власть над Карталинией силой оружия.

Только в первой половине X века Карталиния и Кахетия более или менее прочно включаются в пределы абхазского государства.

В результате этой обостренной внутри-кавказской борьбы и завоевательных походов растет дифференциация в среде господствующего класса.

Из категории „axlapşy“ уже выделились более крупные собственники „atawad“ (от груз. „tavadi“) и менее значительные „aaməsta“. И те, и другие эксплуатировали попадавших в зависимость и завоеванных мелких производителей и рабов, но в то время, как первые сопротивлялись централизации государственной власти, вторые видели в единовластии государя сдерживающее начало против произвола крупных собственников. Значительное влияние приобрела церковь, высшие представители которой (епископы) были

сами крупными собственниками, умножая свое богатство путем торговли и эксплуатации широких народных масс. Поэтому церковная верхушка впоследствии также оказывает противодействие единовластную государей. Зато торговые элементы, купцы, выделившиеся в процессе развития развернутого товарообмена между различными районами обширного по размерам государства, а также на основе роста транзитной торговли (Византия — арабы), были защитниками абсолютистской тенденции, ибо в сильной центральной власти, ограничивающей произвол „эриставов“, они видели залог процветания торговли.

В конце X века происходит об'единение Абхазского государства с наиболее крупным картвельским образованием феодального типа — Тао-Кларджетией. Правитель последней Давид утверждает своим наследником племянника абхазского государя — Баграта, сделавшегося, таким образом, главой огромного государственного об'единения.

Баграта, называемый по счету „третьим“, сильно укрепил государственный аппарат, организовал наемные вооруженные отряды, т. е. регулярную армию, и опираясь на мелкое дворянство, преимущественно абхазское и тао-кларджетское, сокрушил сопротивление крупных феодальных собственников дважды пытавшихся поднять мятеж в Карталинии (восстание Казтара Тбелина и Рати Орбелиани). В 1010 г. Баграта III завоевывает Кахетию, обойдя Тифлис, в котором все еще сидел арабский эмир.

Баграта III в начале XI века предпринимает ряд завоевательных походов на Восток, в союзе с армянским царем Хачиком, разрушая Гянджу и Шамхор, находившиеся во власти арабских эмиров. Признав могущество Баграта III византийский император дает ему титул куропалата. Это уже совершенно новое образование феодального типа, правда со своеобразной структурой феодализма, обусловленной конкретными историческими фактами — тем, что это государство вырастает в обстановке развивающейся транзитной торговли и в результате союзного об'единения социальных верхов разных племенных образований.

Со времени Баграта III правители этого государства уже именуют себя пышным титулом „царя абхазов, картлов, кахов, лаков, армян и т. д.“, т. е. присваивают себе титулы бывших правителей всех влившихся союзных и завоеванных племенных коллективов.

Границы этого союзного государства ширятся, но развитие его все еще протекает в обстановке жестокой борьбы

государей — „царей“ с местной знатью, светскими и духовными феодалами.

Приемнику Баграта III — Георгию III приходится снова подавлять феодальные элементы, действовавшие в центробежном направлении, в Кахетии. Одновременно, возникает необходимость обороны от византийской агрессии (1021 г.).

Но мощь этого государства уже не под силу сломить не запутавшейся в противоречиях Византии, не ослабевшим арабам. Еще Георгий III завоевывает Армению, а сын его Баграт IV в 1042 г. занимает Тифлис. Однако, этот же Баграт IV под напором феодальной знати вынужден отречься от престола.

Но централизация государственной власти достигает высшего предела в эпоху царя Давида. Последний располагает 50.000-ной наемной армией и развитым государственным аппаратом. Он осуществляет реформу церковного управления, отстраняя крупных духовных феодалов и заменяя их по существу покорными центральной власти чиновниками в рясах. Давид доводит границы своего государства до Дербента на востоке и персидского Азербейджана и Армении (включительно) на юге. Столица этого государства, включавшего теперь все черноморское побережье Кавказа и весь Южный Кавказ и побережье Каспийского моря, переносится в окончательно отвоеванный от арабов Тифлис — крупнейший центр транзитной торговли.

Падении гегемонии абхазских элементов и децентрализация государства

В процессе становления союзного „Абхазо-Картвельского“ государства господствующий социальный слой абхазских племен играл первенствующую роль. Даже о царице Тамаре, эпоха правления которой (1184—1212 г.) была эпохой самого блестящего расцвета внешнего военно—политического могущества нового государства с соответствующим ростом хозяйственно-политического значения долины р. Куры и Тифлиса, даже о Тамаре акад. Н. Я. Марр отзывывается следующим образом:

„Тамара XII-XIII века — царица не одних грузин, не грузин „вообще“, а определенных социальных слоев органически выросшей в процессе длительной жестокой борьбы союзной формации кавказских народов, начиная в первую голову с абхазов и затем грузин и отнюдь не исключая народов Северного Кавказа, в том числе и аваров“... (Н. Я. Марр — „В тупике ли история материальной культуры“, стр. 18).

Конечно, в строительстве нового союзного государства господствующая верхушка феодализирующихся картвельских племен, в частности—картлов, кахов, и др. играла не малое значение и с боем сопротивлялась абхазской гегемонии. Особенно значительна была роль племенной верхушки Тао-Кларджетии, с X века объединившей свои завоевательные тенденции с абхазской агрессией, что выразилось в утверждении союзным государем Баграта III.

Однако, еще и Тамара в XII—XIII веке именуется себя „царицей абхазов, картлов, кахов, армян и т. д.“, причем акад. Н. Я. Марр отмечает, что „абхазы оказывались на первом месте отнюдь не только в титулатуре Тамары“ (там же, стр. 20) т.е. абхазская знать имела еще большой удельный вес в государственной структуре царства Тамары.

И тем не менее по мере расцвета начатого абхазской социальной верхушкой государственного строительства, по мере роста обширной завоеванной территории, по мере усложнения хозяйственной основы и детализации классового расчленения общества, гегемония абхазских племен начинает падать. И дело здесь не в том, что абхазы количественно уступают прочим племенным группам в общей 5—миллионной массе населения „Абхазо-Картвельского“ государства эпохи Давида и Тамары. Основной причиной является то, что экономическими центрами нового союзного государства все более и более становятся этапные узловые пункты на великом торговом пути Южного Кавказа, который начинаясь на побережье Черного моря, пролегал по долине р. Риона и р. Куры, разветвляясь в Тифлисе в восточном (Гянджа-Баку-Дербент) и южном (Армения) направлениях.

Именно здесь в долинах Риона и Куры, складываются экономически передовые и мощные районы нового государства. Здесь процветает торговля. Здесь вырастают крупные города (Кутаис, Тифлис). Здесь земледелие преобладает над скотоводством. Здесь растут крупные феодальные поместья „тавадов“. Здесь торчат кресты остроконечных башен наиболее широко известных монастырей (Гелати, Мцхети) Эти районы заселены трудящейся массой картвельских племен, но имеют древнюю культурную основу. Здесь на пороге нашей эры и в первые века н. эры существовала древняя Иберия. Здесь перекрещивалось персидское и античное, позднее—арабское и византийское влияния.

Абхазская племенная знать не располагала необходимыми средствами для господства в этих обширных, хозяйственно более передовых, районах. Но она не сразу отка-

зывается от гегемонии. Она, завоеывая хозяйственно освоенные территории вместе с населяющими ее картвельскими племенами, стремится обеспечить свое господство воспринятыми у последних идеологическими данными. Это противоречие между социально-экономической основой завоевателей и завоеванных разрешается и сторону последних. Официальным языком нового союзного государства становится картвельский (грузинский). Конечно, здесь оказала большое влияние и роль союзников—западно-картвельских феодальных элементов (Таб-Кларджетия).

Язык—важнейшее орудие политики. Абхазский язык того времени не был достаточным для государственного господства. Языком союзной абхазо-картвельской социальной верхушки стал новый картвельский язык. Это подтверждает сама история абхазского языка. Целый ряд терминов социально—юридического порядка как раз в эпоху становления „Абхазо-Картвельского“ государства, сделался общим для абхазского и картвельского языков. Таковы, например: „atacad“—„князь“—(груз. „tavadi“), „akalaki“—„город“ (груз. „kalaki“), „aual“—„долг“, „обязанность“ (груз. „vali“), „agalvan“—„ограда“ (груз. „galavani“, „akaba“—„бешмет“ (груз. „kaba“), „atag“—„крест“—(груз. „tvari“). „asaxa“—„портрет“ (груз. „saxe“), „abaqaurja“—особый административно-полицейский институт при владетеле для сбора дани, податей, и т. д. (груз. „boqauri“), „rxanglour“—специфическое выражение, обозначающее принадлежность к одной и той же социальной группе, напр. крестьян, дворян и т. д. (видоизмененное груз. „amxapago“—„товарищ“). Самый абхазский термин „государства“ заимствуется от арабского „hünkâr“.

Но этот официальный язык нового союзного государства не был древним иберским языком. Социально-экономический переворот—„скачок от мелких этносов—родов в своеобразный уклад феодального общества“ (Март)—вызвал соответственно и небывалый культурный сдвиг, что отразилось прежде всего в языке.

„Но творческие силы самого сдвига, это выдвижение социально новых слоев в борьбе местных краевых культур с великодержавными, объединение различных национальных образований Кавказа-абхазов, сев. горцев, армян и курдов, независимо от вероисповедования, в одном хозяйственном строительстве, носящем лишь кличку национальную, на этот раз грузинскую“... (Н. Я. Март — „Грузинский язык“, Б. С. Э., 19,611).

Этот новый язык формируется в процессе жестокой борьбы за централизацию государства, борьбы организованной в государство массы феодалов с племенной знатью и „князьями церкви“. Эта борьба заканчивается „феодализацией и классовой национализацией церкви“ (Март), что находит свое отражение в выделении новой письменности, новой литературы.

„Выработалось рядом с христианским письмом церковным, по грузински „хуцур“, т.е. священническим, другое феодальное, по грузински „мхедрул“, т.е. всадническое, рыцарское, по технической природе наименования груз. феодальной знати $m-xec-ag$. Они уже социальный военный класс рыцарей—мхедаров вносят с собой в литературу и ее язык традиции лишь в язычестве процветавшего эпоса. Возникает средневековая литература, в которой впервые письменно выступает и оформляется народный язык (грузинский, А. Ф)...“ (Март, там же).

Официальное господство этого нового языка, выражаемого новой письменностью — „мхедрули“, подтверждается памятниками материальной культуры, сохранившимися в самой Абхазии. Так, например, в христианском храме в сел. Лыхны, построенном не позднее XI века, имеется фресковая надпись, относящаяся к 1066 г. (царствование Баграта IV), написанная алфавитом „мхедрули“.

В XII веке все еще продолжалась борьба с крупными феодалами—носителями идеи децентрализации государственной власти. В 1170 году царю Георгию III приходится с большим трудом подавлять карталинских феодалов во главе с Иваном Орбелиани, который занимал видную государственную должность, соответствующую понятию военного министра. Подавив восстание, Георгий III, однако, вынужден сделать ряд уступок церковным кругам, согласившись на утверждение католикоса Микеля (католикос—высший церковный чин) первым министром своего государства.

Царица Тамара пыталась было сместить Микеля, но потерпела поражение. При поддержке Микеля, большинство государственных должностей в центральных учреждениях было занято карталинскими феодалами. Это завершало падение роли абхазских и западно-картвельских и элментов в системе центрального управления „Абхазо-Картвельского“ государства. Большое значение имела здесь также актив-

ность представителей торгового класса, группировавшихся в Тифлисе и связанных с восточно-картвельским дворянством.

Конечно, и в эпоху Тамары и после нее эпигоны абхазских завоевателей еще держались в Тифлисе, занимая высшие должности в государстве, но последнее все более принимало характер картвельского (грузинского) образования.

Наоборот, собственно Абхазия из центрального в политическом смысле района, каким она была в период завоевательных походов Левана II и даже отчасти Баграта III, все более превращалась в окраину огромного феодального государства.

Около 1125 года царь Давид утвердил эриставом Абхазии (в этнографических ее границах) одного тавада из фамилии Шервашидзе (Чачба), который являлся по существу типичным владельцем феодального типа. Внутри Абхазии окончательно торжествует победу феодальная собственность.

Процесс феодализации Абхазии стимулируется общим хозяйственно-политическим кризисом „Абхазо-Картвельского“ государства и распадом его на отдельные единицы. Кризис этот был вызван разгромом Византии бандами западно-европейских феодалов — „крестоносцев“, нашествием монголов, и упадком транзитной торговли. В 1231-32 г. монголы разрушают Тифлис и оккупируют почти всю территорию Грузии.

В эту эпоху, в XIII веке, эристав Абхазии Датаго Шервашидзе (Чачба) добивается потомственных прав на Абхазию, а в XIV веке наследники его провозглашают отделение от Тифлиса и этим заявляют о своей независимости. Эта независимость оформляется юридически в XV веке, когда бывшее „Абхазо-Картвельское“ государство под влиянием затяжного кризиса окончательно распадается на три крупных части: Кахетию, Карталинию и Имеретию, при чем грузийские и мегрельские эриставы, по примеру Шервашидзе, отказались признать власть имеретинского царя.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эпоха развитого феодализма.

Экономика абхазского феодализма.

К XIII веку на большей части территории Абхазии сложились феодальные отношения.

В основе феодализма лежит особый феодальный способ производства. Характерными признаками его являются: господство натурального хозяйства, наделение непосредственного производителя необходимыми средствами производства, отношения личной зависимости, как выражение особой формы присвоения прибавочного продукта путем внеэкономического принуждения. Для феодальной экономики весьма характерно сочетание крупного землевладения с мелким производством. Мелкое раздробленное земледелие, соединенное с домашней промышленностью, составляет экономический базис феодализма.

Одним из условий и в то-же время следствием подобной формы хозяйства было „крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой“. (См. Ленин—том III, стр. 139—141).

Феодальный способ производства не обязательно отражает однородные производственные отношения. В качестве укладов в хозяйстве эпохи феодализма могут существовать старый патриархально—общинный уклад, рабовладельческий, а позднее—уклад товарного хозяйства. Процесс образования феодальной собственности, подготовленный всем предыдущим периодом разложения родового строя у абхазских племён, особенно усилился в эпоху завоевательных походов, в эпоху создания союзного „абхазо—картвельского“ государства.

Развитие социального неравенства внутри сельских общин („aketa“), выделение „axelapsu“ и „axiərsə“, раздача завоеванных территорий в условное владение „эриставам“ затем утверждение наследственных прав „эриставов“, развитие вассальных отношений—личной зависимости мелких „aaməsta“ от более крупных „atauad“, а последних от „эриставов“—владельцев („ah“), все это звенья одного общего процесса. Но отношения личной зависимости устанавливались не только сверху, но и с низу. В обстановке беспрепятственных грабительских войн, развивающейся работоторговли

и межплеменной вражды, самостоятельный мелкий собственник сам был вынужден становиться на путь личной зависимости, передавая себя и свою собственность в руки более мощной фамилии.

Зачастую бывало, что целые селения—сельские общины отдавали себя во владение той или иной феодальной фамилии.

Так например, сел. Блабурхва, Гудаутского района, по рассказам стариков, долгое время бывшее свободной, передала затем себя под власть дворянскому роду Блабаа.

Точно также и крестьяне сел. Отхара принуждены были отдаться под власть князей (тавадов) Чачба, пригласив одного из них на „княжение“ в Отхара. В Кодорском районе, в сел. Атара старики Квициния рассказывают, что их деды жили раньше за Гаграми, в местности Хакуцфра, где они были свободными, но, переселившись в Атара и подвергнувшись систематическим набегам и нападениям, попали в зависимость от абжуйских (Кодорских) Чачба.

Так развивался процесс превращения свободных сельских общин в зависимые владения—процесс не мирной эволюции, но записанный железом и кровью в истории абхазского народа.

В конце концов прибрежная полоса Абхазии была поделена между феодалами. Тот или иной князь—„тавад“ и „аамыста“—дворянин стал возглавлять зависимую от него общину.

О новых взаимоотношениях общин с феодалами интересно говорят адаты адыгейских племен (одинаковые по существу с абхазскими), собранные русскими администраторами в начале XIX века:

— „п. II. Жители селений, кои находятся под покровительством князя, признают над собой его власть: он почитается владельцем селений и земель им принадлежащих, обязан оные оберегать и защищать; тот-же аул (селение), в котором живет сам, князь считает своей собственностью, хотя и не имеет права распоряжаться со всеми жителями оного по своему произволу“... (Адаты кавказских горцев, т. I, Одесса 1882 г.).

Здесь бросаются в глаза осторожные и смягченные формулировки: „как бы своей собственностью“ и „не имеет права со всеми распоряжаться произвольно“. Объясняется это тем, что русских властей удивляла разница и отличие феодальных отношений у абхазо-адыгейцев от крепостнических отношений русской деревни. Отличие это и при-

чина его будет ясна из следующей характеристики феодальной системы в Абхазии.

Абхазскому феодалу — „таваду“ или „аамыста“ в условиях слабо развитой техники и невозможности непосредственно вести крупное сельское хозяйство, совершенно незачем было отнимать землю, находящуюся в единоличном пользовании крестьян, или в совместном пользовании всех членов сельской общины — акыта.

Энгельс указывал, что

— В средние века источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, а наоборот его прикрепление к земле. Крестьянин сохранял свою землю, но... был принужден нести в пользу господина повинность трудом или натурой... (Энгельс — „Положение рабочего класса в Англии“. ГИЗ, 1928 г. стр. 49).

Феодалу было гораздо выгоднее оставить землю в пользовании крестьян и сельских общин, и путем внезапного принуждения (личная зависимость) взимать натуральные повинности, увеличивая этим свое богатство и силу. Таким образом, феодальная земельная собственность в Абхазии была „лишь следствием собственности определенных лиц (тавадов и аамыста А. Ф.) на личность непосредственных производителей (крестьян)...“ (Маркс — „Капитал“, III ч. 2 с. 174).

— „Мои люди — значит моя земля“, — так рассуждал тавад. Подобный характер аграрной системы феодального хозяйства имелся не только в Абхазии. Еще Маркс говорил, что в Западной Европе:

— „Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялась не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа ленно зависимых крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство“ (Маркс — „Капитал“, т. I, стр. 575).

Поместье абхазского тавада или аамыста само по себе было невелико, оно мало отличалось от зажиточного крестьянского двора, но вокруг него были десятки хозяйств, обязанных натуральными повинностями, лично зависимых крестьян. Пример: поместье (ahtənra) тавада Маршания в сел. Джгерды не превышало по размерам полей и садов хозяйства некоторых крестьян из фамилии Ашуба, а поместье аамыста Цыба было даже меньше последних.

В сочетании крупного княжеско-дворянского владения с мелким раздробленным хозяйством и заключается харак-

терная черта и сила феодала. Раньше всего феодальные отношения сложились окончательно в береговой и нагорной полосе Абхазии, где был выше уровень экономической жизни, где больше сказывалось разлагающее патриархальные отношения влияние береговой торговли, где наибольшее значение получило земледелие. В горных районах: Псху, Ахчипсху и пр. еще продолжал господствовать уклад патриархально-родового хозяйства, основанный на коллективной собственности, с соответствующим сохранением института родового права. Даже в XVIII веке феодальные отношения существовали там лишь в зачаточном состоянии.

Наоборот, в береговых нагорных районах к XIII веку в Абхазии вся территория была поделена между феодальными собственниками, которые „хитростью, обещаниями, угрозой, силой подчинили своей власти.. крестьян и крестьянские земли“.. (Энгельс).

Весь смысл приобретения права владения крупными территориями заключался для феодала, разумеется, в стремлении получить возможно большее количество прибавочного продукта.

Этого он достигал путем внеэкономического принуждения на основе своей политической и военной силы.

Каковы же были формы и методы этого внеэкономического принуждения?

Обычно сейчас у защитников „самобытности“ абхазской истории главным козырем служит положение: „в Абхазии не было крепостной зависимости, не было крепостного права, значит (!) абхазский крестьянин был свободным“. „Теория“ о „свободном“ крестьянине не нова в исторической науке. Ряд буржуазных русских историков (Ключевский, Петрушевский, Беляев и др.) давно еще настаивали на том, что крестьяне феодальной до-московской Руси были свободны.

Русские историки—марксисты (Покровский и др.) дали прекрасную отповедь этим фальшивым утверждениям на основе диалектического анализа исторических фактов которые полностью опровергают эту „теорию“.

В феодальной Абхазии XIII—XV века не было широко распространено крепостное право в его „чистой“ форме—такое, какое привыкли видеть в России XVIII века.

Но делать отсюда вывод, что „абхазский крестьянин был свободен“—это значит механически, а не диалектически подходить к анализу исторического процесса.

Маркс говорил что для того, чтобы феодал мог выжать прибавочный продукт внеэкономическим принуждением, ему были:

— „необходимы отношения личной зависимости, личная не свобода, в какой-бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней“.. (Маркс—„Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 326),

Почему-же в Абхазии закрепощение крестьян, как массовое явление, не было заметно в эпоху раннего феодализма?

Во первых оттого. что абхазские феодалы имели мало экономической выгоды в этом, в силу обширности свободных земельных пространств и слабости с. х. техники. Феодальную Абхазию в этом случае можно легко сравнить с Россией XIII века и воспользоваться характеристикой М. Н. Покровского в отношении русских крестьян той эпохи:

— „Что касается самих крестьян, то их нельзя в это время назвать крепостными. Крестьянской крепости 600 лет назад в России быть не могло просто потому, что никаких „крепостных“, прочных отношений в деревне не было... Земли было вдоволь. Земледельцы передвигались среди необозримых лесов, вырубали участки, сжигали их, устраивали там пашни... Господствующему классу не было никакой выгоды закреплять это население к какому нибудь одному месту“. (Покровский—Русская история в сжатом очерке, стр. 38).

Кроме того, и факты грузинской истории говорят о том, что прикрепление крестьян к земле широко распространилось в Грузии лишь в XVIII веке (при карталинском царе Ростоме).

Во вторых, в систему абхазского феодализма крепко вжились элементы родового строя, тормозившие тенденцию феодалов к закрепощению крестьян.

Формы внеэкономического принуждения и способы присвоения прибавочного продукта применялись феодалами разнообразные. Маркс указывал на три характерных формы докапиталистической ренты, которые соответствуют основным этапам развития феодального способа производства.

Раннему периоду феодализма соответствует так наз. „отработочная рента“, когда „непосредственный производитель часть недели обрабатывает фактически принадлежащую ему землю при помощи орудий труда (плуг, скот и т. д.), фактически и юридически принадлежащих ему-же, а остальные дни недели работает в имени землевладельца, на земле владельца, даром“.. (Маркс—„Капитал“, III, 2, 569).

Отработочная рента наиболее яркая форма внеэкономического принуждения.

Периоду утверждения феодального способа производства соответствует „рента продуктами“, которая предполагает „более высокую степень развития... общества“.. „Рента продуктами, в которых воплощается прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с формой отработочной ренты, больший простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому“.. (Маркс—там-же, стр. 573).

Наконец, периоду разложения феодализма, когда начинают господствовать вместо натуральных товарно-денежные отношения, соответствует „денежная рента“, возникающая „из простой метаморфозы ренты в продуктах, которая в свою очередь были лишь превращенной отработочной рентой“.. (там-же, стр. 574).

В конкретной обстановке феодальной Абхазии мы можем обнаружить преимущественно две первых формы ренты. Последняя—денежная рента приобретает значение в Абхазии лишь в конце XVIII и в начале XIX века.

В первый период развития феодализма в Абхазии ведущее значение имела отработочная рента, хотя это не исключало и существования ренты продуктами. Несмотря на крайне пестрый состав массы непосредственных производителей, центр тяжести эксплуатации в первый период развития феодализма лежал на категориях „агә“ (рабы) и „ахиуә“ (крепостные), которые представляли объект наиболее оголенного, обнаженного от всяких прикрас, внеэкономического принуждения. Это, конечно, вовсе не означает, что и другие категории крестьян „апхауә“, не подвергались эксплуатации. Но эти категории отдавали свой прибавочный продукт преимущественно в форме ренты продуктами, что кроме того маскировалось, использованием феодалами всевозможных патриархальных обычаев для целей эксплуатации,

Внутри Абхазии рабский труд не создал особого способа производства, как это было, например, в античных странах.

Но это явление, характерное вообще для восточных стран, указывал и Энгельс говоря, что

— „домашнее рабство на Востоке не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи“.
(Энгельс—„Диалектика природы“. ГИЗ 1930г. стр. 60).

В Абхазии рабство носило именно „домашний“ характер. Рабы использовались, как прислуга при доме, добавочная рабочая сила в хозяйстве.

Но с развитием феодальных отношений было гораздо выгоднее посадить раба на землю. И вот „благоприобретенный“ (ахаҭала) путем захвата в плен или покупки и подарка раб зачастую сажался на землю. Владелец „разрешал“ ему обзавестись семьей, „дарил“ ему постель, медный котел для очага (как символ „семейного счастья“), корову и наделял его земельным участком.

Раб и его семья теряла рабское положение и переходила в разряд „ахиуэ“, которые были уже по существу крепостными крестьянами.

Такой крестьянин был обязан:

1. 3 дня в неделю работать с семьей и своим инвентарем у владельца.

2. Выполнять по приказу владельца все домашние работы (отсюда и происхождение термина „ахиуэ“, что значит „приготавливающий пищу“.)

3. Делать приношения с урожая и по праздникам.

4. Уплачивать натуральный сбор при выходе замуж девушки.

5. Резать и содержать скот владельца.

Таким образом, личная зависимость этих крестьян—полурабов, прикрепленных к земле, была настолько велика, что по существу не отличалась от типичной крепостной зависимости. „ахиуэ“ могли владеть не только князья и дворяне, но и „чистые“ крестьяне.

По сведениям Сухумской сословно-поземельной комиссии, в XIX веке лишь 50 проц. всех „ахиуэ“ владели князья и дворяне, а остальными—„анхауэ“, но так или иначе этот закрепощенный посаженный на землю раб должен был отдавать свой прибавочный продукт и находился в положении эксплуатируемого и бесправного человека.

Правда, он мог откупиться от трудовых повинностей, заплатив до 300 р. выкупа, но эти случаи в период до XIX века были весьма редки. Не все рабы прикреплялись к земле, часть их оставалась на положении дворовой прислуги, которую использовали до поры до времени или продавали, дарили и пр.

При чем интересно отметить, что в то время, как князья и дворяне стремились превратить рабов в крепостных крестьян, сажая их на землю, „чистые“ крестьяне („анхауэ“) использовали их по прежнему на принципах домашнего

рабства. Поэтому и оказалось, что к XIX веку князья и дворяне имели лишь около 25 проц. всех рабов, а остальные были в руках „анхаю“.

Но по мере развития феодализма личная зависимость все шире и шире распространялась и на другие категории непосредственных производителей. В сферу феодальной эксплуатации включались все более значительные кадры крестьян („апхауэ“). Понятие „апхауэскia“ (буквально „чистый“, т. е. независимый крестьянин) в эпоху развитого феодализма окончательно потеряло свое первоначальное значение.

Однако, „апхауэ“ представляли многочисленную группу населения. Они обычно объявляются свободными защитниками абхазской „самобытности“.

Подтверждением этого приводят иногда близорукие „анализы“ русских чиновников, которые писали, что

„анхаю не было сословие зависимое, а ставшее добровольно в обязательном отношении, вследствие необходимости иметь какую-либо защиту“... (Сборник сведений о кавказских горцах, т. VI, стр. 1972).

В этом анализе верноподанных „исследователей“ поражает безграмотная противоречивость определения.

Ведь именно потому, что „анхаю“ были **обязаны** определенными повинностями, они и были, следовательно **зависимыми**.

Правда, следует отметить один момент, имеющий чрезвычайную важность для анализа положения крестьян данной группы, а именно то, что отношения их с феодалами были скрыты нередко под оболочкой патриархально родовых отношений.

Эти патриархально-родовые отношения служили для абхазского феодала также своеобразной формой внеэкономического принуждения. Еще и сейчас некоторые, старики потомки „чистых“ крестьян („апхауэскia“), стремясь доказать „чистоту“ своей фамилии, говорят, что князья и дворяне только „помогали“ им, защищая их от набегов и пр. и что приношения и службы крестьян были „добровольными“.

Разоблачение этой фальши не требует особого труда, если посмотреть на многочисленные примеры использования абхазскими феодалами особых патриархальных обычаев, основанных на родовом праве. „азага“, когда тавад или аамыста отдавал сына на воспитание крестьянской фамилии, которая становилась „родственной“ ему, т. е. фактически зависимой от него.

„Усыновление“ („ахурһара“), когда посредством торжественной церемонии целования женской группы князь или дворянин становился родственником данной фамилии.

„Удомашнение“ („аонадара“), почти то же в сущности, что и „усыновление“, когда данная фамилия, ставшая в „родственные“ отношения к князю, обязана была „добровольно“ делать ему приношения, кормить его скот и пр.

Эта тонкая махинация, опутанная идиллическими родовыми традициями и обычаями, на первый взгляд действительно далека от понятий „зависимости“ и „эксплоатации“.

По крайней мере так казалось вначале крестьянам, чего и добивался князь, стремившийся в некоторых случаях скрыть истинный характер феодальной эксплуатации.

Правда, в дальнейшем, с течением времени натуральные повинности все более и более теряли патриархально-идиллическую оболочку „добровольности“ и из под маски „родственника“ и крестьянского „печальника“ все чаще и чаще выглядывала хищная физиономия феодального эксплуататора.

Так, если крестьяне („апхауэ“) раньше делали приношения лишь на Пасху и Рождество и в любом количестве, то впоследствии феодал сам нередко стал устанавливать сроки и размеры: козленка или теленка, столько-то окалат кукурузы (окалат — 30-60 фун.) или столько-то абхалов вина (абхал-около 1 ведра) и т. д.

Если в начале крестьяне только 1 день в году выходили на поля князя „помогать“ в уборке кукурузы и т. д. то в последствии эта, с позволения сказать, „помощь“ достигала подчас 3-5 дней полевой работы, при чем в случае отказа феодал налагал штраф и принимал карательные меры: люди князя уводили у такого своевольного крестьянина корову и т. д. С течением времени личная зависимость крестьян росла и одновременно увеличивалась феодальная эксплуатация.

К началу XIX века „чистый“ крестьянин („анхайю“), подвластный феодалу, должен был выполнять следующие повинности.

1. По зову своего владельца являться на полевую работу от 1 до 5 дней в году.

2. Ежегодно приносить козу, теленка, вино, кукурузу, дичь и пр. в определяемом владельцем количестве (размеры приношений были различны; но по рассказам стариков и найденной нами в сел. Атара, Кодорского района, выкупной

грамоты, их можно определить: кукурузы — 6-8 п., вина — 4-6 ведер.)

3. Приносить подарки на свадьбу и другие семейные праздники.

4. Уплачивать натуральный сбор при выходе замуж девушки.

5. Уплачивать за владельца штраф (своеобразную контрибуцию) в случае поражения его в военном набеге и необходимости возместить материальный ущерб победившему соседу.

6. Кормить владельца и его свиту во все время нахождения его вблизи данного двора во время охоты и пр.).

7. Седлать и ухаживать за лошадьми владельца.

8. Предоставлять транспортные средства для перевозок (арбу, быков, лошадей).

9. Помогать при постройке или ремонте усадьбы владельца.

10. Исполнять поручения и сопровождать феодала.

11. Составлять военную силу его в случае вооруженного столкновения, являясь по первому зову, „конно, людно, оружно.“).

Одного перечисления этих повинностей достаточно для того, чтобы легенда о „свободном крестьянстве“ в Абхазии разметалась в прах. Правда могут возразить еще, что „чистый“ крестьянин мог отказаться от повинностей и перейти к другому владельцу. Формальное право („ассатство“) перехода существовало, но фактически крестьянин им мало пользовался. Этот переход еще был целесообразен в первый период феодализма, но когда по всей почти Абхазии установились феодальные отношения, переход от одного владельца к другому вряд ли имел смысл — „хрен редьки не слаще“. А, кроме того, крестьянина задерживали его родовые связи, привычки, традиции и пр.

Право перехода в условиях развитого феодализма теряло свое первоначальное значение.

Без сомнения, правильно, что положение „чистых“ крестьян „апхауэскіа“ было лучше и немного легче, чем других прослоек крестьянского населения.

„Чистый“ крестьянин, имел свое хозяйство, имел известные общественные права, имел рабов („арэ-ігэ“) и даже зависимых от себя крестьян („апхауэ-хіршэ). (Характерно, что это явление было не только в Абхазии, и в других странах, например в России, где в эпоху феодализма некоторые группы русских крестьян имели своих собственных крепостных).

Говоря о том, что „личная зависимость характеризует при феодализме общественные отношения материального производства“, Маркс указывает, что в силу этого здесь „продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму“, т. е. выступать как товар. (Маркс—„Капитал“, I, стр. 35).

В Абхазии той эпохи господствовало натуральное хозяйство и прибавочный продукт присваивался феодалом в натуральной его форме.

Крестьяне производили у себя в хозяйстве и обеспечивали феодала не только продовольственными продуктами (хлеб, вино, мясо, фрукты), но и продуктами своей домашней промышленности (ткани, шерсть, ковры, орудия, оружие, посуда и пр.)

Остаточная форма этих домашних промыслов феодального периода сохранилась в Абхазии до последнего времени в наиболее отсталых, менее товарных, хозяйствах горных селений—Отхара, Джгерды и др.

Но было бы механистично понимать хозяйство феодальной Абхазии, как абсолютно безобменное.

Если обмен был слаб внутри страны, то он ярко проявлялся по линии внешних сношений. О развитии береговой торговли и ее влиянии на систему абхазского феодализма будет рассказано ниже.

Политический строй феодальной Абхазии.

Население феодальной Абхазии резко делилось на два противоположных класса: феодалов и крестьян. Подчиненное положение крестьян, не говоря уже о рабах, проявлялось даже в унижительных обычаях, в мелочах бытового порядка: крестьянин не мог садиться на коня без разрешения феодала, не мог сидеть в присутствии феодала, должен был уступать ему дорогу, не мог иметь крытый дранью дом и пр.

Крестьянин обязан был выполнять все прихоти и поручения феодала, с почтением относиться к нему и его слугам. Чего стоят хотя бы факты, рассказываемые стариками о том, что во время охоты псаря феодала ночевали вместе с собаками в крестьянских домах, выбрасывая оттуда семью и детей крестьянина и загоняя туда собак.

Класс крестьян был в политическом и правовом отношении подчинен классу феодалов, который стремился монополизировать все военные, административные и судебные функции. Классовому делению соответствовала система

сословий, ибо феодалы представляли собой привилегированные сословия.

Их привилегии заключались в том, что они не несли трудовых повинностей, пользовались лучшими общинными землями, получали дань, сборы, налоги с обмена, пользовались правом монопольной охоты и рубки лесов, имели решающее слово на сельских сходах и судах, пользовались выморочным правом на имущество своих подвластных и т. п. Привилегированное положение феодалов подчеркивается и адыгейскими адатами, которые устанавливают за убийство князя 100 быков пени, дворянина — 30, а крестьянина — 15.

В Абхазии, как в любой феодальной стране, соблюдалась строгая иерархия сословий. Эта иерархия начала складываться еще с эпохи становления феодального общества в Абхазии, потому что в XV веке иерархическое строение абхазского общества было известно и за границей. Трапезундский император Давид в письме к герцогу Бургундскому от 22 апреля 1459 года пишет:

„в числе союзников против турок будет Рабия, герцог абхазский, его брат и его бароны с 30.000 воинов“. (Броссе. — „История Грузии“).

Иерархическая лестница развитого абхазского феодализма представлялась в следующем виде:

1. Владетель всей Абхазии из рода Чачба (Шервашидзе) — аh.

2. Тавады-князья, номинально подчиненные аh'у, но фактически не всегда поддерживающие его — атауад.

3. Аамыста-дворяне, находящиеся в вассальных отношениях к тавадам — аамыста.

4. Личные дворяне („ищущие дворянства“) из „чистых крестьян“, жившие при дворе аh'а и составлявшие его почетную свиту — аhпаqма.

5. „Чистые“ крестьяне, за редким исключением, зависимые от первых четырех сословий — аhхауэ.

6. Крестьяне, зависимые от аhхауэ (аhхауэ-хипсэ).

7. Закрепощенные крестьяне — ахиуэ.

8. Рабы и „рабы рабов“ — арэ, арэ-ирэ.

Первые (привилегированные) сословия: тавады, аамыста и ашнакма составляли, без сомнения, меньшинство населения. По не вполне достоверным данным сухумской сословно-поземельной комиссии число членов привилегированных этих сословий достигало всего 10–12 проц. населения, на самом-же деле, вероятно, их процент был еще меньше.

Феодальная эксплуатация, разумеется, вызывала классовое сопротивление со стороны крестьян против дворян и князей.

Примеры проявлений этой классовой борьбы эпохи феодализма, к сожалению мало исследованы, но отдельные факты, которые нам удалось собрать, все-же доказательно говорят о классовых противоречиях между крестьянами и феодалами в Абхазии.

В сел. Покуаш, Кодорского района, рассказывают о коллективном выступлении крестьян во главе с крестьянином Гиндия, отказавшихся работать на поле у тавада Ачба.

В сел. Атара, Кодорского района, вспоминают, как приехавший от убыхов, где не было князей, один из рода Квициния стал агитировать своих кодорских однофамильцев отказаться от зависимости. Во время выступления против Гергуала Чачба этот „агитатор“ был убит и выступление окончилось неудачно.

В Гудаутском районе много рассказывают о сопротивлении крестьян аамəста Званбая, прославившимся жестокой эксплуатацией своих подвластных.

Ярким примером революционной борьбы было выступление крестьян во главе с Аджкуреем Агрба в с. Абгархук в XVIII в. против феодалов Лакербая и Ачба.

Если классовое сопротивление доходило до вооруженной борьбы, то крестьянину приходилось, разумеется, уходить в горы и леса и становиться абреком. Такие абреки, выступавшие против феодалов, пользовались обычно горячей поддержкой крестьян; о них и сейчас поют песни, рассказывают легенды и др.

Со своей стороны феодалы старались обеспечить получение прибавочного продукта и личную зависимость особыми мерами, создав примитивный аппарат принуждения. Этот аппарат принуждения основывался прежде всего на военной силе феодала, которую он черпал путем „воинской повинности“ ему подвластных. Но, кроме этого, для карательных мероприятий и личной охраны крупные феодалы заводили своего рода жандармерию. Создавались определенные группы вооруженных людей из аамəста, из апақина, из „чистых крестьян“, наиболее тесно связанных с феодальными элементами, для обеспечения системы внеэкономического принуждения. Эти люди иногда назывались „абокауга“, а чаще данная карательная группа принимавшая характер постоянной организации именовалась термином „Кераз“. Этот термин имел очень широкое рас-

пространение, соответствуя понятию „об'единения“ „организации“ вообще. В данном случае он принимал совершенно определенной значение феодально-карательной организации, охранявшей права эксплуататорского класса.

„Кераз“ отражал и сам совершал военные набеги, наказывал непокорных, взимал „штрафы“ и дань, как с крестьян, так и с купцов на побережье, уничтожал личных врагов феодала, действуя совершенно безнаказанно. „Кераз“ часто выполнял личные прихоти феодала. Сохранились песни и рассказы о том, как „Кераз“ воровал для князей Чачба красивых девушек: рассказ о красавице Чире Таркил и песня о прекрасных Ханифе и Казирхан-сестрах крестьянина Афаг Мута.

Феодальный „Кераз“—яркий факт развития государственного аппарата, как системы принуждения и классового господства.

Но следует, однако, отметить одну важную особенность политической структуры абхазского феодализма—диалектику развития родовых пережитков. Если эти родовые пережитки помогали феодалам укреплять личную зависимость крестьян посредством родственных связей и замазывали классовые противоречия, то одновременно они—эти родовые пережитки—ограничивали несколько и феодальный произвол.

Во-первых тавад вынужден был считаться с представителями сильных крестьянских фамилий и важные вопросы общественной жизни выносить на обсуждение сельских собраний, где право голоса имели все „чистые“ крестьяне, хотя решающее слово и оставалось, конечно, за феодалами.

Во вторых—,обрушиваясь на какого либо „дерзкого“ крестьянина он иногда встречал сопротивление всей фамилии, всего рода. Отсюда,—отсутствие телесных наказаний для крестьян, ибо легче было тайно убить, чем, скажем, подвергнуть публичной порке. За это оскорбление, без сомнения, грозила кровная месть со стороны всего рода, иногда многочисленного и сильного.

Родовые пережитки (кровная месть) в этих случаях поворачивались против феодала, ограничивая его произвол.

В этом ярко проявляется диалектика роли родового уклада в системе абхазского феодализма,

Родовые пережитки сказывались и на юриспруденции абхазского феодализма. Тавад и даже аһ-владелец судил провинившихся вместе с почетными стариками—патриархами сильных фамилий и при этом судил в соответствии с родовыми адатами (обычаями).

В эпоху феодализма Абхазия представляла собой государство с сильно раздробленной политической властью и слабой централизацией. Хотя официально вся страна и имела центральную власть в лице владетеля (Чачба Шервашидзе, но фактически она была раздроблена на ряд мелких владений тавадов (князей) и полузависимых сельских общин и племенных единиц. Причиной этой раздробленности была слабость хозяйственных и меновых связей и натуральный характер производства в феодальных владениях—следствие самого феодального способа производства.

Каждое из этих феодальных владений, представляя собой замкнутый экономический мирок, в отношении политическом являлось своего рода „государством в государстве“.

Политическая власть владетеля (наследственными владетелями Абхазии были князья Чачба (Шервашидзе) имела функции центрального государственного аппарата: по линии внешних сношений владетель („ah“) регулировал внешний обмен, предоставляя льготы и право торговли иностранным купцам, а также решал вопросы войн и мира, используя военную силу подчиненных ему феодалов-тавадов; по линии внутреннего управления—взыскивал сборы с обмена, мирил и судил вместе с сословными и родовыми представителями, при чем за всякие конфликты, происшедшие близь его резиденции, получал определенные пени; все административные функции он осуществлял через своих „дружинников“—личных служилых дворян—„ашнакма“ и свою гвардейско-жандармскую организацию „Кераз“.

Монеты своей абхазские владетели не чеканили, а денежными единицами служили золотые и серебрянные монеты—грузинские, арабские, турецкие и пр. а также рабы и крупный рогатый скот.

Владетель („ah“) жил в сел. Лыхны. Вокруг его дворца (сначала деревянного, а потом каменного здания, развалины которого сохранились и поныне) были домики живущей при нем „челяди“, а неподалеку разбросаны были усадьбы „керазников“ и „ашнакма“. Последние жили и в других селениях, получая от владетеля землю, скот и рабов. Это единственный пример условного владения в феодальной Абхазии.

Личным владением ah'a была Бзыбская Абхазия—часть современного Гудаутского района.

Родственники владетеля (из фамилии Чачба) имели ряд владений по всей Абхазии (Келасури, Кутол, Очемчиры, Самурзакань), но они часто не отставали от прочих тавадов

в отношении игнорирования и даже сопротивления владельцу. На пороге XIX века абжуйские Чачба-Алибей и Манучар даже пытались совершенно самоопределиться и стать независимыми от аh'а.

Всей же остальной территорией прибрежной Абхазии владели непосредственно тавады и аамыста. Например: долиной на правом берегу от устья реки Бзыби (сел. Алахадзы, Колхида и пр.) владели Инал-Ипа, сел. Ачандары-тавады Ачба, сел. Псырцха-Маргания, сел. Эшеры-аамыста Дзяпш-Ипа, сел. Адзюбжа-Маргания, сел. Атара и Джгерды-тавады Маршания, сел. Тхина-Дзяпш-Ипа, сел. Моквы-Ачба, сел. Гупы-тавады Маршания и аамыста Атумава, сел. Ткварчелы и сел. Покуаш-Ачба и т. д.

Все крупные феодалы, находясь в вассальной зависимости от владельца и имея у себя подчиненных им мелких феодалов, фактически были полными государями в пределах своего владения и признавали власть владельца („ah“) лишь постольку, поскольку он обладал большей силой. Области-же Цабал и Дал, где властвовали тавады Маршания, а также скотоводческие племена с неразвившимися феодалами отношениями—Псху, Ахчипсху и джигетские („садзуа“) общины—Цан, Геч, Арто и т. п. подчинялись власти владельца лишь номинально, выступая чаще всего, как его автономные союзники, чем подчиненные.

Таким образом, владелец („ah“) был типичным феодальным государем являясь всего лишь „первыми среди равных“. Принудить к повиновению крупных тавадов он мог только силой. Этой силой он сам не обладал, для чего ему приходилось прибегать к организации союзов и группировок и использовать распри и раздоры среди феодалов. Споры из за пастбищ, выгонов, лесов выливались в форму вооруженных столкновений, набегов и пр. Каждый феодал жил всегда „на военном положении“ и весь его домашний быт милитаризован.

Крупный феодал выбирал место для своего двора („ašta“) обычно на возвышенности, где строил каменный или деревянный дом так; чтобы в нем можно было выдержать осаду и отразить нападение врагов. Примеры: дом феодала Каца Маргания („Кац-яшта“) в сел. Джирхва, дом Хассан-Маргания (Маан-Хассан) близ Нового Афона и др.

Вот как описывает современник жилище сильного келассурского владельца Хассан-бея Чачба, стоящее на крутом холме около устья реки Келассури:

„его деревянный дом имел вид четырехугольной башни на высоких каменных столбах. Кругом

дома шла галлерей. Двор был окружен высоким палисадом с бойницами и тесной калиткой, способной пропустить лишь одного человека“... (Торнау — „Воспоминания кавказского офицера“ стр. 1835.

Выезжая из дому, тавад всегда брал десяток—другой надежных вооруженных людей, а под черкеску одевал металлическую сетку-кольчугу („akulza“) и железный пояс („avanəzama“) для защиты от внезапного нападения.

Нет сомнения, что в феодальной Абхазии мы имели своеобразный иммунитет, т. е. неприкосновенность, независимость феодала во внутренних делах своего владения. Производ феодала внутри его владения ограничивался скорее родовыми пережитками, чем центральной властью владетеля. Но тем опаснее чувствовал феодал себя за пределами своего владения. Борьба между феодалами не прекращалась никогда и только могла временно замирать, чтобы с новой силой вспыхнуть в благоприятный момент. Иногда эта борьба носила форму „большой войны“—в военные действия вовлекались сотни и тысячи крестьян, составлявших „армии“ феодалов. В памяти абхазского народа сохранились походы владетеля Келеш-бея Чачба в конце XVIII века против атарского тавада Бекир-бея и поддерживающих его кодорских Ачба. Еще раньше этого владетеля Зураб Чачба вел жестокую войну с эшерскими феодалами Дзяпш-Ипа. Целые века длилась борьба владетеля с цабало-дальскими тавадами Маршания. Эта война сопровождалась свойственными эпохе жестокостями, захватом скота, пленных, которые тотчас обращались в рабов и продавались за границу.

Старики рассказывают, что при набегах Чипиак Ате-Ипа Маршания жгли целые селения, убивали детей и пр.

Но кроме „большой войны“ прибегали и к методам „малой войны“, методам интриг, подкупов, покушений и т. п. Известны факты следующего порядка: владетель Келеш-бей будучи не в силах справиться с Дзяпш-Ипа, пригласил троих из них к себе и вероломно убил их в своем собственном доме, владетель Хамуд-бей отравил келассурского Чачба-Дмитрия, своего родственника.

Измены, предательства, убийства из за угла—это были излюбленные методы феодальной политики. Нет нужды говорить о том, как подобная борьба отзывалась на народном хозяйстве и задерживала нормальное развитие производительных сил.

Идеология абхазского феодализма была пронизана религиозным влиянием. В эпоху феодализма первое место в рели-

гии занимали в Абхазии пережитки родовой и племенной религии. Культ природы (священные горы, небесные светила, леса, деревья, вера в духов, населяющих землю и воду) и культ предков (фамильные кладбища, почитание очага, родовой кузницы и пр.) были еще в полном расцвете и прекрасно уживались с новыми религиями христианской и мусульманской, которые, безусловно, имели меньший удельный вес, в силу того, что они были принесены в Абхазию извне и не были тесно связаны с социально-экономическими устоями народа и страны.

Феодалы поддерживали религиозные пережитки родового строя и даже часто являлись носителями их, беря на себя функции защиты и охраны „священных мест“. Пример: жрецами „Священной“ горы Дидрипш была дворянская фамилия Чичба,

Феодалы использовали и христианскую религию, распространившуюся в Абхазии еще в эпоху византийской колонизации V—VIII века, но ослабленную после прекращения связи с Византией.

Христианские церкви и монастыри (Пицунда, Афон, Каманы, Дранды, Илори и др.) имели свои земли, стада, своих рабов и занимались торговлей вообще и работоторговлей в частности. Христианская церковь пользовалась поддержкой Византии, имела значительное экономическое богатство и поэтому абхазские католикосы, жившие в Пицунде и Афоне до 1795 года, пользовались большим влиянием среди абхазских феодалов.

Это влияние, правда, было подорвано распространением в XV—XVI в.в. ислама—орудия турецкого господства на побережье.

К началу XIX века в Абхазии функционировали только две церкви—в Лыхны и Илори, остальные были закрыты и разрушались.

Сами феодалы не очень считались с церковными памятниками; имеются сведения, что Хасан Маргания—псырцхинский феодал—выстроил себе дом из материалов афонской церкви Симона Канонита, разобрав для этого свод храма.

Но ислам не пустил корней в Абхазии, также, как и христианство: в обычаях абхазов трудно найти влияние законов шаритата.

Религия родового строя—„национальная“ религия абхазов освящала право и нравственность феодального общества. Выше уже говорилось, как феодалы использовали правовые и моральные нормы родового строя в своих целях.

Феодальный порядок сохранил такие родовые атрибуты, как кровная месть, представление о „чистоте“ фамилии—рода, патриархальные взаимоотношения в семье, а одновременно распространил и развил феодальные воззрения на „почетные“ и „позорные“ занятия. Первыми считались военное дело и охота, вторыми—торговля и промышленность для производства на продажу. Еще итальянец Интериано, побывавший в Абхазии в 1450 г., отмечает в своем сочинении („Della vita de zichi“), что „за занятия торговлей и ремеслом знатных („нобили“) лишали достоинства“. Эти воззрения сохранили свою силу до последних лет и способствовали слабой пролетаризации абхазской деревни в пореформенный период.

Медленное развитие производительных сил феодальной Абхазии сказалось на слабой систематизации производственного опыта в форме научных представлений.

Искусство в основном отражалось народным творчеством в форме песен, сказок, музыки, танцев, содержание которых заполнялось материалом описания одухотворенных сил природы и героизма отдельных представителей наиболее видных родов, а в последствии—феодалов. Абхазские тавады любили иметь хороших певцов—музыкантов, которые были завсегдатаями в феодальных домах, импровизируя песни и сказки, развлекая этим отдыхающих или пирующих феодалов.

Многие из этих песен, отражающих феодальный строй, остались в народе до сего времени.

Развитие феодального способа производства в Абхазии имело свои особенности. Абхазский феодализм подчас чрезвычайно отличался по внешним признакам от феодального режима Западно-Европейских стран, но прав Энгельс когда, он говорит;

— „Разве когданибудь феодализм отвечал своей идее? Основанный в Западной Франции, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, еще дальше усовершенствованный французскими норманами в Англии и Южной Италии он приблизился всего ближе к своей идее в эфемерном Иерусалимском государстве, которое вставило после себя в Иерусалимских Ассизах классическое выражение феодального порядка. Неужели-же феодальный строй был фикцией оттого, что полного совершенства он достиг только в Палестине, на короткое время и то, большей частью на бумаге? (Письмо Энгельса к Конраду Шмидту от 12 марта 1895 г. Цитировано по „Рев. Восток“, № 2, 1927). /

Береговая торговля и ее влияние на развитие абхазского феодализма.

После того, как господство Византии в восточной части средиземно-морского бассейна падает, подорванное великим наступлением арабских племен, на Средиземноморских и Черноморских рынках начинает активизироваться западно-европейский торговый капитал. В эпоху так называемых „крестовых походов“—этого мощного движения на Восток феодальной Европы—к X-XII векам выделяются итальянские „города-государства“—Венеция, Пиза, Флоренция, Генуя, которые пользуясь упадком Византийской империи, направляя на нее полчища западно-европейских феодалов, успешно вытесняют византийский торговый капитал, проникая и в Черное море.

Еще в 1170 году Генуэзские купцы заключают договор с Византийским императором Мануилом на право „свободной торговли“ (commerce liberte) на Черноморских рынках.

Когда же в 1204 году организованные Венецианским капиталом банды „крестоносцев“ разграбили и захватили Константинополь, создав на дымящихся развалинах великолепной Византии эфемерное феодальное государство—„Латинскую империю“, то Венецианские купцы стали полными хозяевами прежних Византийских рынков.

Вечные конкуренты Венеции—Генуэзские купцы стремились в течение полувека подорвать Венецианскую монополию, не стесняясь никакими средствами вплоть до морского разбоя и бандитизма.

Борьба этих могучих конкурентов за Средиземноморские и Черноморские рынки закончилась победой Генуи. В 1261 году генуэзцы оказывают решительную поддержку византийцам, которые вновь занимают Константинополь, разрушая „Латинскую Империю“—этот худосочный выродок агрессивного западно-европейского феодализма. В благодарность за реставрацию Византии император Михаил Палеолог передает генуэзцам все Венецианские колонии на берегах Эгейского и Черного морей.

Генуэзский торговый капитал проявляет кипучую деятельность на берегах Черного моря. Центром Генуэзской торговли в 1266 году становится на Черном море **Каффа** (в Крыму, близ современной Феодосии) построенная еще в 1234 году, но затем разрушенная Крымскими татарами.

На побережье Абхазии также возникают Генуэзские колонии:

Хакари (Nacary)—нынешние Гагры.

Санта-София (St sofia)—в долине сел. Алахадзы.

Пеонда (Peonda)—в Пицундской бухте.

Каво ди Буксо (Cavo di buxo) на берегу Бомборской бухты,

Никопия (Nisoria)—нынешняя Псырцха.

Севастополь (Sevastopol) близь Сухума.

Сант-Анджело (St Angelo)—около устья реки Ингур, в местности Сатанджо.

Наиболее крупной из этих колоний был Севастополь, который служил резиденцией протектора (protector) всех Кавказских колоний генуэзцев.

Генуэзские колонии обычно представляли из себя населенные пункты, обнесенные стеной или, защищенные башнями, с торговыми факториями, гостинными дворами (fondaco), магазинами и т. д.

Самый расцвет Генуэзской торговли на Черном море относится к XIII-XIV векам.

Захват турками Византии в 1453 году нанес смертельный удар Черноморской торговле генуэзцев.

Турецкий флот на Черном море нарушает регулярные торговые сношения. Колонии хиреют. В 1475 году турки захватывают Каффу и вслед за этим Генуэзский капитал теряет окончательно и другие колонии.

Однако, потеря колоний не означала полной ликвидации торговой деятельности генуэзцев на Черном море. Еще и в XVIII веке мы видим генуэзских купцов на побережье Абхазии и Черкесии, но разумеется, теперь они принуждены уступать купцам, плававшим под турецким флагом.

Западно-европейский торговый капитал не оставлял надежды проникнуть на Черноморские рынки, ставшие ему известными со времен „крестовых походов“. В этом отношении показателен факт заключения франко-турецкого союза и торгового договора в 1535 г., благодаря которому французские корабли появляются на Черном море. Но французская торговля под контролем Турции, конечно, не могла достичь размеров итальянской торговли эпохи Генуэзской монополии. Главными наследниками генуэзцев были все-таки купцы—поданные Турции, находившиеся под защитой ее военно-политического могущества.

Эти купцы в большинстве случаев не были турки по национальности, ибо обширная и могущественная Османская империя ни в коей мере тогда не была национальным

турецким государством и отличалась такой же пестротой национального состава, как и ее предшественница — Византия. Она включала в себе покоренные турками страны с арабским, греческим, славянским населением, стоявшим на более высокой ступени экономического развития. Оттуда главным образом и происходили кадры предприимчивых агентов торгового капитала, развивающегося под покровительством Порты, который содействовал укреплению ее хозяйственно-политической мощи, прекрасно уживаясь с военно-феодальной социальной верхушкой старой Турции.

Эти-то купцы, которые плавали под Турецким флагом и были подданными Оттоманской империи, и наследовали Генуэзскую торговлю на берегах Черного моря, пользуясь всеми плодами торговой монополии, оберегаемой турецкими гарнизонами на побережье, подчиненном протекторату стамбульских султанов.

Они развили на Черноморских рынках активную посредническую торговлю, не будучи тесно связаны с производством какой-либо одной местности, не будучи агентурой промышленности, а выступая свободно и самостоятельно, срывая легко цветы колосальных барышей, лишь ничтожную долю которых они уступали государству в виде пошлин и сборов, имеющих силу косвенных налогов. Официальная пошлина составляла всего 3%, хотя фактически вся сумма взимаемых сборов была значительно выше: существовали особые корабельные и маячные сборы, и т. д.

Торговый капитал вообще является первичной формой капитала, при чем всюду он развивается в форме свободного и самостоятельного существования, сплошь и рядом возникая на базе не-капиталистического способа производства.

Анализируя процесс превращения товарного и денежного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый, Карл Маркс в XX главе III тома „Капитала“, где он дает блестящий очерк истории развития купеческого капитала, указывает, что если при капиталистическом способе производства купеческий капитал является лишь капиталом с особой функцией“, то в до-капиталистических общественно-экономических формациях „купеческий капитал представляется функцией капитала *par excellence* (по преимуществу)“ (Карл Маркс — „Капитал“, III, стр. 228).

„Торговый капитал старше капиталистического способа производства и в действительности представляет исторически древнейшую свободную форму существования капитала“ (там же, стр. 227); появляясь, там, где имеется

простое товарное обращение, при чем для него безразлично — является ли производство в целом товарным производством, ибо он находит себе почву при любом способе производства, где существует обмен товаров, хотя бы хозяйство в целом и носило натуральный характер.

Даже более того, торговый капитал чувствует себя тем свободнее и самостоятельнее, чем дальше данная общественно-экономическая формация исторически удалена от капиталистической. Известно например, насколько активно и независимо выступал торговый капитал в древнем азиатском обществе („дамкары“ Вавилона, финикийская торговля, и пр.) и в античном мире (Эллада, Рим).

Именно поэтому Маркс и устанавливает закон, по которому „самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества... („Капитал“, III, стр. 229).

Далее Маркс приводит пример из истории Итальянского торгового капитала и его деятельности на восточных (и Черноморских) рынках, где особенно ярко проявлялся этот закон потому, что там „главный барыш приносит не вывоз продуктов из своей страны, а посредничества (подчеркнуто нами, А. Ф.) при обмене продуктов таких обществ, которые не развились в торговом и вообще в экономическом отношении“... (там же, стр. 229).

В самом деле, именно посредничеством при обмене продуктов разных экономических районов, характерных низким уровнем развития производительных сил и социальных отношений, именно это определяло основное содержание и береговой торговли в Абхазии.

В этом процессе обращения товаров, который обслуживала посредническая деятельность сначала Генуэзского, а затем и „Турецкого“ торгового капитала, крайними членами были, например, крымская соль и абхазский самшит, сирийское железо и черкесские рабы, и т. п. продукты феодальной системы эксплуатации. Непосредственными производителями этих товаров были рабы и крепостные или лично зависимые крестьяне, но продавцами и покупателями всегда выступали их владельцы — представители господствующей феодальной верхушки, которая отчуждала прибавочный продукт трудящихся путем внеэкономического принуждения. Торговый же капитал, выступая в роли посредника, базировался на низкой степени развития производства обслуживаемых стран и районов, на натуральном по преимуществу характере их экономики, на феодальных методах классового господства и подчинения, на отсутствии доста-

точно развитого внутреннего обмена, используя даже патриархальность феодально-родовых норм (еще Интериано (1551 г.) сообщает, что торговля у адыге и абхазцев считалась занятием „недостойным знатных“). Одним словом, торговый капитал, активизируя свою посредническую деятельность на берегах Западного Кавказа, основывался, как говорит Маркс, „на варварстве производящих народов, для которых они (торговые города. А! Ф) играли роль посредников“... (там же, стр. 231).

Из этого посреднического характера деятельности генуэзских, а затем „турецких“ купцов и вытекает свойственная береговой торговле высокая торговая прибыль. Она была тем более высока, чем менее развиты в экономическом отношении производители товаров, чем менее регулярно производство для обмена, чем реже торговые акты, чем менее налажены внешние связи, чем больше следовательно, разница между ценами производства, чем выше эксплуатация непосредственных производителей.

„Чистая независимая торговая прибыль *prima facie* является невозможной, если продукты продаются по их стоимости. Дешево купить, чтобы дорого продать—вот закон торговли. Следовательно, не обмен эквивалентов...“ (Капитал, III, стр. 230).

Норма прибыли береговой торговли на рынках Абхазии и Черкесии была очень высока, о чем свидетельствуют современники.

Француз Шардэн, посетивший побережье Абхазии в 1671 году, пишет:

„Турки получают большие барыши на товарах, которые они вывозят отсюда: то, что они покупают за 1 экю, они продают за 4 экю. Самый большой барыш они получают на торговле рабами...“¹⁾

Другой путешественник—французский консул при дворе Крымского хана Пейссонель высказывается еще более определенно:

„Едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абхазии. О выгоды ее можно судить по самшиту, продаваемому в Константинополе по 3 пиастра за центнер, между тем, как соль, в обмен на которую приобретается это дерево, стоит в Крыму не дороже 10 пара за центр...“²⁾.

¹⁾ Voyage de m-r le chevalier Chardin en Perse, etc... Paris, 1723, tome I, p. 145.

²⁾ „Traité sur le commerce de la Mer-Noire, par M. de Peyssonnel, ancien consul-général“ Paris 1787 part II. p. 12.

Таким образом, средняя норма прибыли колебалась около 300%, но зачастую достигала 1000% и более; особенно по линии экспорта самшита и воска. Лейсонель приводит весьма показательный пример: самшит обменивался на соль вес на вес, центнер соли стоил 10 пара, а центнер самшита 120 пара (1 пиастр содержит 40 пара); следовательно, даже при учете транспортных издержек прибыль в данном случае достигает 1000%.

Ради подобной прибыли „Турецкие“ купцы, державшие в своих руках береговую торговлю, равно как и их западно-европейские собратья, способны были на любой риск, не стесняясь теми методами насилия, обмана и предательства, за которые Маркс всю деятельность торгового капитала той эпохи окрестил едким термином „система грабежа“.

В одном из примечаний к знаменитой 24-й главе I тома „Капитала“ Маркс приводит следующую цитату из Dunning'a.

„Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову; при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул, хотя бы под страхом виселицы...“

Эта остроумная шкала роста капиталистической агрессии более всего применима к береговой торговле на побережье Абхазии и Черкессии.

Формы и характер берегового обмена скорее напоминали по своему внешнему облику военные, чем коммерческие операции. Купцы принимали активное участие в морских разбоях и феодальных набегах. Купеческие корабли ходили вооруженные пушками. Главным объектом торговли был живой человеческий товар — рабы и военнопленные.

Купец, который фигурирует на берегах Абхазии в XVI-XVIII веках, выступает без маски буржуазной „цивилизации и демократии“, надеваемой обычно современным капиталистом.

Он смотрит на нас глазами, в которых откровенно горит ненасытная жажда барыша и готовность идти на любой риск, ради высокой наживы.

Он стоит перед нами с циничным оскалом хищника, с лапами эксплуататора, протянутыми к экономически не-

развитым народам, стоит „источая кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят“ (Маркс).

Таков был типичный облик торгового капитала в эпоху его самостоятельного и свободного существования перед „утренней зарей капиталистического способа производства“.

Формы и характер берегового обмена

В XVI-XVIII столетиях в Абхазии господствовали феодальные отношения с характерным для них натуральным по существу хозяйством и производством продуктов в основном для собственных потребностей.

Но если обмен был слабо развит внутри страны, то тем более ярко он проявлялся во внешних сношениях, концентрируясь на побережье Черного моря в тех пунктах, куда прибывали „Турецкие купцы“, выполняя свои посреднические функции.

Береговая торговля в Абхазии в то время имела чрезвычайно оригинальный характер. **Шарден**, путешествовавший в 1671 году на одном из купеческих кораблей вдоль берегов Абхазии, яркими красками рисует картину торговых операций на побережье, непосредственным свидетелем и участником которых он был.

„От канала Палус-Меотид (Керченский пролив, А. Ф.) до Мингрелии по морскому берегу 600 миль расстояния. Это прекрасные горы, покрытые лесом и населенные черкесами... Суда направляющиеся из Константинополя и Каффы в Мингрелию, проходя мимо, бросают якорь во многих местах этих морских берегов.

Они стоят один-два дня в каждой из этих местностей и в течение этого времени можно наблюдать, как полуголые и жадные варвары со своих гор толпами обрушиваются на берег с видом разбойников. Торговать с черкесами можно только с оружием в руках. Если несколько человек из них желают взойти на судно, им дают заложников, и если кто-нибудь хочет сойти на берег, то они дают, потому что им нельзя верить. Они дают трех человек за одного...“¹⁾

В этой цитате, прежде всего, характерно великодержавно-высокомерное отношение „культурного европейца“ к местным жителям—„азиатам“ и „дикарям“, свойственное и другим агентам Европейского капитала—**Итеригно, Ламберти** и др. Несомненно, что взаимно местное население

¹⁾ Chardin, t. 5, p. 113-119.

Кавказского побережья с таким же презрением и ненавистью относилось к приезжавшим купцам, прекрасно зная их хищнические наклонности, на горьком опыте изучив их способности к обману и надувательству.

Неудивительно поэтому, что и сам процесс обмена происходил в обстановке крайне обостренного недоверия с обеих сторон.

Описание Шардэна скорее напоминает картину переговоров между двумя враждующими противниками, чем повествование о „мирных“ коммерческих взаимоотношениях продавцов и покупателей.

Эта картина торговли с оружием в руках и при посредстве заложников еще раз подтверждает положение о том, что в ту эпоху торговый капитал выступал без маски лицемерной морали, обнажая свою эксплуататорскую сущность и не стараясь прикрыть основной принцип буржуазного мировоззрения — „человек человеку волк“.

„Мена происходит таким образом. Барка с судна приближается к берегу. Все находящиеся в ней хорошо вооружены. Они позволяют приближаться к месту причала лодки только такому количеству черкесов, которое соответствовало бы их собственному числу.

Если же видят, что черкесы приближаются в большем количестве, то они уходят в море. Когда обе стороны сходятся, они показывают друг другу товары, имеющиеся для обмена, улавливаются и совершают обмен. Но все же всегда необходимо быть настороже, т. к. эти черкесы — само предательство и коварство. Не воспользоваться представляющимся случаем для грабежа выше их сил“¹⁾.

Не будем опять подчеркивать, что термины „предательство“ и „коварство“ применимы к купцам-спутникам Шардэна не менее, чем к черкесам,

Отметим лишь, что рассказ Шардэна о характере торговых операций на берегах Черкессии полностью может быть отнесен и к Абхазии, ибо на той же странице своей книги он отмечает:

„Абхазы не в такой мере дики, как черкесы, но у них та же природа, склонная к грабежу и разбою. Береговые сношения с ними производятся с теми же предосторожностями, что и с черкесами“.

¹⁾ *ibid.*, p. 119.

Подобный характер обмена является весьма типичным для всех экономически неразвитых стран и народов, где хозяйство в целом продолжает еще оставаться, натуральным и господствуют феодальные отношения.

В Абхазии того времени обмен не был еще естественным законом хозяйственного развития и носил еще в значительной мере случайный характер. Разумеется, для приезжавших „турецких“ купцов он не был случайным, в полном смысле, но однако, купец не был уверен—встретит ли он в данном рыночном пункте покупателей, которым он сможет реализовать свой товар.

Береговой обмен, основанный на крайнем недоверии сторон, вечно подверженный опасности военного нападения и вооруженного захвата, как товаров, так и самих продавцов, был весьма рискованным предприятием.

Как правило, обмен товаров основывался не на обмене эквивалентов по стоимости, а поэтому большое значение имели способности к надувательству и обману, кстати сказать, гораздо более развитые у приезжавших купцов, чем у местных жителей, менее опытных в торговле и обладающих более узким кругозором в отношении учета конъюнктуры цен и рыночной ситуации.

Нередко бывало, что там, где обнаруживалась невозможность совершить обмен, в виду несговорчивости или неуступчивости продавцов или покупателей, в дело неожиданно пускалось оружие и война завершала начавшуюся „мирную“ торговлю.

Береговая торговля в ту эпоху не могла быть не связана с риском вооруженного нападения. Иллюстрацией этого положения может служить инцидент, очевидцем которого был тот же Шардэн, в бухте **Исгаур** (Искуар, Скурча) куда он заехал, вместе с купцами, прибывшими для обмена:

„19 сентября (1672 г.) вечером множество спасавшихся крестьян прошло через Исгаур, распространяя бешеную тревогу рассказывая, что абхазы которых Мингрельский князь призвал на помощь против турок, грабили и жгли все, уводили людей и скот, и что они уже не далеко от порта. Сейчас же каждый купец принялся нагружать в лодки все, что было возможно.

Было поздно. Суда находились на расстоянии около одной мили от берега. Можно было сделать только два рейса. Каждый из капитанов распорядился отправить на сушу по две пушки. Их

расставили на улицах базара и всю ночь провели вооруженными.

Не могу выразить то сильное огорчение, в которое повергло меня такое внезапное происшествие. Я не чувствовал в себе достаточно твердости, чтобы противостоять ему... 20 сентября все люди с нашего судна и с других, стоящих в бухте, возвратились на свои суда. Они предпочитали бросить шерсть, соль, фаянс и другие подобные товары, чем подвергаться опасности быть захваченными абхазами, которые были близко.

Действительно они были близко. Как раз, в 10 часов вечера мы увидели, что весь рынок пылал в огне и когда на следующее утро люди отправились туда, они не нашли там ничего, кроме пепла и остатков пожарища... ¹⁾

Подобное происшествие на Истаурском рынке для Шардэна, очевидно, было неожиданным сюрпризом и он со свойственной французам деликатностью откровенно признается в своем страхе, но вероятно для его спутников—купцов и капитанов это не было новостью. Они всегда были готовы к такого рода инцидентам в торговых пунктах, имея на чеку оружие и даже пушки. И если, в данном случае, они вернули высаженный им вооруженный десант обратно на корабли, то наверно только потому что из тактических соображений нашли более выгодным не принимать боя с абхазскими отрядами и „благородно ретироваться под давлением превосходных сил противника“.

Нет сомнения, что будь соотношение сил более благоприятно, купцы не только сумели бы дать отпор наступавшим абхамам, но не постеснялись бы и сами перейти в контратаку, ради захвата пленных, оружия и прочей добычи.

Методы военного захвата и открытого грабежа были свойственны купцам и входили составным элементом в их коммерческую деятельность.

Правда они сами также подвергались нередко нападению морских пиратов, чаще всего организуемых местными Абхазскими феодалами-князьями и дворянами приморских

районов. Об этих пиратах упоминает и **Интерьяно**¹⁾, и **Ламберти**²⁾, **Шардэн** и другие путешественники.

Более подробно на этом вопросе останавливается **Дюбуа** посетивший Черноморское побережье уже в начале XIX века, но еще лично встречавший эпигонов морского бантитизма.

В первом томе своей книги³⁾ он говорит:

„Я часто имел возможность наблюдать черкесские галеры пиратов... Галеры эти теперь большего размера и вмещают обычно большее количество людей по 60—70 человек каждая. Они идут на веслах, скользя вдоль берегов, чтобы не быть замеченными. (Эти галеры называются по черкесски „Кафа“ или „Куафа“, а также „камара“, по абхазски „Ахба“ (вернее аоҭба... А. Ф.) Порт Мамай знаменитый еще в древности своими пиратами, до сих пор служит центром черкесских корсаров“ (р. 142-143).

Далее Дюбуа подробно рассказывает о том, как на его глазах вблизи Кодорского мыса небольшое торговое судно подверглось нападению на море со стороны двух пиратских галер, при чем, до прихода на помощь русского сторожевого военного судна из Сухума, пираты успели захватить бочку вина и 30 рублей серебром.

По словам Дюбуа пираты эти были бомборские абхазы, имевшие предводителями „трех князей из окрестностей Соук-Су (Лыхны)“, друзей владетеля Абхазии Михаила Чачба (р. 229—300).

Следовательно, не только самый процесс берегового обмена, но и плавание вдоль берегов Абхазии представлялось чрезвычайно рискованным делом. Только высокая норма прибыли заставляла купцов пробиваться через эти опасные препятствия, и наоборот, последние, в свою очередь, обуславливали высокую торговую прибыль.

„Эта первоначальная норма прибыли была по необходимости очень высока. Торговое дело было очень рискованным не только вследствие сильно

¹⁾ Giorgio Interiano—„Della vita de Zychi chiamati Circasi“, Venetia, 1583.

²⁾ Relation della Colchide noggi detta Mengrellia, etc“... Del p. d. Archangelo Lamberti, In Napoli, 1654.

³⁾ Dubois de Montpéroux—Voyage autour du Caucase, chez les tcherkesse et les abkhases, ets... Paris, 1839.

распространенного морского разбоя, но и потому, что конкурирующие нации нередко позволяли себе при первом удобном случае всякого рода насилия... Прибыль, следовательно, должна была включать высокую премию за риск предприятия"... (Ф. Энгельс—„Закон ценности и норма прибыли“, см. сб. „Изложение 4-х томов „Капитала“, изд. „Буревестник“, 1924, стр. 293—294).

Высокая прибыль заставляла идти на риск—большой риск повышал норму прибыли.

В этом была своеобразная диалектика берегового обмена.

Предметы береговой торговли

Объектами берегового обмена были в первую очередь те товары, которые имели высокую потребительскую стоимость для населения Абхазии в целом (соль) и ее феодальной верхушки (оружие, ценные ткани) с одной стороны а с другой товары, предоставляющие наибольшую торговую прибыль для купцов-посредников.

Главными импортными товарами были: соль, оружие и металлические изделия, а также тонкие полотна, ситцы, сукна, сафьян и выделанные крашенные кожи.

Важнейшую статью экспорта составляло сырье, в первую очередь—лес, пушнина, воск.

Особое место занимала работоторговля, о которой будет сказано ниже. Рабы несомненно служили главным предметом экспорта.

Кроме того, с берегов Абхазии вывозили: шелк, льняную пряжу и грубые полотна, льняное семя, шкуры быков, куниц, бобров, самшит, воск и мед. (Шардэн, стр. 119).

Шардэн подробно останавливается на меде, отмечая его исключительные качества:

„Мед бывает двух сортов: желто-красный и белый, белого имеется в меньшем количестве, чем другого сорта, но он гораздо лучше и слаще—рафинированный сахар не может быть слаще: это продукт очень тонкого вкуса, он тверд на зубах.

Кроме домашнего меда, есть мед дикий, который находится в дуплах и щелях деревьев, он имеется в большем изобилии. Суда из Каффы везут его в Татарию, где из него и зерна приготовляют очень крепкий напиток...“ (указ. соч., стр. 145).

В другом месте Шардэн отмечает еще, как экспортный товар, „шкурны ланей и тигров...“ (олений и барсов, А. Ф.)

Пейсонель на первое место среди экспортных товаров выдвигает самшит, „который обменивается на соль, вес на вес, так что груз соли дает груз самшита...“ Кроме самшита Пейсонель подчеркивает экспорт воска, которого по его словам, „из Абхазии вывозится громадное количество по очень выгодной и крайне низкой цене... воск продается неочищенным и при очистке его около 20% идет на убыль“, но тем не менее сам Пейсонель лично встречал купцов, разбогатевших исключительно на Абхазском воске.

Дюбуа также много говорит в первую очередь о самшите и вообще об эксплуатации лесосырья. Он указывает:

„Нет страны более богатой лесом, чем Абхазия. Лес можно получать везде на побережье, начиная от Сухума до устья Ингура, в особенности за мысом Искурия и в Илори. Кроме самых обыкновенных пород—дуба, граба, бука, ели и сосны там имеются великолепные ясени, громадные тисовые деревья с древесиной красного цвета, необыкновенных размеров грушевые деревья, самшит, каштаны и пр...“ (указ. сочин., стр. 289).

Дюбуа особо подчеркивает прекрасные качества абхазского самшита, отмечая, что и в его время

„самшит попрежнему один из главных предметов торговли Абхазии и нигде нельзя найти такого прекрасного самшита и по такой дешевой цене. Самшит растет, как я уже говорил, до самого берега моря, в лесах у Бомбора, но лучший находится в ущельях внутри страны и у подножья гор...“

И во времена Дюбуа (начало XIX века) самшит продавался на вес и, по преимуществу, обменивался на соль. Однако, соотношение уже было иное:

„Самшит обменивают из расчета 30 фунтов соли за центнер самшита, который абхазы доставляют на берег моря, где его взвешивают...“ (там же, стр. 271).

Таким образом, если в XVII-XVIII веках самшит обменивался на соль из расчета 1: 1, то в начале XIX века эта пропорция составляла уже 1: 8 в пользу соли.

Это объясняется с одной стороны—падением цены на самшит, вследствие интенсивной эксплуатации его массивов,

с другой—ограниченным в результате военных действий русского флота импортом крымской соли.

Кроме вышеперечисленных предметов экспорта, с берегов Абхазии вывозилась в незначительном количестве серебряносвинцовая руда, а позднее к концу XVIII века, из южной Абхазии начался вывоз кукурузы.

Работорговля.

Центральное место в береговом обмене занимала работорговля на протяжении ряда столетий. При этом, с течением времени ее значение не только не ослабевало, а наоборот, возрастало, вплоть до середины XIX века, когда на побережье Черного моря утвердил свою монополию Российский торговый капитал, не заинтересованный в этой отрасли торговли. Эта незаинтересованность объяснялась, конечно, не моральными побуждениями, а просто-напросто в силу того, что российский купец обслуживал сначала — потребности крепостнического хозяйства руссиких помещиков, не нуждавшихся в рабском труде, стремившихся и своих рабов (холопов) посадить на землю да еще и перевести на оброк, а затем—потребности нарождавшейся национальной индустрии, основанной на вольнонаемном труде.

Особенный расцвет работорговля приобрела на восточном побережье Черного моря как-раз в эпоху Турецкого протектората, ибо посредническая деятельность торгового капитала, оперировавшего на Черноморских рынках, базировалась именно на производстве такого рода и таких стран, где труд рабов играл значительную роль.

„Полуфеодальное“ хозяйство Ближнего востока (Египет, Сирия, Турция, Персия) и Крыма в огромном количестве поглащало труд рабов, наряду с крепостнической эксплуатацией крестьянства.

Рабы обрабатывали поля, плантации и сады Малой Азии, Румелии, Египта.

Рабы добывали соль в Крыму, мрамор в Карраре,

Рабы служили гребцами на купеческих фелюгах и военных галерах, бороздивших земли Средиземноморья.

Рабы строили величественные дворцы и мечети Стамбула, мосты, дороги, военные бастионы, окаймлявшие рубежи обширной Оттоманской империи.

Рабы грузили торговые караваны на пристанях Александрии, Каффы, Смирны, Стамбула,

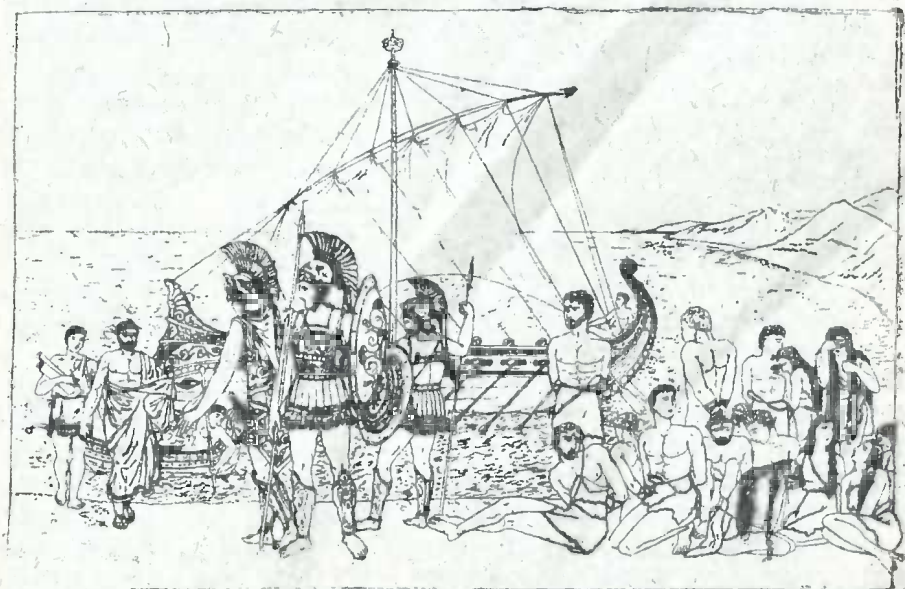
Рабы охраняли серали пащей, служили домашней прислугой в домах феодально-бюрократической знати, а избранные красавицы-рабыни нередко попадали в гаремы султана.

нов и его сатрапов, пополняя контингент их многочисленных жен и наложниц.

По словам Шардэна, ежегодно с берегов Абхазии и Черкесии вывозилось до **12 000** рабов.

Исключительное преобладание работорговли в системе берегового обмена объясняется также и тем, что она более чем какая-либо другая отрасль торговли, соответствовала структуре натурального хозяйства феодальной Абхазии не только не подрывая, но наоборот, укрепляя его устои, покоившиеся на внеэкономическом принуждении, на бесправии трудового народа и произволе эксплуататоров.

Маркс отмечал, что система рабства всегда сохраняет элементы натурального хозяйства, потому, что „самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы посредством войны, морского разбоя, и т. д., и этот разбой в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя натуральное присвоение чужой рабочей силы посредством прямого физического принуждения“... („Капитал“, том II, стр. 349).

Работорговля на берегах Абхазии в эпоху античной колонизации.
(ориг. рис. худ. Чачба).

Работорговля в Абхазии имела глубокие исторические корни, залегающие еще в вассальных отношениях Абхазских племен в эпоху античной колонизации, которые обязывались завоевателями данью в размере нескольких десятков, а то и сотен рабов.

Дюбуа справедливо замечает:

„Во все времена древняя Зихия, нынешние берега Черкесии и Абхазии, была рынком рабов: это продолжается уже многие тысячи лет. Можно сказать, что миллионы жителей были таким образом проданы и увезены в другие страны. Страбон, Прокопий, Интериано и все современные авторы говорят о торговле рабами“. (Указ. соч., стр. 124).

Источником работоторговли были феодальные набеги и войны. Военнопленных приводили к пунктам берегового обмена, где и продавали „турецким“ купцам. Проданный в рабство пленный не только лишался всех социально-политических прав, но и терял элементарное человеческое достоинство.

Купец рассматривал раба, как вещь, на покупку которой он затратил определенные средства с надеждой извлечь высокую прибыль.

Положение рабов на купеческом корабле приводило в содрогание даже современников, в достаточной мере привыкших к жестоким и диким нравам эпохи.

Шарден очень ярко передает свои впечатления о пребывании на торговом судне, груженном рабами, закупленными в бухте Исфаур:

Я был вне себя от радости, когда почувствовал, что нахожусь за пределами корабля, смрад которого я не в силах был более испытывать, а также видеть ту жизнь и ту низость, которая имела там место.

Каждый вечер заковывали в цепи мужчин по двое, а также и мальчиков. По утрам с них снимали цепи.

Этот звон, производимый цепями, лишал меня возможности покоя и это событие повергало меня всегда в печаль.

По утрам мы всегда могли видеть неизбежные огни на берегу. Это был сигнал о том, что там находились люди, которые привели рабов для продажи или имели другие товары. Туда посылали лодку и те, что хотели взойти на судно, садились в лодку со своим товаром, входили на борт судна и производили свое торжище.

На нашем корабле было 40 рабов в то время, как я покинул его. Капитан, купцы — турки и христиане обменивали их на оружие, одежду и другие товары. Они давали то, что у них спрашивали, но считали вдвое дороже, чем им стоило самим. Мужчины от 25 до 40 лет обходились им только в 15 экю. Красивые девушки от 13 до 18 лет — 20 экю, другие дешевле, женщины — 12 экю, дети — от 3-х до 4 экю.

Один греческий купец, каюта которого была рядом с моей, купил женщину с грудным ребенком за 12 экю.

Женщине было не более 25 лет, черты лица ее были восхитительной красоты и кожа цвета подлиной лилии. Я никогда не видал более прекрасных закругленных грудей и такой нежной кожи. Эта прекрасная женщина вызывала во мне одновременно и желание и сострадание к себе.

Что более всего приводило меня в изумление, это то обстоятельство, что эти несчастные существа не были подавленными и не чувствовали всего несчастья своего положения.

Как только их покупали, с них снимали лохмотья, которыми они были прикрыты. На них надевали новую одежду и заставляли работать. Мужчин и мальчиков заставляли исполнять работы на судах, женщин и девочек заниматься шитьем...принуждая к работе ударами палки (Указ. соч., стр. 12).

Цены на рабов, указанные Шардэном, несомненно можно принять, как весьма ориентировочные, ибо они были подвержены сильным колебаниям.

Пейсонель по этому поводу высказывается гораздо более осторожно:

„Рабы представляют собою товар, цену которого определить невозможно, т. к. между ними встречаются люди всех возрастов, начиная с детского до самого дряхлого.

Различные цели для которых они предназначаются, пол, красота, возраст, стройность, способности, физическая сила, состояние здоровья, играют очень важную роль при определении стоимости рабов.

Вообще их ценность колеблется от 60 до 5.000 пиастров“ (указ. сочин., стр. 177).

Однако, можно констатировать, что подростки, молодые юноши и девушки ценились дороже, чем остальные.

На всем побережье Абхазии подросток 10-12 лет в 5-6 четвертей¹⁾ ростом служил мерилom стоимости, что оправдывает замечание Маркса о том, что „люди нередко превращали самого человека, в образе раба, в первоначальный денежный материал“ (Капитал, I, стр. 45).

Береговая торговля, чаще всего имевшая характер случайного натурального обмена, характеризовалась тем, что стоимость какого угодно товара легко воплощалась в стоимости любого другого товара.

Шарден указывает:

„Вся торговля происходит путем обмена на базарах, которые бывают поочередно на той и другой стороне, где

¹⁾ по абх „ахиэза-фэза

запасаются всем необходимым, дают товар за товар. Деньги не имеют определенной стоимости. Деньги, имеющие здесь обращение, суть пиастры, голландские экю и абассы, которые представляют собой монеты, сделанные в Грузии, но персидской чеканки"... (там же, стр. 145),

В этих условиях, при неразвитых формах обмена, на фоне процветающей работорговли, естественно, главным претендентом на роль всеобщего эквивалента могли быть рабы.

По мере развития, замкнутого в определенные локальные границы, берегового обмена рабы и выделились, как „специфический товарный вид, с натуральной формой которого общественно срастается эквивалентная форма" (Маркс).

Подросток в 5-6 четвертей ростом, называемый по абхазски „худза-фыдза", стал функционировать, как денежная единица, служа разменной монетой.

Один „худза-фыдза" приравнялся по стоимости одной верховой лошади или 10-15 быкам. Прочие товары также расценивались, исходя из этой единицы измерения. За одного „худза-фыдза" можно было получить взрослого мужчину плюс пару быков или другой „привесок".

Если процесс обмена происходил даже без непосредственного участия „худза-фыдза", то во всяком случае он оставался мерилем стоимости заочно: „это ружье стоит два „худза-фыдза" — как же ты предлагаешь мне за него всего 15 быков"...

Но „худза-фыдза" по своей природе не был особенно удобен для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, не обладая необходимыми для этого качествами неизменяемости, прочности, однородности, делимости, портативности, почему роль всеобщего эквивалента у него оспаривал скот, а впоследствии еще более успешно — металлические деньги.

Пути и центры береговой торговли.

Эта торговля была преимущественно посреднической и значит обслуживала самые разнообразные местности, зачастую весьма удаленные от Абхазии, которая представляла как бы узел перекрещивающихся торговых путей.

Береговые связи были чрезвычайно нерегулярны, часто порывались, благодаря постороннему воздействию, но все же можно проследить те тонкие нити, что связывали побережье Абхазии посредством берегового обмена с далекими заморскими странами. Паутина посреднической деятельности черноморских купцов захватывала рынки, на первый взгляд ничем не связанные между собой и на бере-

говых базарах Абхазии можно было встретить товары не только со всего Ближнего Востока, но и почти со всей Европы.

Береговые рынки Абхазии в то время открывали свои ворота на Запад, отгораживаясь с Востока стеной враждебного равнодушия.

Восток был недвижим.

За Главным Кавказским хребтом лежали мелкие раздробленные владения черкесских и кабардинских феодалов, бесконечно враждующих между собой и с абхазами, перегородивших рогатками феодального произвола бывшие транзитные тропы на Северный Кавказ, поджидающих у подножья перевалов, когда откроется возможность пограбить и похитить, напасть, уничтожить.

На юго-восток от Абхазии расстилались долины Риона и Куры, где звенели когда-то мечи воинов Баграта, Давида, Тамары, где когда то один за другим двигались торговые караваны через цветущие селения, ярмарки и города. Но теперь, в XVI-XVII веке, эти долины опустели, мечи знаменитых абхазо-картвельских полководцев давно ржавели в могилах, караванные пути заросли сорняками, феодальных междоусобиц владетелей карликовых государств — лоскутков могущественной в прошлом Грузии.

Западная Грузия, через которую проходили когда-то великие торговые пути из Персии в Византию, в результате падения последней в конце XV века, подверглась полному экономическому оскудению.

Шарден отмечает, что Кутаис — еще недавно оживленный, цветущий город, важный торговый центр, славившийся своими богатыми ярмарками и обширными базарами в 1673 года едва насчитывал 200 домов населения, превратившись в большую деревню, хотя он и оставался столицей Имеретии.

С востока ждать было нечего, кроме дыма горевших селений, запаха тления и трупного смрада.

А в то же время с Запада все чаще прибывали купеческие корабли под турецким флагом, на Западе раскрывались еще неизведанные, но широкие экономические горизонты, оттуда долетали до берегов Абхазии атлантические ветры и сквозь дымку морского тумана мерещились силуэты испанских каравелл, покоривших океан, чтобы достичь полу-легендарного Нового Света и завоевать сказочные богатства неизведанной страны, открытой предприимчивым генуэзцем Христофором Колумбом.

Ворота береговых Абхазских рынков все шире открывались на Запад.

Купеческие корабли к берегам Абхазии шли по двум основным направлениям: из Каффы вдоль берегов Черкесии и из Стамбула через Синоп—Трапезунд вдоль анатолийского побережья.

Но Стамбул и Каффа не были отправными точками. Это были передаточные пункты, крупные транзитные узлы, а нити торговых связей тянулись дальше.

В Каффе перекрещивались пути из Акмечети, Бахчисарая и остальных центров Крымского ханства. Из Каффы протягивались нити посреднической торговли: через Тамань—в ногайские и калмыцкие степи, на Волгу, по Дону—в Россию, через Молдавию—в Польшу, по Дунаю через Валахию и Венгрию до Богемии и Германии, через Бургас—в Балканские страны.

В Стамбуле бухта Золотого рога кишела торговыми судами, сновавшими меж островов Мраморного и Эгейского моря, приходившими с голубых средиземноморских просторов. Сюда тянулись широкие водные дороги из Смирны и Салоник, с берегов Сирии (Бейрут и Яффа), из Каира и Александрии, из Венеции и Марселя, Албании, Далмации и Туниса, протоптанные караванные пути из глубин Малой Азии и с Балканского полуострова.

На Стамбульскую магистраль выходили у берегов Анатолии купеческие корабли из Трапезунда, Синопа и Гониэ, принимавшие на борт товары, шедшие по вьючным тропам из Месопотамии и Персии.

Через Каффу к берегам Абхазии направлялась Крымская соль, оружие и металлические изделия из Богемии и Германии, из Стамбула шли сафьян и крашенные кожи, смирнские пряности, (инжир, перец, инбир) и благовония, сирийское оружие (дамасская сталь), казанлыкское розовое масло, ямбольские ткани, каирские полотна, французский порох, венецианское стекло и пр.

В Трапезунде и Синопе к этому грузопотоку присоединялись персидские ситцы, ковры и шелка, дорогие восточные сукна.

Вот каким разнообразием товарного ассортимента блистала береговая торговля.

Центрами берегового обмена являлись обычно небольшие бухты или чаще всего устья рек. Обширные бухты, как, например, Сухумская не удовлетворяли требованиям тогдашнего мореплавания, ибо скромные парусные или

требные суда не находили гарантий безопасных стоянок на таких открытых и просторных рейдах.

Но небольших закрытых бухт на побережье Абхазии почти не было, т. к. ее береговая линия, как известно, изрезана весьма слабо. Вот почему купеческие галеры отдавали предпочтение устьям рек, которые были удобны еще и потому, что речные долины и ущелья представляли собой естественные транзитные проходы вглубь страны, чем ускорился самый процесс обмена на береговых торжищах.

Несмотря на то, что встреча приезжавших купцов с местным населением и каждый отдельный факт обмена товаров на берегу были сами по себе явлением на первый взгляд случайным, тем не менее повторение этих случаев и накопление опыта в обращении товаров, в итоге локализовало береговой обмен в определенных территориальных пунктах.

В XVI-XVIII столетиях на побережье Абхазии крупнейшим рынком был Исагур (Искурия, Скурча), который Арканджело Ламберти прямо называет „туркче эмпориум“, что значит „турецкая фактория“. Этот рынок был расположен на Восток от кодорского мыса на берегу небольшой бухты, соединенной узким каналом с маленьким озером, представляющим как бы вторую внутреннюю бухту.

В те времена, когда техника мореплавания в меньшей степени могла противостоять капризам и коварству Черного моря, естественные данные маленькой, тесной для современных теплоходов, но достаточно вместительной для парусных фелюг и галер, хорошо защищенной Скурчинской бухты были весьма благоприятны для стоянки торговых судов.

Кроме того, выдвигению Исаурского рынка способствовало и то обстоятельство, что он служил конечным пунктом важнейшего для Абхазии транзитного торгового пути по реке Кодор через Цебельдинское плоскогорье и ущелье Дал к Марухскому и Клухорскому перевалам и дальше—на Северный Кавказ, в долины Зеленчука и Теберды.

Значение этого пути очень образно показывает Д ю б у а, говоря:

„Ущелье М а р у х — один из древнейших путей сообщения Кавказа: через этот путь, большей частью, распространялась цивилизация с одного склона (Главного хребта) на другой и производилась торговля. Некогда Абхазия, окаймленная греческими колониями, цветущая подобно саду, бла-

годаря развитой торговле, покрытая городами, замками, церквями, являлась самым драгоценным камнем в короне королей Грузии, и в то время Цебельда была ее Симплоном“.. (Указ. соч. стр. 320).

Наконец, не исключена возможность, что росту значения Исфаура содействовала и историческая традиция. Если допустить, а это самый вероятный вариант, что на берегу Скурчинской бухты в свое время процветала знаменитая Диоскурия, то несомненно надо учесть историческую преемственность в отношении выбора места для рынков, которую итальянские и „турецкие“ купцы получили от своих византийских и античных предшественников.

Что же представлял из себя Исфаур, этот важнейший центр берегового обмена в Абхазии?

Шардэн, посетивший его в 1672 г., дает довольно полную картину.

„10 сентября мы прибыли в Исфаур... Там находилось 7 больших судов. Прежде всего, наш капитан поставил свое судно на 4 якоря—по два на носу и на корме, и сложил на суше мачты и снасти.

Исфаур — пустынное место, без жилья. По мере того, как приезжают купцы, там строятся хижины из ветвей деревьев, в том случае, если считают себя в безопасности от абхазов, что бывает редко“... (указ. соч., стр. 119).

Далее Шардэн снова возвращается к описанию Исфаура.

„Как только наше судно вошло в бухту Исфаура, я сошел на берег, вместе с купцом греком, меня сопровождавшим. Я надеялся увидеть там дома и найти немного продуктов, и какую-либо помощь: эта надежда имела основание, т. к. я видел семь судов в порту, но я был очень обманут в своих ожиданиях—ничего этого я не нашел.

Берег Исфаура весь покрыт лесом. (Недалеко) от берега имеется площадь в 250 (метров) длины и 50 ширины. Это—большой рынок. Там есть одна улица, имеющая с каждой стороны сотню маленьких хижин, сплетенных из ветвей деревьев. Каждый торговец берет себе одну из этих хижин. Они проводят там ночь, но держат в лавке только те предметы, которые могут быть проданы в течение 2-3 дней.

Купленные вещи, а также и те, которые нельзя надеяться продать быстро, сохраняются на судне, вследствие недостаточной безопасности на суше. На рынке не было ничего другого, а также не видно было ни одного (жилого) дома. Я был крайне изумлен и огорчен, не найдя там ни какой провизии, (между тем как) наша собственная уже приходила к концу; и увидев там закованных в цепи рабов и с дюжину оборванцев с луками и стрелами в руках, возбуждавших страх...» (там же, стр. 3-4).

Описание Шардэна подтверждает и Пейсонель, видевший Исфаур 80 лет спустя в 1750-х годах.

„Открытая бухта, не безопасная для стоянки больших судов. Здесь нет ни города, ни деревни, но множество отдельных домов рассеяно на 3-4 мили в окружности“ (Т. II, с. 8-10).

Таков был Исфаур—самый крупный центр берегового обмена. Остальные пункты причала и стоянки торговых судов на побережье Абхазии еще менее напоминали рынки обычного городского типа.

Устья рек Гудава, Дгамыш, Келасури, Бомборская и Пицундская бухты не имели на своих берегах крупных поселений. Меркульский и Илорский базары скорее служили местами для сельских ярмарок.

Тем не менее, эти пункты с течением времени сделались обычным убежищем для купеческих кораблей и находились под наблюдением со стороны жителей окрестных селений, которые распространяли весть о прибытии купца вглубь страны, вызывая на побережье всех имеющих потребность в обмене.

Подобный внешний вид центров берегового обмена полностью соответствовал его содержанию и структуре.

Береговая торговля Абхазии определялась, главным образом, посреднической деятельностью „турецкого“ торгового капитала.

Купец, плававший под турецким флагом и пользовавшийся его защитой, откупаясь пошлинами и налоговым сбором, легко приобретал право свободных операций на побережье с целью личной наживы и добычи тысячеконцентной прибыли.

Турецкая колонизация не преследовала цель иммиграции в Абхазию избыточного населения из метрополии в противоположность хотя-бы античной колонизации, когда колонисты прочно оседали на побережье.

Турецкая колонизация не подрывала основы феодального способа производства, который продолжал господствовать в Абхазии.

Турция прежде всего стремилась обеспечить свою идейно-политическую гегемонию, подкрепляя свой протекторат организацией военных форпостов и пропагандой ислама, довольствуясь получением дани и монополией в посреднической торговле, предоставлявшей рабочую силу (рабы) и сырье (самшит, пушнина, и пр.), а также служившей добавочным источником доходов для государственной казны (пошлины и сборы).

Эти особенности турецкой колонизации, определявшие и характер посреднической торговли этой эпохи, являлись прямым следствием специфичности той общественно-экономической формации, которая господствовала в Турции и которую Энгельс метко окрестил термином „полу-феодализм“. (Письмо Марксу от 22 дек. 1882 г.).

Эта особая разновидность феодализма характеризовалась тем, что частная собственность на землю в значительной степени была „сконцентрирована в национальном масштабе“ и государство выступало, как собирательный тип феодального эксплуататора.

Турция отличалась чрезвычайно сильной централизацией государственной власти, при чем эта централизация по преимуществу находила базу именно в транзитной торговле.

Исходя из этого характера колонизации, турецкие опорные пункты на берегах Абхазии — Сухум-Калэ и Бала-Даг (Гагры) до последнего времени XVIII в. имели характер только военных форпостов и хотя оберегали монополию „турецких“ купцов, но сами не являлись сколько-нибудь значительными центрами береговой торговли.

По словам Пейсона в середине XVIII века Сухум, основанный турками в 1578 году, представлял из себя

„небольшой городок, расположенный в бухте, куда пристают суда всякого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня и числится около 3.000 жителей, больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря.

Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками, гарнизон состоит из янычар под командой двухбунчужного паши... (указ. соч.. стр. 8-9).

К концу XVIII века значение Сухума для береговой торговли возросло, в связи с тем, что он стал резиденцией Абхазских владетелей, население увеличилось до 6.000 человек, базар расширился и город принял довольно благоустроенный вид. Но это был весьма кратковременный период в истории города, ибо в 1810 году он был разрушен до тла русской артиллерией и предан мерзости запустения.

Маленькая Гагринская крепость была, разумеется еще меньше похожа на торговый центр и кроме нескольких хижин не имела близь своих стен никаких поселений.

Подводя итоги, приходится констатировать, что в XVI-XVIII столетиях в эпоху турецкого протектората центры береговой торговли по своему внешнему облику, по величине товарооборота и населенности значительно уступали торговым центрам эпохи Генуэзской, Византийской и античной колонизации на берегах Абхазии.

И не удивительно, что после сравнительного обзора их, Дюбуа патетически восклицает:

„Какая разница между этой бедной, несчастной Абхазией наших дней (20-е годы XIX века, А. Ф.) и той блистательной гирляндой греческих колоний, которые окаймляли ее берега в былые времена...“
(указ. соч., стр. 263).

Разница была действительно огромная и настолько же различно было влияние берегового обмена этих двух эпох на внутреннюю социально-экономическую структуру Абхазии.

Специфика развития феодализма в Абхазии заключалась в замедленном темпе роста производительных сил, в отсутствии ярко выраженного отделения ремесла от земледелия, в отсутствии рынков городского типа, в живучести элементов родового строя, сохранившихся в системе феодальных отношений.

Эти специфические черты в значительной мере являлись продуктом воздействия береговой торговли и береговой колонизации.

Береговая торговля была прежде всего посреднической торговлей. Эта торговля основывалась, главным образом на „варварстве производящих народов“ (Маркс), следствием чего и являлась высокая норма прибыли...

Довольствуясь вассальной зависимостью абхазских владетелей, утверждением торговой монополии и получением дани, турки не имели необходимости ломать производственные отношения, которые они застали в Абхазии. Маркс в свое время особо подчеркивал эту черту турецкой колонизации; указывая, что;

„При всех завоеваниях возможен тройкий исход. Народ-победитель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он **оставляет существовать старый и довольствуется данью** (например, турки и римляне) или имеет место взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)“ („К критике полит. экономики, ГИЗ, 1931, стр. 66).

Колонизаторы и купцы в эпоху турецкого протектората (XVI-XVIII столетия) были заинтересованы в консервации способа производства в Абхазии на наиболее низком уровне, ибо именно это обеспечивало расцвет посреднической торговли.

Но прямым следствием отсюда вытекало слабое, замедленное развитие производительных сил внутри самой Абхазии.

Земледелие в холмистой полосе начало уже преваливать над скотоводством, но земледельческая техника оставалась на чрезвычайном низком уровне.

Взрыхляя деревянной сохой-рогулей ничем не удобряемую, отвоеванную от леса, землю, зачастую ограничиваясь мотыжной обработкой вручную без применения тягловой силы, бороня пашню пучком хвороста, утяжеленного камнями, абхазский крестьянин сеял гоми (просо), лобио (фасоль), ацыца (редька), лук, чеснок и прочую зелень. Позднее в XVIII веке появилась кукуруза, на ряду с гоми, занявшая место основного хлебного злака. На обработку одного гектара кукурузы уходило не более 60-70 трудодней в год.

Скотоводство попрежнему имело крайне экстенсивный характер. Близость горных пастбищ, куда скот гонялся летом, и в то же время теплая, почти бесснежная зима, свойственная холмистой полосе, не вызывали необходимости в создании искусственной кормовой базы—скот круглый год находился на подножном корму.

Техника виноградарства не подвинулась вперед в течение целых столетий и виноградная лоза—очень древняя культура в Абхазии продолжала обвиваться вокруг ольховых деревьев без всякого ухода.

Также почти без специального ухода произрастали вокруг поселений фруктовые и ореховые деревья.

Собирание дикорастущих плодов, добыча меда у диких пчел, охота—все эти отрасли не далеко ушли в своем развитии от первых этапов присваивающего хозяйства.

Соответственно примитивности форм экономической деятельности крайне простым было и жилище абхазского крестьянина, представлявшее собой легкую постройку, плетеную из прутьев рододендрона, с конусообразной крышей, накрытой папортником и сухой травой. Постройка такого жилища была доступна каждому и не требовала привлечения специалистов плотников и печников, держалась очень долгое время, предохраняя от зимних дождей и одновременно от летнего зноя.

Одежда находившаяся в массовом употреблении, была также чрезвычайно проста. Черкеска и башлык являлись характерным костюмом только для высшей прослойки „чистых крестьян“. Более распространенной крестьянской одеждой был грубый бешмет (акабакяч), длинная рубаха, войлочная конусообразная шапка и чусты из сы-

ромятной кожи, а у женщин—длинное простое платье и безрукавка. Рабы и крепостные зачастую ходили почти совершенно голыми, прикрывшись кожаным фартуком (аку-ахча) или бефсорменными лохмотьями.

Необычная ровность и мягкость климата, отсутствие резких отличий между временами года исключали необходимость дифференциации одежды на летний и зимний костюм.

Материалом для одежды служил лен, реже хлопок и шерсть.

Посуда делалась из глины или выдалбливалась из дерева, при чем чаще всего преобладал последний способ благодаря окружавшим поселки лесным богатствам.

Изготовлением одежды, посуды, несложной мебели занималась почти каждая семья. Во всяком случае, все предметы домашнего обихода могли быть изготовлены, благодаря их примитивности и повсеместному наличию сырья в каждой крестьянской семье, не вызывая нужды в специализации, а стало быть в отделении плотничьего столярного, портняжного, сапожного и гончарного промысла от земледелия.

Если где и намечалась тенденция к выделению ремесла, так только в металлдобывающих и металлообрабатывающих промыслах.

Процесс добычи металла на месте был очень тяжел и поэтому доступен далеко не каждой семье, а кроме того источники сырья этого рода (залежи руды) были локализованы в определенном пункте, вследствие чего далеко не все жители могли ими воспользоваться.

В Абхазии пробовали добывать и порох из смеси сухого козьего кала (селитра), серы и особого растения— „харчил“ („агацџи“).

Но ни добывающийся свинец и медь, ни самодельный порох, благодаря своему низкому качеству и ограниченному количеству, не могли удовлетворить быстро растущий спрос на оружие и боеприпасы, что заставляло обращаться к посредничеству приезжающих с моря купцов.

Именно—оружие и боеприпасы, а также и соль, запасов которой в Абхазии не было совершенно—это были самые слабые звенья в цепи натуральной системы хозяйства феодальной Абхазии.

Но обмен не был еще законом развития этого хозяйства, которое оставалось в целом еще вполне натуральным. Внутренний обмен был развит очень слабо, прикрываясь

чаще всего формой „дарения“. Внешний обмен служил на первых порах лишь отдушиной, через которую удовлетворялся спрос на такие продукты, как оружие и соль, и таким образом не противоречил натуральным отношениям, твердо державшимся внутри Абхазии.

Более того, поскольку в основном потребности крестьянства и эксплуататоров-феодалов удовлетворялись собственным производством, а добавочный спрос на оружие и предметы роскоши со стороны князей и дворян всегда встречал в любом размере предложения со стороны приезжих купцов, следовательно посредническая береговая торговля в этом смысле укрепляла натуральные формы хозяйства и консервировала существовавшие в Абхазии производственные отношения.

В течение столетий, почти до самого XVIII века, „мелкое земледелие с его подобной домашней промышленностью“ было непоколебимой основой феодального способа производства в Абхазии. В консервации данного способа производства не малую роль играл иностранный посредник-купец, стремившийся затормозить развитие производительных сил страны, замедлить темп ее культурно-политического роста, не допустить зарождения национальных элементов буржуазной формации в недрах абхазского феодализма.

Развитие торгового капитала в рамках феодального способа производства может происходить только на основе феодальных форм эксплуатации.

Это между прочим, отрицала троцкистская оппозиция в дискуссии по китайскому вопросу. На это ясно указывал тов. Сталин:

„Оппозиция не видит, что своеобразие китайской экономики состоит не в проникновении купеческого капитала в деревню, а в сочетании **господства** феодальных пережитков с существованием купеческого капитала **при сохранении** феодально-средневековых методов эксплуатации и угнетения крестьянства (Сталин „Об оппозиции“ стр. 618)

Именно возраставшая эксплуатация трудового населения страны феодальными владельцами и иноземными хищниками—колонизаторами не давала возможности ее экономике развиваться соответственно богатейшим природным возможностям.

При господстве натурального хозяйства, разумеется, и прибавочный продукт труда зависимого крестьянина присваивался феодалом в натуральной его форме.

Князь или дворянин, хотя и не вел непосредственно обширного хозяйства, однако, обеспечивался в избытке не только продовольственными продуктами (хлеб, вино, мясо, фрукты), но и продуктами домашних крестьянских промыслов (льняные, а иногда и хлопчато-бумажные ткани, шерсть и шерстяные изделия, ковры, посуда, оружие и пр.)

Но с течением времени, по мере накопления отчужденного у подвластных крестьян прибавочного продукта, потребности феодала росли. Возможность постоянного удовлетворения этих растущих потребностей, посредством берегового обмена, в свою очередь стимулировала данный процесс.

Рост потребностей абхазских феодалов вызывал: во-первых, учащение актов берегового обмена и увеличение оборотов береговой торговли, во-вторых — повышение нормы эксплуатации, расцвет военно-феодального грабежа с целью прямого захвата рабов, как самого распространенного предмета торговли.

Работоторговля увеличивала феодальную ренту. Развитие берегового обмена сближало интересы абхазских феодалов и иностранных купцов. С течением времени князья и дворяне привыкли рассматривать береговую торговлю, как источник добавочных доходов.

Работоторговля была весьма выгодным занятием. Рабы всегда доставались без большого труда путем вооруженных набегов на соседей внутри Абхазии или за ее пределами. Все захваченные в плен составляли, конечно, собственность князя — организатора и предводителя набега, и поэтому поставщиками рабов на береговые рынки, обычно, являлись феодалы. Захваченных в плен обращали в рабство, но не всегда сразу продавали.

Каждый военный набег сопровождался все-таки известным риском и потому нельзя было часто прибегать к этому способу воспроизводства живого товара. Гораздо безопаснее был способ естественного воспроизводства рабов, путем деторождения.

Дюбуа отмечает, что

„желая иметь рабов для продажи, они (феодалы, А. Ф.) принимались за это дело заранее... Захватив пленников, пиратствуя по морям, воюя с соседями или же грабя в Имеретии и Черкессии, они спешили поженить тех рабов и рабынь, от женитьбы которых они ожидали наибольшей прибыли; но как только у них рождались дети, их отнимали от родителей и воспитывали отдельно до того

времени, пока являлась возможность выгодно продать их. Эти несчастные пленники были настоящими производителями детей!!! (указ. соч., стр. 258).

Во всяком случае, захват рабов и воспроизводство рабов для обмена сделалось важной отраслью хозяйственной деятельности абхазских феодалов.

Но кроме рабов, предметами экспорта из Абхазии служили: лесо-сырье (в первую очередь самшит), пушнина, мед и воск. Эти товары доставлялись феодалу подвластными крестьянами. По мере роста потребностей феодалов во внешнем обмене мы наблюдаем поэтому увеличение натуральных приношений и усиление трудовых повинностей. Иллюстрацией могут служить примеры, характеризующие порожденное вышеуказанными потребностями стремление феодалов к захвату общинных лесов и пастбищ. Кодорские Чачба (Шервашидзе), владельцы Абжуйской (Срединной) Абхазии, резиденцией которых были селения Кутол и Тамыш, в XVIII веке пытались захватить большой Джгердинский лес. Бзыбские Чачба монополизировали право рубки и вывоза самшита в Бзыбском ущелье, при чем последовательность экспроприации была такова: сначала запрещена была охота в данном лесу, затем для охраны от браконьеров владельцы поселили там сторожей, и наконец, об'явили о запрещении порубки и вывоза леса.

Не случайными были также и тенденции владетельных князей захватить свободные до того сельские общины высоких предгорий, населенные преимущественно охотниками и пчеловодами. В середине XVIII века, например, бзыбские Чачба добились захвата сел. Отхара, расположенного у подножья Чедымского хребта, жители которого были обязаны натуральными приношениями продуктов охоты и пчеловодства.

Повышение нормы эксплуатации ярче всего выразилось в усилении крепостнических элементов феодальной зависимости.

Одновременно, падает патриархальная оболочка с натуральных приношений, которыми были обязаны „чистые крестьяне (анхайюцкиа): если раньше они принесли продукты по праздникам в новый год, на пасху, на рождество, в виде подарков своему „князю-батюшке“, с которым они часто находились в „родственных“ отношениях в силу обычаев усыновления (ахупхара, аюнадара) и воспитания (аатзара), то теперь сроки регламентируются, а об'ем и вес приношений нормируется. Кроме того, устанавливаются обя-

зательная трудовая повинность в размере 3-5 дней полевой работы на семью, что значительно отличается от прежней работы на поле владельца в форме „взаимопомощи“ (ацааӥ).

Жажда наживы, жажда накопления, порожденная береговой торговлей с иностранными купцами, привозившими невиданные заморские товары, обуяла абхазских феодалов, сбросивших маску патриархальности и обнаживших свое настоящее звериное лицо феодального эксплуататора, барщинника, крепостника.

В прошлом довольно примитивное хозяйство абхазского феодала приобретает новые функции (труд крепостных, торговые операции, и т. д.), усложняется и нуждается уже в известном разделении труда и специализации.

Крайне характерным фактом является стремление крупных феодалов, в частности — владетельных князей Чачба, специализировать подвластных крестьян на определенных промыслах, в особенности усовершенствовать металлообрабатывающие промыслы. Следствием этого было появление отдельных фамилий, из поколения в поколение занимавшихся по преимуществу одним и тем же промыслом — кузнечным (фамилия Жиба от „ажиаа“ — кузнец *), ювелирным („Ахиба“ — золото **) и т. п.

С другой стороны, активное участие крупных феодалов в береговой торговле и усложнение структуры феодального хозяйства вызвало необходимость в специальных „управителях“ — приказчиках — мажордомах («акяхя») ***), на обязанности которых по преимуществу и лежала организация сбыта продуктов, предназначенных для обмена, на береговые рынки, заготовка сырья и закупка импортных товаров. Некоторые из этих „управителей“, пользуясь разницей цен и распоряжаясь в значительной степени бесконтрольно товарами, не забывали и себя, превращаясь в зажиточных и накопляя немалые богатства.

Этому способствовало и то, что должность такого „управителя“ обычно бывала наследственной.

Одним из таких „управителей“ были представители фамилии Квициния, служившие в этой должности у тамышских князей Чачба. С течением времени они накопили достаточные излишки, в конце концов почти эмансипировавшись от своих хозяев. Эти Квициния не только имели постоянное общение с „турецкими“ купцами, причаливавшими в устье р. Дгамыш, но и сами снаряжали караваны с стран-

*) абх. „аҭәи“

**) абх. „ахиә“

***) абх. „ақһһиа“.

зитными грузами вглубь страны в Джгерды, Чилоу, Атара и т. д., торгуя солью и оружием.

В XVII веке развитием береговой торговли и ростом товарности в хозяйстве крупных феодалов стимулируется и внутренний обмен.

Появляются внутренние рынки ярмарочного типа. Одной из первых таких ярмарок был базар в Илори, близ знаменитого по всей Абхазии, находящегося там, храма „святого“ Георгия, куда ежегодно собирались тысячи крестьян с разных концов страны.

На ярмарке в Илори, конечно, имели хождение по преимуществу товары, которые могли быть использованы затем для берегового обмена, или товары, купленные на побережье у приехавших купцов.

Все это — начиная от „кузнецов“ Жиба и тамышских „мажордомов“ Квициния до Илорской ярмарки — свидетельствует о признаках разложения натурального хозяйства Абхазии XVII века.

Такова диалектика истории. Береговая торговля, тормозившая в начале рост производительных сил Абхазии и консервировавшая феодальный способ производства, в конце концов породила явно противоположные тенденции, направленные к разложению феодализма, к появлению в недрах его эмбрионов капиталистической формации.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Захват Абхазии русским царизмом.

Абсолютистские тенденции „владельцев“.

Береговая торговля в значительной степени содействовала укреплению экономической мощи и усилению политического авторитета владельцев Абхазии-князей Чачба (Шервашидзе).

Резиденцией владельцев было селение Лыхны, а потомственным владением, своего рода, „вотчиной“ — Бзыбская Абхазия. Но родственникам владельца из фамилии Чачба принадлежал ряд пунктов и в других районах Абхазии. Вероятно, не случайно, что в их руках с течением времени оказались почти все пункты берегового обмена: Келассури, Тамыш, Очемчиры, Гудава, не считая Бомборы и Пицунды.

Лыхненские Чачба, в эпоху расцвета феодальных отношений занимали среди других феодалов положение „первых среди равных“, обладая в значительной степени номи-

нальной властью, а на деле пасуя перед могуществом своих „подвластных“ князей и дворян, признававших владетелей постольку, поскольку они имели большую силу.

Однако, по мере развития берегового обмена, владельцы накопили большие богатства на работорговле, на торговле самшитом и пушниной. Береговые базары к концу XVIII века давали им ежегодный доход в виде пошлин и сборов свыше 2.000 рубл. серебром. Владетели первые пользовались лучшими товарами, запасаясь оружием, золотом и другими драгоценностями, которые можно было с успехом употреблять, как средство подкупа в борьбе с „непослушными“ феодалами.

Наряду с возрастающей экономической мощью, укреплению власти владетелей содействовали политические обстоятельства, в частности покровительство Турции.

Это покровительство со стороны Турции, было конечно, вынужденным. Дело в том, что появившись на берегах Абхазии еще в XVI века турки в течение более 100 лет никак не могли обеспечить свое господство на побережье.

Мало того, что они не могли добиться аккуратной выплаты дани от абхазского населения, но зачастую дело доходило до того, что турецкие гарнизоны терпели длительную осаду и даже покидали Сухумскую и Гагринскую крепости в результате нападений со стороны абхазов. Турецкий протекторат над Абхазией превращался в протекторат над Сухумом и Гаграми, да и то довольно непрочный.

Турки решили крепче связаться с фамилией владетелей Чачба, переманить их всерьез на свою сторону, сделать их своими надежными вассалами.

Еще в первой половине XVIII века, три брата: Шерван, Сулейман и Зураб Чачба были отправлены в Стамбул „аманатами“ (заложниками) Один из них — Шерван впоследствии был назначен пашой в Батумскую крепость, а другой — Сулейман — в Сухум. В Поти тоже пашой сидел один из представителей гурийских Шервашидзе. Таким образом, комендантами всех важнейших крепостей на побережье служили члены фамилии Шервашидзе.

Однако, хотя Сулейман и был комендантом Сухум-Калэ, но это еще не значило, что через него турки могут распоряжаться Абхазией.

Турецкие дипломаты инсценируют одно восстание за другим, ссорят претендентов на Лыхненский „престол“ и в конце концов выдвигают владетелем Абхазии молодого Ахмед-Келеш-бея Чачба, утверждая его одновременно пашой

Сухум-Калэ, и, следовательно, наместником Порты оттоманской в Абхазии.

Этим Турция надеялась обеспечить незыблемость [своего протектората и наладить получение дани.

Располагая поддержкой Турции, обладая полученным в наследство богатством, Келеш-бей поставил задачей укрепить центральную власть во чтобы то ни стало. Видя первых своих врагов в лице крупных феодалов-князей Маршания, Кодорских Чачба, Эшерских Дзяпш-Ипа и др., Келеш-бей делает ставку на мелкое дворянство и верхушечную прослойку „чистых крестьян“, из которых он начинает вербовать своего рода служилых дворян, „дружинников“ — форсируя создание промежуточного сословия „ашнакма“.

После упорной борьбы он сокрушает главного соперника, своего двоюродного брата-Бекир-бея Чачба, принуждает к покорности цабальских князей Маршания и кодорских Ачба.

С эшерскими дворянами Дзяпш-ипа он справляется проще, убивая их в своем дворце, куда он пригласил их, якобы для переговоров.

Келеш-бей, разгромив наиболее непокорных из абхазских феодалов, переносит свою резиденцию из Лыхны в Сухум-Калэ, обосновывая свой авторитет турецкими пушками и ружьями янычар.

Обезопасив свой тыл с северо-запада союзом с джигетами (садзами) и убыхами, он обрушивается на Мингрелию, захватывая Анаклию и совершая несколько походов вплоть до самой Гурии.

В этой борьбе с мингрельским владельцем Григорием Дадиани Келеш-бей впервые сталкивается с представителями русского царизма, который к этому моменту уже успел аннексировать восточную Грузию и протягивал свою хищную лапу к Имеретии и Мингрелии, стремясь выдвинуть свои боевые аванпосты на берега Черного моря.

У Келеш-бея возникает мысль использовать вражду между Турцией и Россией, чтобы полностью освободиться от турецкого протектората и остаться полновластным государем в Абхазии. Он примиряется с Дадианами и начинает готовиться к самоопределению от Турции.

Князь Цицианов в письме к владельцу Мингрелии Григорию Дадиани от 30 июня 1803 года указывает:

„Дворяне Квинхидзе об'явили мне, что якобы Келеш-бек Шервашидзе, Абхазский владетель, ищет покровительства всероссийского престола, желая войти на вечные времена со всем владением своим

в подданство его императорскому величеству моему государю, и что будто-бы он никак не зависел от блистательной Порты Оттоманской..." (Акты К. А. К., II. 536).

А три года спустя сам Келеш-бей пишет князю Цицианову (1806 г.).

"Сиятельнейший князь, высокостепенный и великолепный генерал. По из'явлении Вам искренний моей дружбы, сообщу следующее, что высокостепенный трапезундский владелец Таяр-паша... ласкаясь найти убежище под сенью высокого России покровительства, приехал ко мне в дом., И хотя по просьбе моей Порты Оттоманская уничтожила действие фирмана о доносе (в отношении Таяр-паши, А. Ф.) но ежели-бы вновь последовало ко мне на выдачу помянутого паши повеление, в таком случае я не исполню оно, ибо он, паша желая быть под покровительством России, прибегнул в дом мой, а потому уже ни под каким видом не могу его выдать. Убежище его ко мне по сказанному случаю подает и мне причину прибегнуть к покровительству России, весьма для меня лестному. Покорно прошу Вас представить о том обстоятельстве Е. И. В. и употребить Ваше ходатайство... о том что... в случае могущего последовать от Порты Оттоманской притеснения не оставить нас от своей помощью и защищением"... (Акты К. А. К... III, 191).

Поводом к разрыву с Турцией послужил инцидент с мятежным трапезундским пашой Таяр-беем, попавшим в опалу у султана и нашедшим приют в Сухуме у Келеш-бея.

На требование Стамбула выдать Таяр-пашу, Келеш-бей ответил отказом и тотчас начал переговоры с царским генералом Цициановым (1806 г.) Но русское командование затягивает переговоры, не решаясь открыто сорвать перемирие, заключенное недавно с турками.

Оставшись один на один с Турцией, Келеш-бей, однако, не теряет времени и готовится к упорной борьбе так энергично, что когда турецкая эскадра, посланная для карательных мероприятий против Келеш-бея, 25 июля 1806 г. появляется у берегов Абхазии, то она встречает укрепленные бастионы Сухум-Калэ и 25.000 войска, расположенного поблизости на побережье.

"Юйрук - байкадар", начальствующий над эскадрой, решает "благородно ретироваться".

Об этом событии русский генерал Рыкгоф доносил Тифлисскому командованию в следующих выражениях (рапорт от 30 июля 1806 г.)

„Флотилия Турецкая, состоящая из 3 военных и 8 гребных судов для наказания Келеш-бека, мимо укрепления нашего, возведенного при устье р. Хопи, сего месяца 25 числа прошла к Сухуму и начальствующий оною эскадрой юйрук-байкадар был уполномочен по сему предмету... Келеш-бек себя к встрече с байкадаром совершенно успел приуготовить и, собравши 25-тысячный корпус, составленный из черкес и абазинцев, имел намерение защищаться до коле будет возможно и есть надежда, что стены Сухума и знатное число войск его не выдадут...“ (Акты К. А. К., III, с. 192).

Неудача турецкой карательной экспедиции очень подняла авторитет Келеш-бека, о чем сообщает барон Будберг графу Гудовичу в письме от 5 сентября 1806 г.

„Известия помещенные в депешах в. с. от 16 сентября с. г. о продолжающейся преданности к России Абхазского владельца Келеш-бека и о безуспешном возвращении турецкой эскадры от мингрельских берегов, обратили на себя особенное внимание Государя Императора“... (Акты, III, 193).

Это был расцвет могущества Келеш-бея. Почти год он один управляет независимой Абхазией. Теперь он уже охладел к России и царские генералы даже залодозревают его в „измене“.

Но вот наступает неожиданная развязка: 2 мая 1808 г. Келеш-бей был убит своим сыном Асланом, ставленником Турции.

Происшедший „дворцовый переворот“ открывает новую эру для Абхазии. Междуусобица детей Келеш-бея: Сафар-бея и Аслан-бея вызывает в стране политический кризис, заканчивающийся захватом Абхазии русским царизмом.

Блок русского царизма с абхазскими феодалами.

Разложение феодально-крепостнического способа производства под напором все глубже проникающих товарно-капиталистических отношений, заставляло правительство царской России активизировать свою внешнюю политику с целью военно-феодального грабежа и захвата обширных

территорий и новых тысяч крепостных рабов, с целью расширения сферы феодально-крепостнической эксплуатации.

Именно это вынудило правительство царицы Екатерины II начать активную захватническую политику на Юго-Востоке, в частности на Кавказе. Для захвата Кавказа царизм удачно избрал наиболее слабое звено в цепи Закавказских феодальных государств—Грузию. Первый удар не зависимости Грузии наносится заключением 24 июля 1783 года в гор. Георгиевске договора с грузинским (карталинско-кахетинским) царем Ираклием о том, что в области внешней международной политики Грузия становится вассалом России.

Восточная Грузия переживала тогда чрезвычайно тяжелый период своего исторического развития. Феодальное хозяйство было охвачено интенсивным процессом разложения. Но еще не созрели необходимые условия для буржуазной революции. В то же время ослабленное внутренними противоречиями феодальное грузинское государство не имело сил для сопротивления активным посягательствам со стороны Турции и Персии.

Грузинские феодалы, заключая договор 1783 года, просили у царицы Екатерины II помощи против своих могущественных южных противников, но посланный в Грузию с отрядом царских войск генерал Тотлебен сразу же поставил себя там не на положение союзника, а на положение хозяина-колонизатора.

В 1801 г. русский царизм окончательно захватывает Восточную Грузию, превращая ее в административную единицу „Российской империи“— этой подчинной „тюрьмы народов“.

Вслед за Карталией и Кахетией следует довольно легкий захват ослабевших раздробленных феодальных владений Имеретии, Джарии и др.

Одновременно выявляется и еще одна тенденция русского царизма в завоевании Закавказья, а именно—стремление получить Босфор и Дарданелы, т.е. выход из Черного моря, что было необходимо для вывоза помещичьего хлеба из южных губерний („Малороссии“ и „Новороссии“) на европейские рынки. Именно эта „дарданельская“ тенденция лежит в основе энергичного продвижения царских войск из Тифлиса на запад к берегам Черного моря. Уже в 1803 г. русский царизм захватывает Мингрелию и тогда же царские генералы начинают секретные переговоры с „владельцем“ феодальной Абхазии Келеси-беком,

Вначале царские дипломаты проявляют некоторую осторожность в этих переговорах, боясь осложнений во взаимоотношениях с Турцией, под протекторатом которой официально числилась Абхазия. Но „дворцовый переворот“ 2 мая 1808 г. (убийство Келешбека) и рост турецкой ориентации среди абхазских феодалов, наиболее ярким выразителем которой был сын Келеш-бека Аслан-бей Чачба (Шервашдзе), заставляют царское правительство насторожиться. Пока идет оживленная переписка между Тифлисом и Петербургом, группа абхазских феодалов — противников Аслан-бея во главе с его братом Сафар-беем (Георгием) сама идет на встречу русскому царизму: в 1809 г. последний обращается к русскому царю Александру I со следующим письмом:

„Всеавгустейшему и всемилостивейшему Монарху нашему всеподданнейшее прошение и предание себя с владением моим через сие мое письмо, следующим образом:

1) Я законный наследник и владетель Абхазий по совести моей обязываюсь и вступаю в подданство и службу, как наследственный подданный всемилостивейшего Самодержца всея России и прочих Императора Александра Павловича.

2) Обязываюсь отныне письмом сим и предаю себя и вместе со мною Абхазию и все находящееся в Абхазии в наследственное подданство и рабство престола всемилостивейшего и всеавгустейшего Монарха Есероссийского и также приемника его, с исповеданием прежней веры нашей которой были предки наши христианами по греческому закону.

3) Да соизволит Е. И. В. по благости своей милостиво воззреть на меня, ознаменовав меня знаком, как прочие князья, подданные Императорского престола, ознаменованы.

4) Да по священнейшему благотворению и милости Е. И. В. пожалована мне будет грамота утверждающая мое наследство, дабы, я был начальником и управляющим владением моим и также сын мой и внуки его вечно и ненарушимо от начальства и владения наследственным нашим владением и утверждено сие будет Монаршею милостью, так чтобы доколе Императорский престол пребудет счастливым и сильным, и наше наследство и начальство пребыло-бы таковым же

по священной же милости, чрез грамоту все- милостивейшего Государя нашего непосредствен- ным подписанием оной и утверждение.

5) Оградить владение мое войском всемило- стивейшего Государя нашего Императора.

6) Да по благодати и человеколюбию само- державнейшего Государя нашего Императора не лишусь я тех выгод и милости, которые имел наследственный владетель Абхазский Келеш-Ах- мед-бек, отец мой, получавший ежегодное жа- лование от Порты Оттоманской (Турции, А. Ф.)

7) Желая всеусерднейше до капли крови быть верным подданным и обязываюсь присягой и обещанием в вечном подданстве и буду поко- рен главноуправляющему Грузией вместе с вер- ными и усердными рабами и поданными моими и дам лес для кораблей, как получала прежде до сего Порты Оттоманская равно и заводы золо- тые и серебрянные, буде находятся во владении моем, с дачею мне некоторой части по щедрой милости всемилостивейшего и самодержавнейшего Государя нашего.

С таким подданическим, искреннейшим усер- дием предаю себя и подвластное мне владение престолу Всероссийской Империи обещанием и присягою с исповеданием греческой веры и за- кона, — в чем и подписуемся так: князь Георгий Шервашидзе. (На обороте подписались и засви- детельствовали в письме князя Абхазские).

Прежде сего посланные от меня письма и сие я заставил писать протоиерея Иоанна Иоселиани, который искренним сердцем советовал мне пре- дать себя в подданство Императорскому престолу“.

В этом письме ясно выступает физиономия феодаль- ного хищника и эксплуататора, боявшегося лишиться льви- ной доли в эксплуатации абхазского крестьянства, благодаря поражению своему в борьбе с другими феодалами. Харак- терным является также и упоминание о „протоиерее“ Иосе- лиани — предательская роль церкви в захвате Абхазии рус- ским царизмом выявляется со всей очевидностью.

Весьма интересным является также комментарий, ко- торыми сопровождает письмо Сафар-бея (Георгия) „главно- управляющий“ Грузией граф Гудович:

„Главнейшие выгоды, представляющиеся от при- обретения Абхазии под Всероссийскую державу,

состоят в том, что тогда лучшие приморские места Черного моря, богатые корабельным лесом, приобретутся под власть России; что восстановится безвозбранное сообщение с Крымом и что, наконец, мы будем иметь в своей власти 2 крепости, Анакру и Сухум-калэ,—следовательно тогда с сей стороны Мингрелия будет совершенно обеспечена“ (Отношение гр. Гудовича к гр. Салтыкову от 3 марта 1809 г. № 28, Акты К. А. К., III, 209).

Феодалы и попы открыли в Абхазию двери русскому „военно-феодальному империализму“. „Первый помещик“ крепостнической России—царь Александр I понял „первого помещика“ феодальной Абхазии.

9 августа 1810 года царь утвердил эти „просительные пункты“ и „пожаловал“ Сафар-бею грамоту о „назначении его владетелем Абхазии...“

Но за два месяца до этого, 9 июня 1810 года русский десант взял штурмом Сухум-калэ, выбив оттуда, после упорного боя турецкий гарнизон во главе с князем Аслан—беем Шервашидзе.

В первые десятилетия XIX века русский царизм рассматривал Закавказье, как арену откровенного военно-феодального грабежа. В крае господствовало военное управление, политическая линия которого внутри страны целиком обуславливалась и положением на боевых фронтах.

Заняв в 1810 г. сухумскую крепость, русское военное командование не решалось двигаться далее в глубь Абхазии, не обращая внимания на просьбы Сафар-бея о поддержке в борьбе в феодальной оппозицией, возглавляемой Аслан-беем. Пассивность эта в значительной мере объяснялась и общей политической ситуацией царской России—война с наполеоновской Францией отвлекала правительство от Кавказа.

В Абхазии в это время продолжалась непрерывная феодальная вражда, которая окончательно свела к нулю значение „владетеля“ Сафар-бея, который находился большей частью или в Сухуме под защитой русских штыков или в Мингрелии у Дадиани.

Последний был его союзником в борьбе с Аслан-беем и другими феодалами, при чем сумел в виде вознаграждения за поддержку владетелю захватить Самурзакань.

Видя безуспешность своей политики в Абхазии царское правительство к 1820 г. решило совсем увести русские войска из Абхазии.

И если Сухум-калэ не был оставлен, то только благодаря резким возражениям главнокомандующего в Грузии генерала Ермолова, грозившего отставкой в случае отставления Сухума — „нашего единственного опорного пункта на восточном берегу Черного моря“.

Дальновидный политик и не плохой стратег Ермолов, будучи жестоким палачом для кавказских народов был одновременно преданнейшим слугой русского царизма. Он понимал огромное военно-политическое значение Абхазии для „завоевания Кавказа“ в целом.

В этот первый период до 1830—40 годов „непосредственной целью русской колониальной политики было то же, что было целью для португальцев и голландцев XVII века — „прямой грабеж“... (М. Покровский).

Закавказье, в том числе и Абхазия, целые десятилетия было на военном положении. Русские войска кормились за счет местных жителей — главным образом, трудового крестьянства и без того эксплуатируемого своими собственными феодалами.

Возможность безконтрольного хозяйствования, легкой наживы, полный произвол в управлении, быстрое продвижение в чинах, возможность безотчетно обворовывать государственную казну привлекали на Кавказ всякого рода авантюристов, манили все отбросы загнивающего дворянского общества царской России. Попавшие в опалу генералы и офицеры, проворовавшиеся интенданты, предприимчивые артельщики и подрядчики, разорившиеся дворяне и т. п. все эти „рыцари первоначального накопления“ действительно мало чем отличались от испанских и португальских конквистадоров.

В системе военно-административного управления господствовали взятки, подлоги, подкупы, интриги, „лихие“ налеты, бандитские нападения, открытый грабеж, насилия, обман, надувательство — таковы были методы „административного воздействия“ русского управления на местное население. Эти „красочные“ приемы тесно увязывались с методами разжигания межнациональной вражды и сравливания различных народностей многонационального Кавказа. Эти установки давало генералам и администраторам само царское правительство. Еще Екатерина II писала на Кавказ генералу Медему: „Разномыслие между горцами облегчит наше предприятие. На это дело и денег не жалеть“.

Дело шло о натравливании друг на друга ингушей и чеченцев, но это были „цветочки“ по сравнению с „ягод-

ками“, которые произросли в XIX веке в Грузии и Азербейджане.

Подвергавшиеся чудовищной эксплуатации грузинские, тюркские, абхазские крестьяне намеренно провоцировались на восстания и мятежи. Последние подавлялись со зверской жестокостью. Истреблялись тысячи людей, включая детей и женщин, сжигались целые селения, сотни гектаров цветущих полей и садов обращались в пустыню...

Исторические документы—донесения и доклады царских генералов об этих карательных экспедициях пестреют выражениями:

„уничтожено 2 аула“

„мятежники истреблены“

„сжег и не оставил камня на камне от сего разбойничьего гнезда“...

Незабываемым ужасом, запахом дыма и крови веет от этих документов.

Вот например, что писал в 1803 г. русский генерал (потомок грузинских феодалов) князь Цицианов крестьянам Закатальского района, не выплатившим возложенной на них контрибуции:

„Не обманете меня другой раз. Истреблю вас с лица земли и не увидите вы своих селений. Пойду с пламенем... и спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь навсегда в вашей земле. Знайте, что писав сие письмо к вам, неблагодарным, кровь моя кипит как вода в котле, члены дрожат от ярости. Не генерала я к вам пошлю, а сам пойду. Землю покрою кровью вашей и она покраснеет. Но вы, яко зайцы, уйдете в ущелье и там вас достану и буде не от меча, то от стужи пооколеете“...

Так с огнем и мечом все эти Ермоловы, Цициановы, Воронцовы с шайкой разбойников, авантюристов, героев подлости, насилия и грабежа—расчищали в Закавказье пути для будущего шествия российского капитала.

Эти действия, конечно, идеализировались патриотическими великодержавными писателями и поэтами под флагом „покорения и замирения“ Кавказа „насаждения“ культурности и порядка“, „благоустройства доселе дикого края“.

Даже лучшие люди тогдашней царской России, как Пушкин, не раз бичевавший гнет самодержавия, оправдывал подлую колониальную политику царизма, проявив здесь подлинную классовую сущность русского дворянина-великодержавника.

Вот как опоэтизировал он „рыцарей первоначального накопления“ в заключительных строфах поэмы „Кавказский пленник“, позорящих творчество великого поэта:

„И воспою тот славный час,
Когда почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ.
Поднялся наш орел двухглавый,
Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов
И в сече с дерзостным челом.
Явился пылкий Цицианов.
Тебя я воспою, герой,
О, Котляревский, бич Кавказа.
Куда не мчался ты грозой
Твой ход как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Но се восток под'емлет вой,
Поникни снежной главой
Смирись Кавказ—идет Ермолов,
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно“.

Неудивительно, что если, по словам Пушкина, целые племена уничтожались русскими генералами, то результатом этих процессов мы наблюдаем общее падение (деградацию) народного хозяйства в областях завоеванных русским царизмом. Лучше все это можно видеть на примере Сухума.

В 1840 г. царский генерал Раевский, которого нельзя заподозрить в сгущении красок, писал о Сухуме:

„Во время владения турок, 3.000 семей составляли население города окружавшего крепость. В нем находились плодородные сады и многочисленные базары. Сухум был богатый, здоровый, веселый, торговый город, на лучшей бухте Закавказского края. Ручей Чандар, разделенный по канавам, одетым камнями, везде давал свежую воду для орошения садов и других потребностей жителей...

Вот настоящее его положение; народонаселение разбежалось, сады вырублены, строения до единого развалились, крепостные стены треснули и грозят падением... Канавы, по которым стекала вода, развалились и заросли кустарником. Гнилая вода, в которой тлеют развалины домов не имеет

ската и остается до тех пор, пока не испарится от сильной жары. Для довершения всего, не далее, как в прошлом году, я нашел, что крепостной ров, едва-ли чищенный со времени занятия нами Сухума, наполнился всеми нечистотами крепости, которые бросались туда через амбразуры и, наконец, находясь в безпрестанном брожении наполняли воздух гнилыми испарениями“... (Акты V).

Если такую картину представлял военно-административный центр—Сухум, то можно себе представить положение остальной страны, служившей ареной непрерывных феодальных войн и карательных экспедиций. Население покидало самые производительные районы Абхазии, посевы сокращались, скот уменьшался. Участились неурожай и массовые голодовки, внешняя торговля упала.

Социальная опора русского царизма в Абхазии

Классовая сущность колониальной политики русского царизма настолько очевидна, что вряд ли нуждается в особых доказательствах. Царизм был системой принуждения и господства крепостников—помещиков. „Военно-феодальной империализм“ русского самодержавия характеризуется прежде всего, и главным образом, тем, что оно в своей захватнической политике стремилось опереться и заключить тесный союз с феодальной верхушкой завоеванных стран.

Результатом этого являлось то, что всюду, где закреплялся русский царизм, начиналось насаждение и усиление крепостного права. Так было в Прибалтике, Украине, Башкирии, Туркестане и, конечно, в Закавказье.

Везде и всюду, русские солдаты несли на своих штыках крепостничество и феодальное закабаление.

Процессы первоначального накопления и развития растущего торгового и денежного капитала прекрасно уживались и сочетались с формами и методами крепостничества.

И прав тов. Сталин, когда он говорит, что осью политической жизни Российской империи был „не национальный вопрос, а аграрный“. (Сталин—„Марксизм и нац. вопрос“).

Национальная политика русского „военно-феодального империализма“ была сугубо-классовой политикой самодержавно - крепостнического, помещичье-дворянского государства.

Военные успехи и политические победы русского царизма на Кавказе объяснялись именно тем, что местные феодалы шли навстречу и Российскому „военно-феодальному империализму“ в его колониальной политике. Ведь как раз там, где феодальные элементы отсутствовали, или были очень слабы, например: в Чечне, Дагестане, В. Сванетии, в горной Абхазии (Псху, Ахчи—Псху, Джигетии) завоевательная политика русского царизма имела больше всего неудач и препятствий. Ибо в этих областях „военно-феодальный империализм“ не находил соответствующей социальной опоры.

На примере истории Абхазии, как нельзя лучше, видно, как феодалы продавали национальную независимость своей страны ради классового своего благополучия, ради классовой солидарности с русским „военно-феодальным империализмом“. Князь Сафар-бей Чачба (Шервашидзе) открыл двери в Абхазию русскому „военно-феодальному империализму“.

Последний не забыл этой услуги, укрепляя впоследствии их авторитет и делясь с ними грабительской добычей, получаемой от эксплуатации трудящихся масс Абхазии. (Даже после того, как в 1864 г. князья Чачба были лишены политической власти, они остались в Абхазии крупными помещиками, получив от русского царя титул „светлейших князей“).

Неудивительно, что национальная борьба Абхазии против русского царизма очень скоро стала классовой борьбой трудящихся масс крестьянства против владельца и крупных феодалов, продававшихся русскому царю.

7 февраля 1821 г. умер Сафар-бей Чачба (Шервашидзе) а 11 сентября того же года вспыхнуло восстание, правда организованное турецким агентом Аслан-беем, но имевшее характер национального крестьянского движения против русских захватчиков и их союзников-феодалов Чачба. Ведущую роль в этом восстании имели сельские общины племен: псху, ахчи-псху, джигетов (садзов) и убыхов.

На помощь осажденному ими сухумскому русскому гарнизону двинулся карательный отряд царского генерала Горчакова из Имеретии. После упорного боя на р. Кодор повстанцы были разбиты.

Движение замерло.

Царский генерал Горчаков привез в Абхазию нового „владельца“ — Дмитрия (Омар-бея) Чачба-сына Сафара, с малолетства воспитывавшего в пажеском кадетском корпусе в Петербурге.

Дмитрий Чачба—должен был служить ширмой для хозяничанья в Абхазии русских генералов. Он и в самом деле был только пешкой в политической игре, какую вело в Абхазии царское правительство.

Последнее утвердило его „владельцем Абхазии“, но он был гораздо больше царским офицером, чем абхазским князем, почти забыв даже свой родной язык.

В Абхазии Дмитрий жил в Сухумской крепости под охраной русских штыков, не пользуясь никаким авторитетом среди абхазских феодалов, ненавидимый крестьянством как раб царских захватчиков.

Через год, 16 октября 1822 года, он умер, отравленный по преданию одним крестьянином из фамилии Лакоба.

Титул „владельца“ был передан царским правительством брату Дмитрия—Михаилу (Хамуд-бею) Чачба.

Вспыхнувшее вслед за этим мощное национальное движение принудило нового владельца удрать из Абхазии в Грузию под защиту царских генералов и мингрельских князей. Появившись через 3 года в Абхазии Хамуд-бей (Михаил) подвергнулся в Лыхнах нападению вооруженных крестьян и спасся только при помощи царских солдат, отбивших это нападение с большими для себя потерями.

Этот факт показал царским генералам, что необходимо во что бы то ни стало укрепить авторитет „владельца“, хотя бы при помощи штыков.

Михаил был увезен в Тифлис, там ему царские чиновники дали соответствующее политическое воспитание в духе „военно-феодального империализма“. Михаил получил чин майора, а потом полковника, получил пожизненное денежное жалованье от царского правительства.

Царские генералы и чиновники приложили все старания, чтобы сделать его своим верным союзником и рабом—исполнителем захватнических замыслов.

В 1829 г. царская Россия заключила выгодный для себя мир с Турцией, получив от последней права на овладение устьем Дуная и Кавказского побережья Черного моря.

Принудив Турцию отказаться от вмешательства в свою „кавказскую“ политику, царское правительство становится более решительным в отношении Абхазии и Черкессии.

Царский генерал Паскевич в 1830 г. посылает большой отряд русских войск для возведения укреплений на побережье Абхазии в Бомборах, Пицунде и Гаграх, где были оставлены русские гарнизоны. С этим отрядом прибыл в Абхазию и Михаил, поселившийся в Лыхны под на-

блюдением и охраной русского гарнизона в Бомборах (4 клм. от Лыхны).

В апреле 1830 г. царские генералы собрали в сел. Мерхеулы представителей сословий от дворян и „чистых“ крестьян (анхаю) и привели их к присяге владельцу. Как бы в ответ на это, кодорские крестьяне устроили нападение на Илорской монастырь и сожгли дом принадлежащий, владельцу.

Для укрепления авторитета владельца царский генерал Розен в 1837 г. провел карательную экспедицию в Цабал для примирения Михаила (Хамуд-бея) Чачба с тавадами Маршания,

В это же время было сломлено сопротивление эшерских феодалов Дзяпш-Ипа-давнишних врагов Чачба. В 1840 г., были построены укрепления в Драндах и Илори с целью подчинения кодорских феодалов. Еще раньше того, царские генералы помогли Михаилу расправиться с бзыбским феолаком Нарча-Инал-Ипа.

То, что царские политики действовали в Абхазии от имени Михаила (Хамуд бея) Чачба, объяснялось слабостью русского царизма и желанием его найти себе социальную опору внутри самой Абхазии.

Об этом говорят в своих воспоминаниях сами царские генералы и чиновники, например, генерал Филипсон (см. „Рус. архив“, 1884 г. стр. 354.) Этот Филипсон подчеркивает, что

„При Раевском (1840) все изменилось. Он сделал князя Михаила действительным владельцем Абхазии“ (стр. 209).

Характерно также великодержавно-презрительное отношение царского генерала к владельцу и его феодалам: Филипсон называет Михаила и абхазских князей „сволочью“, которая была нужна только по политическим соображениям“... (стр. 211).

Укрепление авторитета владельца, стремление сделать из него абсолютного монарха, хотя и вассала русского царя, вызвало сопротивление крупных тавадов и аамыста. Некоторые царские чиновники считали что здесь был допущен даже известный перегиб. Во всяком случае в 1840 годах мы наблюдаем, что царское правительство, укрепив авторитет Михаила (Хамуд-бея) Чачба, старается привлечь и других дворян и князей. Царский ревизор-сенатор Мечников еще в 1831 г. писал из Тифлиса министру юстиции:

„Помещики в Грузии составляют самую лучшую и верную помощь, какую правительство наше может иметь“...

А в 1840 г. царский наместник на Кавказе граф Воронцов пишет:

„Только одно аристократическое начало может побороть то сопротивление (со стороны трудящихся масс кавказских национальностей А. Ф.) против которого, к сожалению, кроме оружия доселе никакого оплота противопоставлено не было“...

И впоследствии инструктируя русских генералов и чиновников, этот же Воронцов говорит в 1846 г.

„Ввиду политического положения края, надлежит не только не посягать на право высшего сословия, но и всеми мерами стараться об ограждении и укреплении оных“...

Это „ограждение и укрепление прав“ феодального дворянства выразалось внешне в щедрой раздаче чинов, титулов, орденов, наград отдельным, наиболее влиятельным феодалам. Хамуд-бей Чачба получил чин генерала-лейтенанта, келассурский феодал Хассан Чачба-чин поручика, аамыста (дворянин) Кац Маан сделан генерал-майором, его брат Хасаи Маан-поручиком, Батал-бей Маршания-майором. Аамыста (дворянин) Званбая, поступивший на службу в русскую армию, быстро продвигался в чинах и в 1840 г. получил орден „св. Станислава“ и „св. Анны“ с бантом, а также „высочайшую благодарность“ от царя Николая I.

Но если наиболее видные тавады и аамыста (князья и дворяне) покупались царским правительством за чины и награды, то все же абхазские феодалы превращались в оплот русского царизма, благодаря укреплению их эксплуататорских прав над крестьянством.

Русские чиновники стремились перенести целиком в Закавказье общественные отношения крепостнической России. Они раскапывали „законы царя Вахтанга“ и на основании ст. 260 этих законов 1710 г. гласившей о том, что „крестьянин, как и все, что у него есть, принадлежит господину“, писали царскому правительству докладные записки такого характера:

„Грузинское крепостное право, в существе своем не различающееся с таковым правом Российского дворянства, сольется с оным и зависимость крестьян от помещиков установится на одних и тех же главных и прочих основаниях“... (см. акты Кав. арх. ком. VII, стр. 44).

До XIX века в феодальной Абхазии крепостное право не получило большого развития, вследствие обширности земельных пространств и слабости с./хоз. техники, а также по причине наличия тормозивших это развитие элементов родового строя в системе абхазского феодализма. Крепостническая зависимость в феодальной Абхазии распространялась лишь на одну группу крестьян („ахиа“) представлявших собой прикрепленных к земле рабов („ахаҭа“, „аҭа“).

Основная же масса абхазского крестьянства—наиболее многочисленная группа („анхаю“) находилась в зависимых, не свободных отношениях, но не была прикреплена к земле. Теперь, благодаря стараниям царских генералов и чиновников, усиливаются крепостнические элементы феодальной зависимости.

Появились и денежные повинности, чего раньше почти не было. Почти совершенно исчезли свободные, ни от кого не зависимые крестьяне, так как в случае их нежелания стать в зависимые отношения, абхазский князь—тавад обвинял их в „крамоле“ и натравливал на них карательные отряды царских солдат.

В итоге „народ абхазский, занимая лучшую часть Кавказского края, упал до последней нищеты... Источник и причины печального положения Абхазии надо искать в княжеском управлении страной. Княжеская власть угнетала народ, русские поддерживали эту власть“... (газета „Кавказ“, 1866 г. № 80).

Абхазский феодал одновременно являлся надежным оплотом русского царизма в его колониальной политике:

Конечно, усиление феодально—крепостнического гнета, наряду с поборами и грабежами царских генералов, вызывало классовое сопротивление со стороны абхазского крестьянства. Если в 20-х годах XIX века мы еще видим во главе народных мятежей дворян (аамыста) и князей (тавадов), то в 40-х годах эти „вожди“ окончательно изменяют борьбе за национальную независимость Абхазии. Эта борьба становится классовой борьбой абхазского крестьянства не только против русского „военно-феодального империализма“, но и против его союзников—абхазских феодалов.

Ярким примером этого является восстание 1840 года цабальских дальских, кодорских крестьян.

Вождем этого восстания был крестьянин Измаил Джопуа. Восстание это было жестоко подавлено русскими генералами при участии тавадов Чачба и их „ашнакма“, тавадов Маршания и др.

Побережье Абхазии, после 1840 года, было „покорено“, благодаря активной поддержке местных феодалов русского царизма.

Борьба перенеслась в горные районы, где феодальные элементы были слабее, а сопротивление почти свободных крестьян упорнее. Дальцы, псхувцы, ахчипсхувцы, садзы, убыхи продолжали вести настоящую войну не только с русскими войскам, но и с феодальными „ополчениями“ тавадов и аамыста. Особенно доставалось от них бзыбским феодалам Маанам, Званбая и самому лыхненскому владельцу Хамуд-бею Чачба.

Для анализа классовой борьбы в Абхазии характерен еще один интересный факт.

В первые десятилетия XIX века среди русских солдат было развито массовое дезертирство. Причиной этого была прежде всего невероятная тяжесть армейской службы. Срок службы был 25 лет.

Все это время солдат был только „пушечным мясом“, подвергаясь жестоким издевательствам со стороны офицеров и генералов. Наказания палками, розгами, шомполами, избиения, зуботичины, плевки были обычным явлением в русской армии.

С другой стороны и обстановка службы солдата на Кавказе была во много раз тяжелее обычной.

Очевидцы пишут в своих воспоминаниях:

„Сухумская крепость казалась каменным гробом. Нельзя было встретить ни одного свежего здорового лица...“

В Сухум ежегодно посылалось 16 проц. штатного числа нижних чинов (солдат А. Ф.) на укомплектование, т. е., средняя жизнь считалась там почти в шесть лет“. (Филипсон, стр. 211).

Это о Сухуме, а вот что пишет писатель Бестужев—Марлинский в 1831 г.:

„Имя „Гагры“ однозначаще со смертным приговором. Полтора комплекта солдат умирает ежегодно от ран и болезней“.

И, наконец, самое главное, что Кавказская армия комплектовалась чаще солдатами, чемнибудь проштрафившимися „перед начальством:“ грубиянами“, „крамольниками“, „непокорными“ и т. д.

Так, например, солдаты восставших полков принявших участие в движении декабристов, в 1825—26 г. были сосланы в Кавказскую армию.

Значит, в целом политико-моральное настроение солдат Кавказской армии было „весьма неудовлетворительно“ с точки зрения их начальников. Отсюда—массовое дезертирство.

Дезертиры не могли, конечно, добраться до родины—поэтому бежали в горы к абхазам и черкесам. И так была велика их ненависть к царизму, что они не раз принимали активное участие в борьбе абхазских крестьян, бок о бок сражаясь с ними против русских карательных отрядов. В донесениях царских генералов есть такие сведения: „ген. Розен пишет в 1837 году что в Цабале было обнаружено 150 беглых солдат, ген. Головин пишет после экспедиции в Дал в 1842 году, что ему удалось вернуть 111 „пленных“ русских солдат, но добавляет: „они, частью, вовсе забыли свой язык, отступили от христианской веры и совершенно от русских обычаев, имеют свои семейства (женились на абхазах. А. Ф.) и детей, рожденных в мухамеданстве“.

Подлинная классовая история выворачивала наизнанку сюжеты поэм Пушкина и Лермонтова о „Кавказском пленнике“.

Приведенные факты о дезертирах—беглых русских солдатах вошедших в трудовую семью абхазского крестьянства и деливших с ним борьбу и гибель от наступавшего русского царизма,—говорят о многом. Они говорят о том, что интересы абхазских крестьян полностью совпадали с интересами русских крепостных, хотя и одетых в солдатские мундиры.

Они говорят о великой интернациональной солидарности трудящихся всех стран и наций в их классовой борьбе против угнетателей и эксплуататоров.

И если крепок был союз абхазских феодалов с русскими помещиками то еще крепче оказалась интернациональная спайка трудящихся.

В 1917 г. русские рабочие и крестьяне свергнули гнет своих помещиков и капиталистов.

В 1921 г. русские красноармейцы помогли абхазской бедноте освободиться от гнета феодально-буржуазной эксплуатации.

В этом—великая мощь пролетарского интернационализма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Крестьянская реформа 1870 г.

Развитие производительных сил в царской России приводило к тому, что в недрах старого крепостнического общества зрели новые отношения—капиталистические. Характеризуя Россию до—реформенного периода, Ленин говорит: „В крепостном обществе, по мере развития торговли, по мере развития денежного обращения возникал новый класс—класс капиталистов“ („Новые статьи и письма“, стр. 98).

И дальше Ленин указывает, что в крепостном обществе „был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму“ (там же стр. 143). Торговый и денежный капитал „бывший всегда и везде первичной формой капитала“ (Ленин соч. т. I, стр. 346), начинает оказывать значительное влияние через связанную с ним бюрократию на внешнюю и колониальную политику царизма. Тем более, что интересы торгового капитала в этом соответствовали интересам помещиков—производителей экспортного хлеба.

Также, как и английские купцы XVIII века, требовавшие „государственной охраны и монополий“ (см. архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 239), русский торговый капитал стремился добиться от царского правительства покровительственных, протекционистских мероприятий.

И он этого добивался с успехом. Правда, сначала таможенный тариф 1822 года не был распространен на Закавказье, т. к. содержание большой армии и администрации в условиях оторванности края от центральной России (тяжелые транспортные условия) обходилось дешевле за счет ввоза товаров из-за границы.

Но уже в 1831 г. Закавказье было включено в общую таможенную систему и российский торговый капитал, таким образом, мог не бояться конкуренции иностранных товаров. В 1830 г. в Тифлисе образуется „Торговая акционерная компания“ русских фабрикантов. Закавказье начинает превращаться в рынок сбыта для русской промышленности.

Но в Абхазии русский торговый капитал не сразу занял монопольное положение. Защитная таможенная политика (закон 1831 года) сводилась почти на нет оживлением морской кантрабанды. Турецкие и английские купцы, снабжавшие товарами абхазское и черкесское побережье до 1831 г. не хотели примириться с потерей этого немаловажного рынка.

В Трапезунде в 1830 г. образуется английская торговая компания. Потеряв в результате русского таможенного закона 1831 года транзитный путь через Грузию и весь кавказский рынок, эта компания принуждена была направить свою торговлю по другому пути: через турецкую Армению (Эрзерум) в Персию, но одновременно перешла и к контрабандной торговле.

Ежегодно в Сухум, с берегов Анатолии прибывало до 70 крупных турецких судов. В Сухуме с 1832 года существовала русская таможенная застава, но пограничная охрана на побережье Абхазии была так слаба, что не могла помешать этим судам до захода в Сухум выгружать контрабандные товары в укромных местах: близь Очемчир, в устье реки Дгамыш, в устье реки Кодора и пр.

Успех контрабанды объяснялся тем, что привозимые морем на берег Абхазии иностранные товары были дешевле тех русских товаров, которые шли тысячами верст по Волге (с Нижегородской ярмарки), а затем на вьюках („чаландары“) по калмыцкой степи и военно-Грузинской дороге в Тифлис, а оттуда через всю Грузию и Мингрелию в Абхазию.

При этом русские купцы требовали в уплату за товары деньги, а турецкие обменивались на меха, кожи, лес, мед, фрукты и т. п., что было выгоднее для абхазских крестьян и даже феодалов.

Тем не менее, русская торговля, охраняемая таможенными пошлинами и пограничной стражей, постепенно росла и в Абхазии.

Наряду с ввозом русских товаров усиливался и вывоз абхазского сырья. Вот, например, данные о росте вывоза самшита из Абхазии:

в 1849 году вывезено	16,480	пудов
в 1850 „ „	52.788	„
в 1851 „ „	64.825	„

О росте русской торговли на побережье Абхазии очень заботились царские генералы и чиновники.

Ген. Головин в докладной записке на имя министра Чернышева от 28 мая 1842 года пишет:

„Восточный берег Черного моря, усеянный когда то цветущими колониями греков и генуэзцев, представляется страной особенной важности в торговом отношении. Для скорейшего упрочнения нашего владычества на этом берегу необходимо учредить торговые сношения между нами и южной Россией“... (Акты, VII).

Дальше перечисляя льготы, какие надо установить для русских купцов на побережье, Головин заключает:

„Мне остается доложить насчет избрания главного пункта этой торговли. Пункт этот должен быть Сухум-Калэ.

К сожалению сейчас... для русского купечества Сухум не существует... Препятствуя турецкой торговле мы не заменили ее русской“.

Ярко выраженное покровительство царского правительства русской торговле вызвало осложнения во внешней политике, особенно с Англией.

Установление таможенных границ 1831 г. и закрытие Закавказья для иностранных товаров причинило большой ущерб английской торговле.

Англичане исчисляли убыток от этого в 3 с половиной миллиона фунтов стерлингов (35 мил. рублей).

Неудивительно, что Англия поэтому начинает стремиться к обострению отношений между Турцией и Россией.

Английский посол в Стамбуле Стратфорт Коннинг оказывает большое влияние на турецкое министерство.

Секретарь английского посольства Уркарт в 1834 г. отправляется в „командировку“ к черкесам для подготовки восстания в случае войны с Россией.

В 1836 г. английский купец Джемс Белль привез абхазам и черкесам соль, свинец, порох, кремни и пр. на судне „Виксон“. В 1839 г. англичанин Лонгуорт (сотрудник крупной лондонской газеты) перевез им же порох и свинец.

Все эти факты говорили о назревшей войне. В 1853 г. война началась. Вслед за Турцией русскому царизму объявили войну Англия, Франция и Сардиния.

Начавшаяся война подняла крестьянство горной Абхазии и Черкессии. Воспрянувший духом вождь демократического Дагестана и Чечни Шамиль прислал в Абхазию своего Наиба Магомета Эмина для организации всеобщего восстания. Русские гарнизоны оказались между двух огней: с моря им угрожал десант союзников (турок и англо-французов), с гор—восставшие массы абхазов и черкесов.

В 1854 г. „Черноморская береговая линия“ была ликвидирована—царское правительство вынуждено было вывести свои войска из Абхазии.

Осенью 1854 г. в Сухуме высадился турецкий десант.

Абхазские феодалы во главе с Михаилом (Хамуд-беем) Чачба поспешили заключить союз с новыми хозяевами побережья. Турецкий главнокомандующий Омер-паша утвер-

дил Хамуд-бей „вассалом Порты“ (Турции) и назначил его „начальником всех укреплений от Анапы до Батума“.

Хамуд-бей со своими абхазскими отрядами помог войскам Омер-паши продвинуться в Мингрелию. Абхазское крестьянство везде поддерживало турецкую армию, встречая ее, как освободительницу от ненавистного великодержавного гнета русского царизма.

Однако, радость национального освобождения была недолгой: в 1856 году по окончании войны турецкие войска оставили Абхазию. Русский царизм по условиям мирного договора сохранил свои права на Черноморское побережье, и Хамуд-бею и его тавадам не оставалось ничего, как только ехать в Тифлис „извиняться“ и „каяться“ в своей измене царскому правительству.

Побережье Абхазии вновь было занято русскими войсками. Национально-крестьянское движение замерло. Но оно не было разгромлено окончательно. Царизм только готовился к решительному акту окончательного превращения Абхазии в колонию российского капитала.

Подготовка реформы

Царские генералы после войны 1853—55 г. переходят к решительным мерам. Обер-квартирмейстер Отдельного Кавказского корпуса ген. Карлгоф в записке от 23 декабря 1856 года пишет:

„Занимая вновь Абхазию, нам должно определить, предполагаем ли мы прочно в ней утвердиться или имеется ввиду всякий раз когда неприятель будет угрожать нам с моря, очищать край, как это было в минувшую войну“... (Акты, VII).

Карлгоф ставит вопрос ребром: „или-или“. Его поддерживает другой генерал — командующий войсками Правого крыла Кавказской линии ген. Филипсон, который 13 мая 1859 года докладывает:

„Положение в Абхазии не изменилось к лучшему; также наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен.“

Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владем ею“... (Там же).

„Занимаем, но не владем“ — это была меткая характеристика положения русского царизма в Абхазии.

И вот, чтобы „овладеть“ Абхазией, царское правительство решает прежде всего устранить владетеля. Хамуд-бей — эта подставная пешка сыграла свою роль. Больше он был ненужен. И даже больше того он мешал русскому царизму своими феодальными интересами, личной своей враждой с тавадами он не раз путал карты царских политиков. К тому же теперь был хороший повод для устранения владетеля — его измена русскому царизму во время войны 1853—55 г. и тайные переговоры его с турецким правительством.

Осенью 1874 года генерал Шатилов прибыл в Очамчыры, вызвал к себе Хамуд-бея (Михаила), находившегося тогда в Ткварчелах (у серных источников) и арестовал его.

Хамуд-бей был сослан в Воронеж, где и умер в том же году. Его личное имущество (в том числе до 200 пудов серебрянной и золотой посуды) было расхищено царскими офицерами и чиновниками.

Трудящиеся массы абхазского народа отнеслись к этому событию совершенно равнодушно, что доказывает их классово-враждебное отношение к Чачба (Шервашидзе) — ставленникам и верным слугам русского царизма.

Так закончилась позорная историческая роль князей Чачба, в течение полувека бывших надеждой и опорой русского „военно-феодального империализма“ в Абхазии.

После низложения владетеля маски были сорваны, и Абхазия была превращена в „Сухумский военный отдел“, где было введено так называемое „военно-народное управление“, т. е. страна была отдана в полный произвол царских офицеров и военных чиновников, для отвода глаз, приглашавших иногда на совещание крупных тавадов и аамыста.

Одновременно усилился процесс экспроприации земель и массового выселения абхазского крестьянства в Турцию.

Этот процесс, известный под именем „махаджирства“, начался еще давно и шел непрерывно с 1850 г. по 1880 г. то замирая, то усиливаясь. Можно насчитать три крупных волны этого движения:

1. После карательных экспедиций ген. Муравьева в 1841 г.
2. После Крымской войны в период с 1856 по 1866 г.
3. После русско-турецкой войны 1877 года.

В чем была сущность этого процесса?

В том, что царское правительство, „очищая“ Абхазию от „непокорного населения“, освобождало земли для капиталистической колонизации, необходимой для превращения Абхазии в сырьевую колонию.

Царизм и молодая торгово-промышленная буржуазия шли здесь рука об руку.

„Махаджирство“ для царизма означало полное политическое „покорение“ края.

„Махаджирство“ для буржуазии было первой „очисткой“ почвы для капитализма“.

(Второй очисткой была реформа).

Какой характер носило это движение?

Карательные экспедиции царских генералов против абхазского крестьянства сопровождалась страшными жестокостями и зверствами. В 1841 году генерал Муравьев (вошедший в историю с кличкой „вешатель“ за кровавое усмирение польского восстания“) приказал „очистить Дальское ущелье от непокорных горцев“. Несмотря на упорное сопротивление дальцев, он успел „выселить 500 семейств, а жилища их предал огню“. Правда, затем он позорно отступил под натиском восставших крестьян, не осуществив полностью своей бандитской „программы“. Но в 1844 году он отправляется с такими же намерениями на Псху, правда и там получая должный отпор.

В 1860-61 г. г. организуются экспедиции для „покорения“ Псху и Ахчи-Псху. В 1862 году генерал Шатилов доносит царю:

„занял село Латы, где предал огню огромные запасы горцев“.

В апреле 1864 года большой отряд царских войск во главе с дядей царя—„великим князем“ Михаилом Николаевичем проходит в верховья реки Псоу, в районы, населенные ахчипсхувцами, садзами и убыхами.

Во время всех этих экспедиций тысячи абхазских крестьян погибли в неравном бою, целые селения разрушались, все, что нельзя было захватить с собой, сжигалось включая сады, запасы кукурузы и пр. Оставшиеся в живых „покоренные горцы“ обрекались на голодную смерть.

Неудивительно, что они представляли благоприятный материал для агитации турецких агентов-мулл, купцов и т. д. которые не жалели красок и обещаний, описывая несчастным крестьянам земной рай, ожидающий их в Турции.

И вот тысячи крестьян вместе с семьями прощаются с разоренной и опустошенной родиной, отправляясь в „гостеприимную“ Турцию. Там их, конечно, ждало горькое разочарование. Султанскому правительству выгодно было принять массу абхазов и черкесов с целью их будущего использования, как „пушечного мяса“, в войне с Россией. И десятой доли обещаний не выполнило турецкое правитель-

ство. Первые эмигранты — „махаджиры“ попадали в Турцию в лапы стамбульских чиновников, которые, завинчивая налоговый пресс, обрекали их на полунищенское существование.

Только за период с 1850 по 1864 г. г. из Абхазии выселилось:

Из Псху — 3.600 человек.

Из Ахчи-Псху — 4.000 человек.

Из Джигетии — (бассейн реки Псоу) — 12.000 человек.

Самые цветущие районы Абхазии — Цабал, Дал, Псху — обратились в пустыни.

Освободились огромные территории, пашни заросли колючкой и папоротником, сады смешивались с диким лесом, виноградники дичали и вырождались.

Но за то Абхазия „успокоилась“, Абхазия была почти готова для победного шествия капитализма.

Крестьянская реформа была проведена в России в 1861 году, в Восточной Грузии — в 1864 г., в Имеретии и Гурии — в 1867 году.

В Абхазии она запоздала, благодаря упорству национально-крестьянского движения, но классовая сущность ее не изменилась.

Историческая необходимость реформы вызывалась ростом капитализма, ломавшим рамки крепостничества.

Сущность реформы по словам Ленина состояла

„только в замене одной формы другой, в замене феодального прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью“. (Соб. соч. I, стр. 300).

Но реформу осуществляло самодержавно-крепостническое государство.

„Крестьянская реформа“ была проводимой крепостниками буржуазной реформой“... (Ленин, соч. XV, стр. 142-143).

Царское правительство провело реформу и в России и в Абхазии так, чтобы не нанести ущерб феодалам-помещикам — своей социальной опоре.

Абхазские феодалы — гавады и аамыста услышав о готовящейся реформе и боясь оказаться обиженными, сами стали обращаться к царским чиновникам за разъяснениями, стремясь одновременно добиться наибольших выгод.

Надо отметить, что местные военные власти сначала были не вполне „тактичны“ по отношению к своим друзьям и братьям по классу — абхазским феодалам. Царские офицеры и чиновники управлявшие Абхазией, задумали было „убить двух зайцев“ — провести реформу и за счет закаба-

ления крестьян, и за счет уменьшения политической мощи местных феодалов. Это, разумеется, было исторической нелепостью. Этим местные чиновники начали подрубать сук, на котором они сидели в Абхазии. Этим они создали своеобразную феодальную оппозицию против реформы.

Эти оппозиционные настроения тавадов и аамыста особенно усилились после того, как командированный в Абхазию для изучения сословно-поземельных отношений генерал Понсэ заявил: „приобретение земель в Абхазии зависит не от родовитости и власти, а только от обычного закона“.

Этим заявлением тавады и аамыста ставились перед перспективой потери всех земель, которыми они владели через лично зависимых от них крестьян. У помещиков тогда остались бы только их личные участки, а земли крестьян отошли бы от них и при том без всякого выкупа. Феодальная оппозиция усилилась.

Одновременно слухи о реформе дошли и в гущу абхазского крестьянства. Не разбираясь в сущности вопроса, крестьянство представляло реформу в виде новых карательных мероприятий царских чиновников, направленных против национальных обычаев и родового быта. Распространялись слухи о том, что правительство хочет вырубить все леса, заставить всех жить в казармах „под одним одеялом“, ввести воинскую повинность, обратить всех мусульман в христианство и т. п.

Сельские сходы крестьян-анхаю в нескольких крупных селениях вынесли резолюцию о посылке делегата в Тифлис к наместнику царя за разъяснениями. (Очевидно своим феодалам и местным властям крестьянство не доверяло).

Этим народным делегатом был избран эшерский крестьянин Осман Шамба. Но начальник Сухумского военного отдела, полковник Коньяр, не разрешил поездку Шамба, усмотрев в этом подрыв своего авторитета. 21 июля 1866 г. в Лыхны собрался многотысячный крестьянский сход. Узнав о нем, туда приехал полковник Коньяр и чиновник Черепов (начальник Бзыбского округа) с 80 казаками.

На сходе присутствовали и представители феодального дворянства. Было бы, однако большой ошибкой предполагать полное тождество интересов феодалов и крестьян. Наоборот, на сходе они ожесточенно спорили в присутствии русских чиновников.

Очевидцы рассказывают, что когда Коньяр, стараясь успокоить толпу, сказал крестьянам: „вы не будете зависеть от дворян“, то аамыста Титу Маан перебил его: „Они наши

рабы были и будут“... В ответ на это крестьянин Хучина Гагулия крикнул; „Врешь. Мы землей не зависели“...

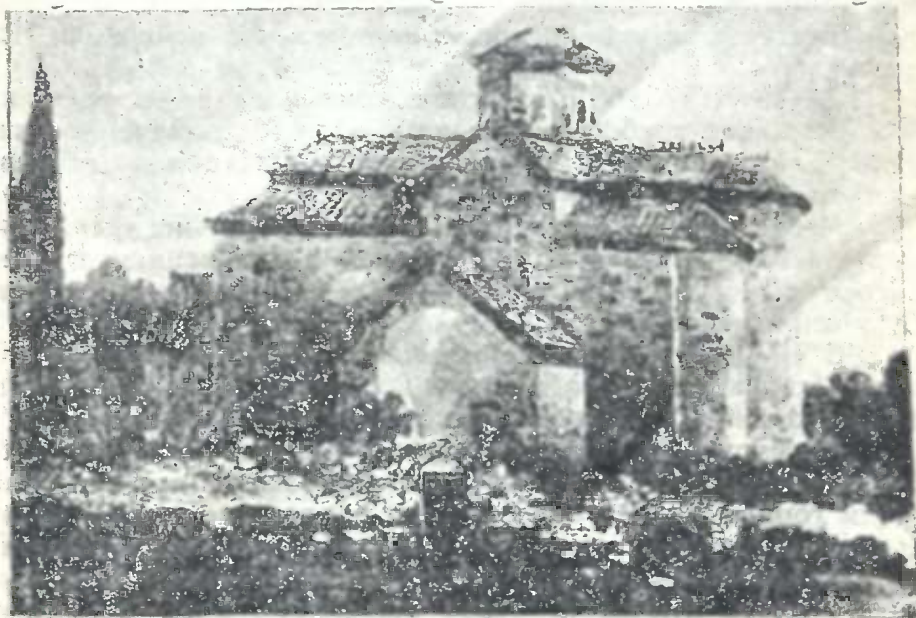
Таким образом, если отдельные представители дворянства и принимали участие в этом крестьянском движении, то только благодаря политической и классовой небдительности царских чиновников.

Во всяком случае, интересы дворянско - феодальной оппозиции были резко противоположны целям крестьянского движения.

На сходе в Лыхны „выбранные от зависимых сословий в длинной речи об'явили от имени народа причины их неудовольствия и настаивали в особенности на невыгоде для зависимых сословий выкупаться от владельцев своими собственными средствами“. (Доклад кутаисского генерал-губернатора о восстании в Абхазии, Центр. Грузии дело № 1636).

После речи Коньяра, выступил Черепов с угрозами и оскорблениями. Это переполнило терпение собравшихся.

И когда Коньяр приказал сходу разойтись, то в ответ на это, по сигналу, крестьяне бросились на чиновников и казаков. Коньяра и Черепова убили во дворце владетеля.

Храм в с. Лыхны постройки X-XI в.в.

Казаки засели в ограде церкви. После двухдневной осады, потеряв убитыми 2 офицеров, 2 урядника и 49 казаков, оставшиеся в живых казаки пробрались с помощью

жены князя Александра Шервашидзе в Бомборы, а затем в Сухум. Лыхны стало очагом восстания, охватившего всю страну. 27 июля утром около 5.000 повстанцев подошли к Сухуму. Сухум был отрезан от всей остальной страны. Русские гарнизоны, находившиеся в других укрепленных пунктах, были иперебиты. Только небольшой отряд русских войск в Цебельде был спасен дворянской бандой князей Маршания. Через день город Сухум был взят повстанцами, при чем много домов и казармы были сожжены и разрушены. Корреспондент газеты „Кавказ“ описывает эту картину так: „Сухум пылал по всем окраинам, кругом гремела оружейная и пушечная канонада“... („Кавказ“, № 76, 1866 г.).

Несколько раз повстанцы штурмовали Сухумскую крепость.

Очевидцы рассказывают, что повстанцы шли на штурм стройными рядами с песнями, неся впереди цветные флажки, в том числе один красного цвета с вышитой на нем шашкой. На помощь Сухумскому гарнизону для подавления восстания царское правительство двинуло в Абхазию крупные военные силы, численностью до 8.000 бойцов, под начальством Кутаисского генерал-губернатора князя Святополк-Мирского.

Восставшие упорно сопротивлялись, но потерпели поражение.

20 августа 1866 г. русское командование предъявило ультимативное требование: выдать оружие, захваченное казенное имущество и „зачинщиков“ восстания, обещая амнистию.

Несмотря на то, что первые два требования были выполнены (сдано было до 4.000 ружей), захваченные в плен активные участники восстания были расстреляны у стены Сухумской крепости.

В ущельях и долинах Бзыбской Абхазии еще не отзвучало эхо крестьянского восстания, когда 23 апреля 1867 г. была создана „Сухумская сословно-поземельная комиссия“.

Предложения этой комиссии переданы были на рассмотрение „Комитета по освобождению зависимых сословий среди горных племен Кавказа“ под председательством князя Святополк-Мирского. Членами комитета были: князь Багратион Мухранский, генерал Понсэ, князь Туманов, граф Кутайсов, князь Эмухвари, князь Маршания, дворяне Инал-Ипа и Маан. Одно перечисление их характеризует классовое направление проводимой реформы. Представители абхазских феодалов подали петицию, в которой они старались доказать, что они ни в чем не хуже русских и грузинских помещиков.

Вот эта петиция целиком:

„В целом свете сначала были только крестьяне или свободные люди, а помещики появились позже. Каким бы образом помещики не появились, крестьяне не могут отвергать факта существования помещиков в Абхазии с незапамятных времен со всеми теми правами, какие существуют и теперь. Если тот факт был в начале результатом насилия, то он и в других странах был насилием, которое было признано правительством не только в Грузии, где как и в Абхазии, оно существует еще до Р. Х., но даже и в России, где крепостное право появилось гораздо позже.

Таким образом, помещичье право владения крестьянами и землю, искони веков установившееся и признанное правительством в остальных частях империи, не может быть по справедливости отвергнуто и в Абхазии“. (см. „Журнал Зак. Центр. Ком. по устр. крестьян“).

Этот „крик души“ абхазского дворянства нашел горячий отклик в царском генерале — крупном помещике князе Багратион Мухранском, который, заслушав петицию, сказал:

„и в самом деле, для чего, для какой-то Абхазии, делать исключение?“.

Классовая линия крепостников-помещиков победила.

Царские генералы поняли своих братьев по классу — абхазских помещиков. Комитет утвердил размер владений тавадов и аамыста до 250 десятин, исключая „земель, принадлежащих по обычному праву“, которые, разумеется, сохранялись за ними. Кроме того за каждый чин или орден князь и дворянин получали еще не менее 10 десятин. (А ведь почти все крупные абхазские феодалы числились на царской службе).

Кроме того из царской казны тавады и аамыста получали 400.000 рублей, в виде „единовременного пособия“.

Но самое главное—крестьяне, за свое „освобождение“ обязанные уплатить выкуп, разного рода целями приковывались к помещику, даже более крепко, чем в России.

Утвержденное „Положение о прекращении личной зависимости и поземельного устройства населения в Сухумском отделе“, изданное 8-го ноября 1870 года, имело настолько ярко выраженный классовый крепостнический характер, что нельзя без отвращения читать лицемерный манифест царского наместника к абхазскому крестьянству:

„Отныне весь строй вашей общественной жизни устанавливается на твердых и справедливых основаниях.

Милостями великого государя нашего Вам предоставляются все средства к развитию хозяйства и обеспечения навсегда материального благополучия Вашего“... (сб. свед., VI).

Здесь все — от первого до последнего слова — пропитано подлым лицемерием, ибо на деле абхазскому крестьянину „предоставлялись все средства“ к тому, чтобы или умереть с голоду или итти в кабалу к помещику или капиталисту.

Абхазское крестьянство после реформы.

Классовая сущность „крестьянской реформы“ была одна и та же — и в Абхазии, и России. Но в Абхазии еще ярче выступал ее крепостнический характер, ибо абхазские феодалы были еще более, чем в России — помещики, социально-политической опорой царизма, ибо если в России буржуазия была слаба, то в Абхазии она почти отсутствовала.

Во всяком случае, то, что Ленин говорил о русской реформе, высказывая мысль о том, что в ней

сильны были крепостнические черты, так много было в ней бюрократически уродливого, так безмерны были те бедствия, которые причинила она крестьянству“.. (Соч. XV, стр. 97).

Все это еще в большей степени относится и к Абхазии.

Согласно „Инструкции учреждениям Сухумского отдела по делам прекращения личной зависимости“, изданной 8-го февраля 1871 года, зависимые, феодальные абхазские крестьяне превращались в свободных поселян“.

Каково-же оказалось положение этих „свободных поселян“ на другой день после реформы?

1) Крестьяне получили земельный надел от 3 до 7 десятин на семью. (В то время, как „надел“ князей и дворян был доведен до 250 десятин).

Но это были „теоретические“ нормы, изложенные на бумаге. На деле нарезка наделов при отсутствии карт и планов местности затягивалась на „неопределенное время“ и многие крестьяне через 30 лет, после реформы, не имели определенных наделов. Там же где происходила нарезка наделов, царские чиновники осуществляли ее так, что крестьянская семья получала 3 десятины земельной площади, из которых половина, а иногда и больше составляла неудобная земля: болота, колючки, скалы, крутые склоны со смытой дождями почвой и т. д.

При чем надел нарезывался в нескольких местах, дробился на мелкие участки, лежащие часто за 4-6 километров от усадьбы крестьянина.

Это создавало чересполосицу и дальнотемелье, сохранившиеся в абхазской деревне до советизации.

Имея в среднем 2 с половиной га земли, пригодной для с. х. использования, крестьяне вынуждены были обращаться к аренде земли у помещиков и кулаков. Эта аренда носила „кабальный“ характер, так как арендная плата достигала от трети до половины урожая.

2) За „освобождение“ свое от личной зависимости (феодалных повинностей) крестьяне должны были заплатить помещикам выкуп.

Размеры выкупа колебались от 50 до 180 рублей для различных групп крестьян: кто нес больше повинностей — платил и больший выкуп и наоборот.

Выкуп разрешено было заменить отбыванием всех положенных повинностей в течение 4 лет. Но этот факт не имел почти ни какого значения, так как безразлично выкупил себя крестьянин или нет, но по „Положению“ 1870 года оставался на неопределенное время „во временно-обязанных отношениях“.

Фактически все натуральные повинности (особенно приношения продуктами и т. д.) феодальной эпохи сохранились.

Официально они были отменены царским правительством в 1912 году, но на деле в большинстве случаев дожили до революции 1917 года.

Таким образом „свободный поселянин“ в Абхазии был не только отдан в экономическую кабалу помещику (малоземелье, аренда и т. п.), но и оставался лично зависим, и так же как до реформы, подвергался „внеэкономическому принуждению“ со стороны своего бывшего владельца—феодала. Сами чиновники признавали, что „отношения временно обязанных крестьян к землевладельцам регулировались особыми „Положениями“, в которых много недомолвок, многое представлено добровольным соглашениям сторон, много ссылок на обычное право к разработке и разъяснению которого не было принято никаких мер“... (см. кн. Туманов — „Земельные вопросы и преступность на Кавказе“ — СПб, 1900, стр. 12).

3) Кроме того леса и пастбища были переданы казне и за пользование ими крестьяне должны были уплачивать определенные сборы или государству, или помещику и кулаку которые брали эти пастбища и леса в аренду у правительства.

4) За пользование данной ему в надел землей крестьянин обязан был платить так называемую, „оброчную подать“, которая по Сухумскому округу (Абхазия) в целом составляла 25.000 рублей ежегодно.

5) Крестьяне обязаны были выполнять, так называемые „мирские повинности“: с них взыскивались средства на содержание попов и церквей, ремонт дорог, постройку церквей, школ и т. д.

В целом они составляли по всей Абхазии 60.000 рублей ежегодно. Особенно тяжелой была дорожная повинность.

„Нет уголка, где бы она не вызывала ропота и смятения среди крестьянского населения. Неприятнее всего, что требования непременно предъявляются весной или осенью, т. е. во время полевых работ, когда один день решает иногда судьбу земледельца и вопрос об обеспечении его семьи“... (Свед. матер. по изуч. быта гос. крестьян Зак. I, стр. 217).

6) Крестьяне после реформы подверглись усилению налогового гнета. По всей Абхазии они ежегодно уплачивали:

а) сбор взамен отбывания воинской повинности 24.000 р.

б) поземельный общий налог 25.000 р.

в) земский поземельный сбор 100.130 р.

а всего с вышеперечисленными денежными повинностями до 25.000 рублей ежегодно падало на плечи абхазского крестьянства. Это, кроме отбывания „временных“ феодальных повинностей, кроме платы за пастбища, покосы, лес, кроме арендной платы и т. д.

7) Крестьяне подвергались насилиям и произволу помещиков и их защитников-царских чиновников, вымогавших у крестьян взятки, „подарки“ и т. д. Крестьяне были обязаны содержать стражников, солдат карательных отрядов, лесных об'ездчиков, раз'езжающих чиновников и т. п.

8) Абхазские крестьяне были лишены всяких политических прав. После восстания 1877 года они были об'явлены „виновным населением“, им запрещено было селиться ближе, чем за 7 километров от берега моря и т. д. Всякие жалобы крестьян на произвол помещиков и чиновников были, разумеется, обречены на неудачу. Всякий судебный иск обращивался против крестьянина и проч.

Вот каково было положение „свободного поселенца“ в Абхазии. Оставшись прикрепленным к помещику феодальными „временными“ повинностями, крестьянин попал к нему в тяжелую экономическую кабалу, одновременно неся на себе чудовищный гнет выкупных платежей, государственных

налогов и сборов и чиновничьего произвола. Положение абхазского крестьянина после реформы значительно ухудшилось.

Зато укрепилось экономическое благосостояние абхазских помещиков — вчерашних феодалов.

Получив сотни десятин земли, они увеличивали свои владения при помощи царских чиновников-землеустроителей, захватывая общинные земли, якобы принадлежащие им по „обычному праву“ — леса, пастбища и проч.

Раздавая землю в аренду страдающим от малоземелья крестьянам, заключая кабальные договоры с „издольщиками“ и „половинщиками“, они весьма увеличили свои доходы, сохранив и феодальные права „внеэкономического“ порядка — личные повинности, натуральные приношения и проч.

Благодаря развитию товарно-денежного хозяйства, абхазский помещик нередко сам или через посредство скупщиков стал заниматься лесо- и ското-торговлей, а затем и спекуляцией табаком (типичный пример этого помещик Лакербая).

К началу XX века распределение земли в Абхазии представлялось в следующем виде:

абхазские князья и дворяне	97.394 га
прочие помещики	34.283 га
церкви и монастыри	4.789 га
крестьянство	71.000 га

Колонизация.

После проведения реформы, царское правительство особенно усилило свои тенденции по линии колонизации Абхазии. Эта колонизация должна была закрепить политическое владычество царизма и одновременно ускорить рост товарно-капиталистического сырьевого земледелия.

Процесс колонизации пошел быстрым темпом после восстания 1877 года. Услышав о начавшейся войне русского царизма с Турцией, абхазское крестьянство, уже почувствовавшее тяжесть цепей, наложенных на него реформой 1870 года, поднялось как один.

Мощным взрывом национального крестьянского движения царские генералы с их войсками были выброшены из Абхазии.

Второй раз царские войска ушли из Сухума. Первый раз это было в 1854 году, но тогда их вытеснила турецкая армия, а сейчас абхазские повстанцы. Царский генерал Кравченко с крупным отрядом отступил на Цебельду, но там у Багадской скалы он получил такой удар со стороны

восставших крестьян, что обратился в паническое бегство через Наа-Джгерды-Зугдиды. Несколько месяцев Абхазия была свободна от царского гнета.

Но по окончании войны, в 1878 году три отряда царских войск двинулись в Абхазию: через Марух с Северного Кавказа — генерал Бабиц, из Мингрелии — генерал Алхазов, из Черкесии — полковник Шелковников. Жестоко расправлялись царские палачи с восставшими селениями. Особенно усердствовали абхазские дворяне и князья, бывшие на русской службе.

Официальные донесения указывают: „Полковник Шервашидзе (Чачба) потомок владетеля — сжег несколько селений“.

Псху, Дал и Цабал — были совершенно „очищены“ от абхазских крестьян.

Высоко поднялась новая волна „махаджирства“: до 35.000 абхазских крестьян выселилось в этот год в Турцию. „Свободные“ земли щедро раздавались царским правительством генералам, офицерам, чиновникам, многие из которых сумели заполучить по несколько тысяч десятин.

В одном Цебельдинском районе было роздано „новоиспеченным“ помещикам до 27.000 десятин. Остальные пуствующие земли предоставлялись переселенцам.

Политические цели колонизации становятся очевидными при анализе следующего постановления русской администрации;

„Во избежание возможности повторения событий 1866 и 1877 г. г. виновное абхазское население сгруппировать таким образом.

- а) чтобы оно не представляло сплошную массу; а было разбросано между поселенцами, имеющими быть призванными на свободные земли и
- б) чтобы оно было отделено от морского берега линией колониетских поселений“. (Центрархив Грузии, д. канцелярии наместника 1878 года св. № 8719, дело № 70-61-65).

Начальник Сухумского отдела генерал Гейман, приглашая колонистов, писал, что будут раздваться участки в 10 20 десятин, но непременно „в руки людей состоятельных“.

Ставка делалась на кулака, на зажиточного колониста фермерского типа.

Но колонизация пошла несколько не так, как желали царские чиновники.

Попытки привлечь в Абхазию зажиточных огородников из Ярославской губернии и болгарских колонистов из Бес-

сарабии не удались. В то же время, как в открытые ворота, в Абхазию хлынул поток греческих и армянских переселенцев из Турецкой Анатолии, бежавших от нужды, малоземелья и ужасов мусульманского национально-религиозного гнета.

Переселившаяся беднота расселилась на землях „махаджиров“; возникли селения — Михайловское, Ольгинское, Александровское, Анастасьевское, Георгиевское, Мцара и т. д.

Переселенцы попадали в хищные лапы всякого рода „попечителей“, которые собирали с них деньги и хлеб на перевозку, постройку и „хлопоты“ по начальству, безжалостно эксплуатируя их.

Кроме того, не имея инвентаря и скота, переселенцы вынуждены были итти в кабалу к кулаку и помещику.

Позже в 1890 годах в Абхазию переселились русские (Баклановка, Петропавловка) а затем эстонцы и немцы.

Большую роль в колонизаторской политике царизма играла и церковь.

В первый период колониальной политики русского царизма церкви предоставляли нередко военные форпосты: за „их святой оградой“ не раз отсиживались царские офицеры, осажденные восставшим крестьянством (например в Пицунде, Лыхны, Дранды, Илори и пр.).

Царские генералы прекрасно понимали политическое значение христианской религии, как орудия колониального угнетения. В секретном письме министру Чернышеву от 26 марта 1851 года „наместник кавказский“ князь Воронцов протестует против волокиты в деле создания архиерейской кафедры и духовной миссии в Абхазии, указывая что

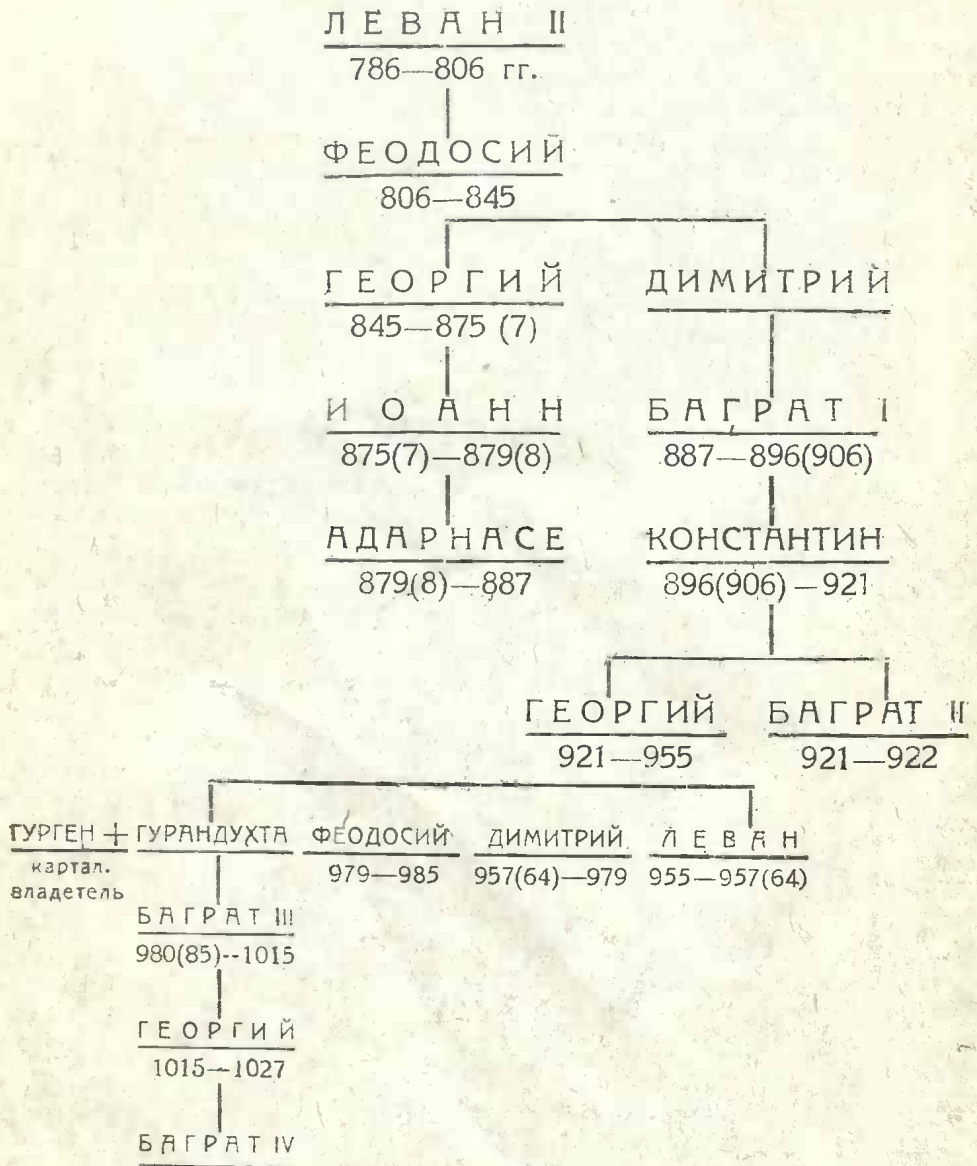
„такое отлагательство будет весьма неблагоприятно для желаемого нами всеми священного дела и отдалит, может быть, надолго несомненные надежды на великие успехи для нашей православной веры и для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих диких горах, всегда должны получать от распространения нашей веры“... (Акты, VII).

Классовая роль религии и церкви выступает здесь с полной очевидностью.

В 1874 году был основан Ново-Афонский монастырь, позже—ряд других монастырей, каждый из которых являлся форпостом капиталистического колониального хозяйства, укрепляя в то же время и политическое влияние русского царизма.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Абхазских и Абхазо-Картвельских государей (до Баграта IV).

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Даты	А Б Х А З И Я	Г Р У З И Я	Главнейшие события всемирной истории
до н. эры VII в.	Разложение родового строя. Античная колонизация на побережье — основание Диоскурии и Питуунта.	Разложение родового строя в мелких этнических группах, называемых «иберами».	Расцвет рабовладельческих государств в Древней Греции
V—III в.	Расцвет «колхидских» колоний. Денежная торговля на побережье.	Транзитная торговля в долинах Риона и Куры содействует развитию иберских объединений.	Греко-Персидские войны. Империя Александра Македонского. Эпоха эллинизма.
II в.	Родо-племенные объединения «инихов», «соанов», «колхов». Гегемония Понта на восточном берегу Черного моря.		Римская экспансия на Востоке. Завоевание римлянами Македонии (146 г.) и Греции (136 г.).
I в.	Первая война Мифрадата с Римом (88 г.). Вторая война Мифрадата с Римом и отступление Мифрадата через «Колхиду» (66 г.). Помпей утверждает в лице базилевса Аристарха римский протекторат над «Колхидой».	Гегемония Рима над Арменией и Иберией.	Развитие Римской империи. Господство Рима в Средиземноморье.
н. эры I в.	Римская колонизация на побережье — Севастополис, Питуунт.	Иберия под угрозой персидской экспансии.	Развитие кризиса рабовладельческой системы — упадок Римской империи.
III в.	Племенные объединения «инихов» ведут борьбу против римских колонизаторов. Набеги скифов на Питуунт. Упадок римских колоний.	Персия завоевывает Армению и устанавливает протекторат над Иберией.	Распад Римской империи на Западную и Восточную. Столицей последней служит город Византия (Константинополь).
IV в.	Начало византийской колонизации на побережье. Выдвижение лазов.		

Даты	А Б Х А З И Я	Г Р У З И Я	Главнейшие события всемирной истории
V в.	<p>Византийская колонизация. Пропаганда христианства. Епископские кафедры в Пятиунте (536 г.) и Анакопия (541 г.). Гегемония лазов на побережье (Губаз).</p>	<p>Восстание Ваханга Гургаслана против Персии (484 г.). Расцвет „Лазики“—племенного объединения с лазами во главе, пользующимся поддержкой Византии.</p>	<p>Расцвет Византийской империи. Война Византии с Персией.</p>
VI в.	<p>Персидские полководцы Хориан и Набед вторгаются в Абхазию. Консолидация местных племен. „Абаски“—абхазы. Социальный переворот — свержение племенной верхушки. Избрание Алсита и Скелпарна. Византийская карательная экспедиция. Битва у „Трахеи“ (550 г.).</p>	<p>Персидский шах Хозрой вторгается в „Лазикю“.</p>	<p>Война Византии с Персией.</p>
VII в.	<p>Византийский император утверждает вождя абхазов Леона (Левана) своим наместником—„куропалатом“ и передает ему крепость Анакопию (620 г.).</p>	<p>Наступление арабов. Завоевание ими Персии, Армении и Иберии (660).</p>	<p>Завоевательные походы арабов.</p>
VIII в.	<p>Племенные с. юзы ведут борьбу против Византии. Карательная экспедиция Льва Исавра. Конфликт между абхазами и алланами (725 г.). Завоевательные походы Левана II. Образование Абхазского государства (786 г.).</p>	<p>Иммиграция картлов в Лазикю. Выдвижение западных картвельских племен (Тао-Кларджетия).</p>	<p>Расцвет арабского государства—халифата. Вожди франкских племен создают обширное государство в Западной Европе („империя Карла Великого“). Хазарское государство на Северном Кавказе и в бассейне реки Волги и реки Дона.</p>

Даты	А Б Х А З И Я	Г Р У З И Я	Главнейшие события всемирной истории
IX в.	Рост Абхазского государства (столица—Кутаис). Отражение Византийских десантов (841 г.). Борьба с арабами. Стремление картлов и кахов к объединению. Расцвет Тао-Кларджии.		Распад империи каролингов. Гегемония норманнов на территориях будущей России и Украины.
X в. XI в.	Борьба абхазских государей за овладение Картлией и Кахией. Объединение Абхазии и Тао-Кларджетии в лице Баграта III (985 г.). Борьба Баграта III за централизацию госуд. власти. Походы Баграта III против арабов—разгром Ганджи и Шамхора (1010 г.). Война с Византией (1021 г.). Баграт IV занимает Тифлис.		Образование "Священной Римской империи". Киевское государство. Уладок Халифата. Завоевание норманнами Англии. Начало "крестовых походов".
XII в.	Расцвет союзного "Абхазо-Картвельского" государства. Эпоха Давида и Тамары. Падение гегемонии абхазских племен.		Разгром Византии "крестоносцами". Падение Багдадского халифата. Нашествие татар на Киевское государство (1224—1240 г.) и его падение.
XIII в.	Эриставом Абхазии назначается Шервашидзе (1125 г.). Датаго Шервашидзе об'являет себя потомственным владетелем Абхазии (1235 г.)	Монголы вторгаются в Грузию (1231—32 г.).	Усиленная колонизация Сев.-Восточ. Руси. "Удельные княжества".
XIV в.	Абхазские владетели стремятся окончательно закрепить независимость Абхазии. Генуэзская колонизация на побережье.	Нашествие Тамерлана. Разгром грузинского царства (1386—1403 г.).	Попытки возрождения могущества Византии. Наступление турок на Балканский полуостров. Феодальные монархии в Англии и Франции. Борьба городов против феодалов. Расцвет итальянских

Даты	А Б Х А З И Я	Г Р У З И Я	Главнейшие события всемирной истории
XV в.	<p>Полное отделение Абхазии от Грузии. Расцвет феодальных отношений. Абхазский владетель заключает союз с Трапезундским императором против турок (1459 г.).</p>	<p>Попытка возрождения объединенной Грузии (1412—42 г.). Окончательный распад Грузии на 4 части: Кахию, Картлию, Имерию, Самцхе-Саатбаго.</p>	<p>торговых городов—Венеции, Генуи и др. Выдвижение Московского княжества.</p> <p>Завоевание турками Византии (1453 г.). Открытие Америки и морского пути в Индию. Борьба Москвы с Новгородом.</p>
XVI в.	<p>Турецкая колонизация на полуострове — основание Сухум - Калэ (1578 г.).</p>	<p>Господство Персии в восточном Закавказье. Сопротивление феодальных грузинских государств турецкой и персидской экспансии.</p>	<p>Упадок средиземноморской торговли "Реформация". Крестьянские движения в Германии. Утверждение крепостничества в России. Государственный переворот 1564 г.—"опричнина".</p>
XVII в.	<p>Развитие турецкой береговой торговли. Пропаганда ислама. Войны абхазских феодалов с Мегрелией.</p>	<p>Завоевание персами Вост. Грузии (1614 г.). Захват Турцией Самцхе-Саатбаго.</p>	<p>В йны между Францией и Англией. Буржуазная революция в Англии. Крестьянские движения в России и на Украине. Военно - феодальная колонизация Приуралья и Заvolжья.</p>
XVIII в.	<p>Выступление абхазских владетелей против Турции (1725 г.). Свержение Манучара Шервашидзе турецким ставленником Леваном. Леван и его брат Зураб захватывают Сухум-Калэ (1771 г.). Турки сно-</p>	<p>Объединение Картлии и Кахети (1760—1798 гг.). Освобождение Вост. Грузии от персидского владычества. Подписание Русско - Грузинского трактата в Георгиевске (1783 г.)</p>	<p>Ослабление Турции и Персии. Образование Соединенных Штатов Америки. Буржуазная революция во Франции. "Военно-феодалный империализм" царской России—войны</p>

Даты.	А Б Х А З И Я	Г Р У З И Я	Главнейшие события всемирной истории
XIX в.	<p>ва овладевают Сухумом и утверждают владетелем Келешбека, сына Манучара.</p> <p>Столкновение абхазов с русским отрядом в Анаклии (1803 г.). Переговоры Келешбека с ген. Цициановым. Разрыв Келешбека с Турцией (1806 г.). Дворцовый переворот. Келеш-бек убит своим сыном Асланом (1803 г.). Русский отряд занимает Сухум-Калэ (1810 г.). Сефер-бей Шервашидзе вступает в подданство русского царя. Крестьянское восстание против царских захватчиков (1821 г.). Русский ставленник Димитрий Шервашидзе убит крестьянином Урусом Лакоба (1822 г.). Крестьянское восстание в Илори — нападение на дом владельца (1830 г.). Карательные экспедиции ген. Розена в Цабал (1837 г.) и ген. Муравьева в Дал и Псху (1841—1844 г.). Первая волна „махаджирства“. Крестьянское восстание в Кодорском районе (1840 г.). Шамиль присылает своего наиба Магомет Эмина для организации восстания в Абхазии (1853 г.). Царские войска покидают Абхазию (1851 г.). Омер-паша в Абхазии. Подавление восстания (1856 г.).</p>	<p>Первый период колониальной политики русского царизма. Захват Грузии русским царизмом (1801 г.). Военно-феодалный грабеж. Усиление крепостничества. Крестьянские движения в Кахии (1811 г.), в Гурии (1841 г.) и Метрелии (1857 г.).</p>	<p>Петра I и Екатерины II. Борьба рус царизма с Турцией за Черное море.</p> <p>Эпоха промысленного капитализма в Запад. Европе. Империя Наполеона I. Феодалная реакция. Буржуазная революция в Европе (1848 г.). Кризис крепостнического хозяйства в царской России.</p> <p>Крымская война 1853 — 56 гг. Поражение царской России.</p>

Даты	А Б Х А З И Я	Г Р У З И Я	Главнейшие события всемирной истории
	<p>Арест Михаила Шервашидзе (1861 год) Абхазия превращается в "Сухумский военный отдел". Вторая волна "махаджирства". Подготовка крестьянской реформы. Восстание в Лыхны (1866 г.) Опубликование крестьянской реформы (1870 г.).</p>	<p>Крестьянская реформа в Грузии (1864 - 1867 г)</p>	<p>Подготовка и проведение крестьянской реформы 1861 г.</p>

Выкупное свидетельство*)

12 января 1872 года селение Атара.

Кодорского участка селения Атара девять дымов сословия анхае, бывшие подвластные жителя того-же селения Гвардии Полковника князя Григория Шервашидзе, на основании Высочайше утвержденного 8-го ноября 1870 г. положения о прекращении личной зависимости и поземельном устройстве населения в Сухумском отделе, внесли бывшему своему владельцу за освобождение от 4-летнего отбывания неотменяемых положением повинностей, выкупную плату в размере определенном нижеследующими статьями.

I

Дымы сословия анхае имеют в своем составе:

1. Глава Хакуц Абухба	52 лет.
его сыновья Базала	30 "
" " Якуб	25 "
дочь Сельма	18 "
жена Базала Тагого	25 "
дочь Тархана	1 год.
2. Глава Дадуг Барчани	35 лет.
его мать Ханым	50 "
его жена Хелкан	22 "
" брат Саит	22 "
" сестра Хедго	17 "
приемыш Жуга	19 "
3. Глава Бата Авидзба	37 "
его жена Асида	33 "
сыновья { Мамсыр	13 "
{ Сыкун	7 "
{ Джако	5 "

*) Настоящий документ, характеризующий классовую сущность крестьянской реформы 1870 г., обнаружен мною в 1930 г. в с. Атара у крестьянина Квициния. Оригинал хранится в Музее Краеведения. А.Ф.

дочь Есьма	16	"
брат Хадыж	30	"
вдова брата Кына	25	"
ее сын Хабук	3	"
дочери { Хымбаб	11	"
{ Бжец	8	"
{ Гваке	5	"
жена Хадыжа Ерухан	26	"
дочь Месын	2	"
4. Глава Хусени Бымба	48	"
его братья { Хаджимат	43	"
{ Гедлач	35	"
жена Хаджамата Ребия	30	"
сыновья { Хатхо	12	"
{ Куаца	10	"
{ Жакура	2	"
дочери { Хаджа	4	"
{ Елена	1	"
5. Глава Шону Джаманипа	18	"
его мать Ханифа	45	"
братья { Шарден	13	"
{ Исаак	8	"
{ Александр	2	"
сестра Адыка	16	"
6. Глава Урус Джаманипа	32	"
его жена Джанакыз	30	"
дочери { Фидан	6	"
{ Мыркуда	4	"
{ Анна	1	"
7. Глава Сеит Быхба	30	"
его мать Кяф	50	"
" жена Елеса	26	"
" сын Константин	1	"
" дочь Дзаб	3	"
" брат Коблук	28	"
8. Глава Павел Гергая	38	"
его жена Ребия	33	"
сыновья { Андрей	8	"
{ Герасим	6	"
{ Алекси	2	"

дочери	}	Саломе	16	"
		Елене	15	"
		Ирине	12	"
		Елиса	10	"
9. Глава Доут Агирба		34	"	
его жена Джагу		30	"	
сыновья	}	Хадгу	4	"
		Павел	1 год	"
его братья	}	Базала	30 лет	"
		Басият	23	"
		Жежу	20	"
		Гамшыш	18	"
жена Базала Зеса		26	"	

II

Работников мужского пола способных к работе в дымах: 5, 6 и 8 по одному, в 1, 3 и 7 по два, во 2-м три и в 9-м пять.

III

До 19 февраля 1871 года каждый дым был обязан владельцу отбывать повинности ежегодно:

а) полевою работою по 2 дня в год одним пешим работником, кроме двух дымов Хакуца Абухба и Даду Барчани, которые повинностью этой обязаны не были.

б) приношением одной козы.

в) приношение одного козленка у кого имеется свое стадо коз.

г) приношением восьми окалат кукурузы, кроме двух дымов Хакуца Абухба и Даду Барчани.

IV

В период обязательных отношений каждый дым подлежал отбывать владельцу повинности ежегодно:

а) Полевую работу по 2 дня в год одним пешим работником, кроме двух дымов: Хакуца Абухба и Даду Барчани.

б) Приношением одной козы.

в) Приношением одного козленка, кроме четырех дымов: Урус Джаманипа, Сеит Быхба, Павла Гергая и

Доут Агирба, которые приношению не подлежат по
неимению своих стад коз.

- г) Приношением восьми окалат кукурузы, кроме двух
дымов: Хакуца Абухба и Даду Барчани.

V

Повинностей после 19 февраля 1871 года дымы не
отбывали.

VI

Обязательств служащих уменьшению выкупной платы
не имеется.

VII

Данные определяющие принадлежность зависимости и
повинности определены путем опроса владельца, зависимых
и согласно приговора Адзюбжинского общинного суда от
16 декабря 1871 года за № 79 и справкою с камеральным
описанием.

VIII

На основании § 64 инструкции Учреждениям Сухум-
ского отдела по делам прекращения личной зависимости в
Отделе выкупная плата за повинности по 4-х летней слож-
ности определяется с дымов **Хакуца Абухба и Даду Барчани**
по двенадцати рублей сереб., **Уруса Джаманипа, Сеит Бых-**
ба, Павла Гергая и Доут Агрба по двадцати пяти рублей
шестидесяти коп., **Бата Авидзба, Хусеи Быгба и Шонуа**
Джаманипа, по **двадцати девяти рублей шестидесяти копеек**
серебром всего за повинности следует **Двести пятнадцать**
рублей двадцать копеек серебром, которую сумму поиме-
нованные девять дымов и внесли бывшему своему владель-
цу Гвардии Полковнику Князю Григорию Шервашидзе
сполна.

Следующая мне по сему свидетельству выкупная плата
за повинности с девяти дымов бывших моих подвластных,
в количестве Двухсот пятнадцати руб. двадцати коп. сереб.
получена сполна в чем и подписуюсь житель селения Атара
Гвардии Полковник князь Гр. Шервашидзе (подпись, А. Ф.)

Что действительно следующая выкупная пла.
надцать рублей **двадцать** копеек серебром за .
внесена сполна дымами сословия анхае бывшему **пяти**
дельцу в том подписом и приложением казенной печ.
свидетельствую И. Д. Мирowego Посредника Кодорского
участка 3-го отдела **Штабс-Капитан Малиновский**
(подпись, А. Ф.).

Мировой Посредник
Кодорского участка
(печать, А. Ф.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Вместо предисловия	3
I. Древнейшие обитатели Абхазии	23
II. Разложение родового строя и античная колони- зация на побережье Абхазии	50
III. Племенные союзы и их борьба с Византией . . .	68
IV. „Абхазо-картвельское“ государство	81
V. Эпоха развитого феодализма	90
VI. Береговая торговля и ее влияние на развитие абхазского феодализма	109
VII. Захват Абхазии русским царизмом	141
III. Крестьянская реформа 1870 года	161

УЧЕТНАЯ КОМ. СЛ. ЦИ. М. Ж.
Сектор
Сом Пр. Бок.

Ответ редактор З. АГРБА.

Техредактор ПИЩИК.

Сдано в печать 23/V, подписано к печати 4/VIII 1934 г.
Объем 12 печ. л. Вместимость 46.348 зн. в п. л.
Тираж 2600. Заказ № 3467. Абгл. № 139-А.

Типо-литография Абгиза им. Ленина, Сухум, ул. Октябр. революции № 3

Цена 2 р.

